

ISSN 2782-6627

СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ М.К. АММОСОВА

АЛТАИСТИКА ALTAISTICS

№ 4 (7)
2022

Научный журнал

Сетевое издание

Издаётся с 2021 года

Журнал выходит 4 раза в год

16+

Учредитель и издатель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова»

4 (07) 2022

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор *А. Н. Николаев*, д. б. н.Заместитель главного редактора, редактор: *Г. Г. Филиппов*, д. филол. н.Выпускающий редактор *Л. Е. Манчурина*, к. филол. н.

Члены редакционной коллегии:

Ан Сан Чоль, PhD, директор Института имени короля Седжона в г. Якутске, Корея (по согласованию); *К. Ж. Айдарбек*, д. филол. н., ассоциированный проф. кафедры казахского и русского языков, Казахский Национальный Аграрный исследовательский университет, Казахстан (по согласованию); *И. Е. Алексеев*, д. филол. н., проф. СВФУ им. М.К. Аммосова, Россия; *Е. Н. Афанасьева*, к. филол. н., доцент Политехнического института (филиала) СВФУ им. М.К. Аммосова, Россия; *Е. Ф. Афанасьева*, к. филол. н., доцент Бурятского госуниверситета им. Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, Россия (по согласованию); *М. В. Бавуу-Сюрюн*, д. филол. н., проф. кафедры тувинской филологии и общего языкознания Тувинского госуниверситета, Россия (по согласованию); *Нь. С. уола Багдарыын*, к. филол. н., н. с. ИГИИПМНС СО РАН, Россия (по согласованию); *А. Н. Варламов*, д. ф. н., н. с. ИГИИПМНС СО РАН, Россия (по согласованию); *А. А. Васильева*, к. филол. н., доцент СВФУ им. М.К. Аммосова, Россия; *С. П. Васильева*, к. филол. н., доцент СВФУ им. М.К. Аммосова, Россия; *Л. Л. Габышева*, д. филол. н., проф. СВФУ им. М.К. Аммосова, Россия; *Н. И. Данилова*, д. филол. н., гл. н. с. ИГИИПМНС СО РАН, Россия (по согласованию); *П. П. Дашинимаева*, д. филол. н., проф. Бурятского госуниверситета им. Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, Россия (по согласованию); *Л. С. Ефимова*, д. филол. н., проф. СВФУ им. М.К. Аммосова, Россия; *О. С. Жубаева*, д. филол. н., проф. Казахского национального университета имени Аль-Фараби, Казахстан (по согласованию); *А. Д. Каксин*, д. филол. н., в. н. с. Хакасского госуниверситета им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан, Россия (по согласованию); *Канг Дуксу*, PhD, Институт российских исследований, Университет иностранных языков «Хангук», Корея (по согласованию); *Г. Килли Йылмаз*, PhD, проф. Анкарского университета, факультета языков, истории и географии, Турция (по согласованию); *В. Д. Монастырев*, к. филол. н., в. н. с. ИГИИПМНС СО РАН, Россия (по согласованию); *В. Н. Мушаев*, д. филол. н., проф., зав.кафедрой калмыцкого языка, монголистики и алтаистики Калмыцкого госуниверситета им. Б.Б. Городовикова, Россия (по согласованию); *А. А. Находкина*, к. филол. н., доцент СВФУ им. М.К. Аммосова, Россия; *Б. Ч. Ооржак*, д. филол. н., в. н. с. НОЦ «Тюркология» Тувинского госуниверситета, Россия (по согласованию); *А. Б. Салкынбай*, д. филол. н., проф. Казахского национального университета им. Аль-Фараби, Казахстан (по согласованию); *Такаши Осава*, PhD, проф. Университета Осака, факультета языков и культуры, кафедра языка и общества, курс азиатских и африканских исследований, Япония (по согласованию); *Г. Г. Торотоев*, к. филол. н., доцент СВФУ им. М.К. Аммосова, Россия; *М. Д. Чертыкова*, д. филол. н., в. н. с. Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии Хакасского госуниверситета им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан, Россия (по согласованию); *А. Е. Шамеева*, к. филол. н., СВФУ им. М.К. Аммосова, Россия; *Л. А. Шамина*, д. филол. н., гл. н. с. сектора языков народов Сибири Института филологии СО РАН, Россия (по согласованию); *С. И. Шарина*, к. филол. н., в. н. с. ИГИИПМНС СО РАН, Россия (по согласованию).

Адрес учредителя и издателя: 677000, г. Якутск, ул. Белинского, 58

Адрес редакции: 677000, г. Якутск, ул. Кулаковского, 42, каб. 219

Тел.: +7 (4112) 49-67-50

E-mail: altaistics2020@mail.ru

Северо-Восточный федеральный университет <https://altaisticsvf.ru> ; <https://altaistika.elpub.ru/jour>

© Северо-Восточный федеральный университет, 2022

Scholarly journal
Online periodical
Published since 2021
Published 4 times a year

Founder and publisher: Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Professional Education
“M. K. Ammosov North-Eastern Federal University”

4 (07) 2022

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief: *A. N. Nikolaev*, Doctor of Biological Sciences

Deputy Editor-in-Chief: *G. G. Filippov*, Doctor of Philological Sciences

Commissioning Editor: *L. E. Manchurina*, Candidate of Philological Sciences

Editorial Team:

Ahn Sang-Cheol, PhD, Director, Sejong Institute in Yakutsk, Korea (on agreement); *K. J. Aidarbek*, Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Kazakh and Russian Languages, Kazakh National Agrarian Research Institute, Kazakhstan (on agreement); *I. E. Alekseev*, Doctor of Philological Sciences, Professor, M. K. Ammosov NEFU, Russia; *E. N. Afanasieva*, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Polytechnic Institute (branch), M. K. Ammosov NEFU, Russia; *E. F. Afanasieva*, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, Russia (on agreement); *M. V. Bavuu-Surun*, Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Tuvan Philology and General Linguistics, Tuva University, Russia (on agreement); *N. S. uola Bagdaryyn*, Candidate of Philological Sciences, researcher, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (IHRISN SB RAS), Russia (on agreement); *A. N. Varlamov*, Doctor of Philological Sciences, researcher, IHRISN SB RAS, Russia (on agreement); *A. A. Vasilieva*, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, M. K. Ammosov NEFU, Russia; *S. P. Vasilieva*, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, M. K. Ammosov NEFU, Russia; *L. L. Gabysheva*, Doctor of Philological Sciences, Professor, M. K. Ammosov NEFU, Russia; *N. I. Danilova*, Doctor of Philological Sciences, chief researcher, IHRISN SB RAS, Russia (on agreement); *P. P. Dashinimaeva*, Doctor of Philological Sciences, Professor, Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, Russia (on agreement); *L. S. Efimova*, Doctor of Philological Sciences, Professor, M. K. Ammosov NEFU, Russia; *O. S. Zhubaeva*, Doctor of Philological Sciences, Professor, Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan (on agreement); *A. D. Kaksin*, Doctor of Philological Sciences, leading researcher, N. F. Katanov Khakass State University, Abakan, Russia (on agreement); *Kang Duck-soo*, PhD, Institute of Russian Studies, Hankuk University of Foreign Studies, Korea (on agreement); *G. Killi Yilmaz*, PhD, Professor, Faculty of Languages, History and Geography, Ankara University, Turkey (on agreement); *V. D. Monastyrev*, Candidate of Philological Sciences, leading researcher, IHRISN SB RAS, Russia (on agreement); *V. N. Mushaev*, Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of the Department of Kalmyk Language, Mongol Studies and Altaics, B. B. Gorodovikov Kalmyk State University, Russia (on agreement); *A. A. Nakhodkina*, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, M. K. Ammosov NEFU, Russia; *B. Ch. Oorzhak*, Doctor of Philological Sciences, leading researcher, Turkic Studies Center, Tuvan University, Russia (on agreement); *A. B. Salkynbai*, Doctor of Philological Sciences, Professor, Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan (on agreement); *Takashi Osawa*, PhD, Professor, Asian and African Studies Course, Department of Language and Society, Faculty of Languages and Culture, University of Osaka (on agreement); *G. G. Torotoev*, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, M. K. Ammosov NEFU, Russia; *M. D. Chertykova*, Doctor of Philological Sciences, leading researcher, Institute of Humanities Research and Sayan-Altai Turkic Studies, N. F. Katanov Khakass State University, Abakan, Russia (on agreement); *A. E. Shamaeva*, Candidate of Philological Sciences, M. K. Ammosov NEFU, Russia; *L. A. Shamina*, Doctor of Philological Sciences, chief researcher, Department of Languages of people of the North, Institute of Philology, SB RAS (on agreement); *S. I. Sharina*, Candidate of Philological Sciences, leading researcher, IHRISN SB RAS, Russia (on agreement)

Address of the founder and publisher: 677000, Yakutsk, ul, Belinskogo, 58

Address of the editorial office: 677000, Yakutsk, ul, Kulakovskogo, 42, office 219

Phone: +7 (4112) 49-67-50

E-mail: altaistics2020@mail.ru

North-Eastern Federal University <https://altaisticsvfu.ru> ; <https://altaistika.elpub.ru/jour>

© The North-Eastern Federal University, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

ЯКУТСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ. ИССЛЕДОВАНИЕ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

<i>Сорова И. Н., Лукина Ю. С.</i> Слова, обозначающие родство по крови и браку в якутском и татарском языках	5
<i>Чиркочева Д. И., Григорьева С. В.</i> Диалектные слова, обозначающие реку, в якутском языке (по материалам словаря)	21
<i>Ядрихинская С. И., Филиппов Г. Г.</i> Соотношение семантики (типология семантики) производных основ, образованных аффиксами <i>-һыт</i> и <i>-ааччы</i> в якутском языке	31
<i>Чиркочева Д. И.</i> О сложных словах с аффиксом принадлежности в якутском языке	42
<i>Манчурина Л. Е.</i> Языковые средства романа В. С. Яковлева-Далан «Тыгын Дархан», определяющие его стиль	49

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПЕРЕВОДА В АЛТАЙСКИХ ЯЗЫКАХ

<i>Васильева А. А.</i> Основные периоды истории перевода школьных учебников на якутский язык	65
<i>Иванова С. В.</i> Народные предания о Манчары в переводе А. Е. Шапошниковой	76

ЯЗЫКИ И КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ АЛТАЙСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ СЕМЬИ

<i>Попова М. П.</i> Поэтическая фонетика В. Петровой–Венеры (на материале сборников «Освобождение» и «Робкое дыхание»)	90
--	----

ЮБИЛЕИ, ДАТЫ, СОБЫТИЯ

<i>Филиппов Г. Г., Манчурина Л. Е.</i> Васильев Юрий Иванович-Дьаргыстай – учёный-тюрколог, преподаватель, журналист и общественный деятель	98
---	----

CONTENT

YAKUT LINGUISTICS. RESEARCH IN TURKIC LANGUAGES

<i>Sorova I. N., Lukina Yu. S.</i> Words referring to blood and marriage kinship in Yakut and Tatar languages	5
<i>Chirkoeva D. I., Grigorieva S. V.</i> Dialectisms denoting the names of rivers: a dictionary study	21
<i>Yadrikhinskaya S. I., Filippov G. G.</i> Correlation of semantics (typology of semantics) of derived bases formed by affixes <i>-hyt</i> and <i>-aachchy</i> in the Yakut language	31
<i>Chirkoeva D. I.</i> About compound words with the affix of belonging in the Yakut language	42
<i>Manchurina L. E.</i> Linguistic means of Vasily Yakovlev-Dalan's novel «Tygyn Darkhan» defining his style	49

THEORY AND PRACTICE OF TRANSLATION IN THE ALTAIC LANGUAGES

<i>Vasilieva A. A.</i> Main stages in the history of translating school textbooks into the Yakut language	65
<i>Ivanova S. V.</i> Folk legends about Manchary: the case Aelita Shaposhnikova's translation	76

LANGUAGES AND CULTURES OF THE PEOPLES OF THE ALTAIC LANGUAGE FAMILY

<i>Popova M. P.</i> Poetic phonetics of Venera Petrova – Venus: the case of the poetry collections «Liberation» and «Timid Breath»	90
--	----

ANNIVERSARIES, DATES, EVENTS

<i>Filippov G. G., Manchurina L. E.</i> Yuri Vasiliev-Dyargystai – Turkologist, lecturer, journalist and public figure	98
--	----

– ЯКУТСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ. ИССЛЕДОВАНИЕ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ –

DOI: 10.25587/ALTAISTICSVFU.2022.95.65.001

УДК 811.512

И. Н. Сорова, Ю. С. Лукина

Слова, обозначающие родство по крови и браку в якутском и татарском языках

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия

E-mail: isorova@mail.ru

E-mail: yu.s.lukina@mail.ru

Аннотация. В современном якутском языкознании имеются значительные исследования в области описательного, сравнительного и исторического изучения лексики. Несмотря на это, многие вопросы лексикологии остаются недостаточно разработанными и требуют дальнейших исследований. Так, на современном этапе развития якутского языка одной из актуальных задач является изучение терминов родства в сравнительно-сопоставительном аспекте. Терминология родства, являясь одним из основных компонентов жизни человеческого коллектива, занимает важнейшее место в системе культуры любого этнического общества. Целью настоящей работы является сравнительно-сопоставительное исследование терминов родства по крови и браку якутского и татарского языков. Для достижения этой цели решаются следующие задачи: рассмотрение аспектов изучения терминологии родства; выявление системы терминов родства якутского и татарского языков; описание лексико-семантических и фоноструктурных особенностей терминов родства по крови (кровное родство – прямая линия, кровное родство через одно поколение, кровное родство через два поколения и более и кровное родство – боковая линия) и браку (термины родства со стороны мужа, термины родства со стороны жены, термины прерванного и приобретенного родства и нейтральные термины родства) в якутском и татарском языках. В работе использовались описательный, сравнительно-сопоставительный, статистический методы и метод выборки. Научная новизна работы заключается в том, что сравнительно-сопоставительное исследование слов, обозначающих родство якутского и татарского языков, имеет немаловажное значение как для отдельных отраслей языкознания, так и для выяснения вопросов этногенного характера. Теоретическая и практическая значимость исследования состоит в том, что ее материалы могут быть использованы в лексикографических изысканиях, например, при составлении словарей. Фактический материал, введенный в научный оборот, может быть использован в сопоставительно-типологических исследованиях тюркских языков, а также в качестве материала для преподавания лексики якутского языка.

СОРОВА Ирина Николаевна – к. филол. н., доцент кафедры якутского языка, Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова.

E-mail: isorova@mail.ru

SOROVA Irina Nikolaevna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Yakut Language Department, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

ЛУКИНА Юлия Сергеевна – магистрант кафедры якутского языка, Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова.

E-mail: yu.s.lukina@mail.ru

LUKINA Yulia Sergeevna – Master's student, Yakut Language Department, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

Ключевые слова: термины родства по крови, термины родства по браку, лексические параллели, фоноструктурные особенности, лексико-семантические особенности, этимология, фонетические изменения, общетюркские слова, монголизм, заимствование.

I. N. Sorova, Yu. S. Lukina

Words referring to blood and marriage kinship in Yakut and Tatar languages

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

E-mail: isorova@mail.ru

E-mail: yu.s.lukina@mail.ru

Abstract. In modern Yakut linguistics, there are significant studies in the field of descriptive, comparative and historical study of vocabulary. Despite this, many issues of lexicology remain insufficiently developed and require further research. Thus, at the present stage of the development of the Yakut language, one of the urgent tasks is to study the terms of kinship in a comparative aspect. Being one of the main components of human's life of group, the terminology of kinship occupies an important place in the cultural system of any ethnic society. A comparative study of the terms of kinship by blood and marriage of the Yakut and Tatar languages can provide valuable new knowledge not only in linguistics, but also in historical and ethnographic studies. The purpose of this work is a comparative study of the terms of kinship in the Yakut and Tatar languages. In order to achieve this goal, the following tasks are solved: consideration of aspects of studying the terminology of kinship; identification of the system of kinship terms in the Yakut and Tatar languages; description of lexico-semantic and phonostructural features of the terms of kinship by blood (consanguinity – direct line, consanguinity through one generation, consanguinity through two generations or more and consanguinity – lateral line) and marriage (terms of kinship on the part of the husband, terms of kinship on the part of wives, terms of interrupted and acquired kinship and neutral kinship terms) in the Yakut and Tatar languages. Descriptive, comparative, statistical and sampling methods were used in the work. The scholarly novelty of the work lies in the fact that the comparative study of words denoting the relationship between the Yakut and Tatar languages, is important both for individual branches of linguistics and for the clarification of ethnogenic issues. The theoretical and practical significance of the study lies in the fact that its materials can be used in lexicographic research, for example, in the compilation of dictionaries. The actual material introduced into the scientific circulation can be used in comparative typological studies of Turkic languages, as well as as a material for teaching the vocabulary of the Yakut language.

Keywords: terms of kinship by blood, terms of kinship by marriage, lexical parallels, phonostructural peculiarities, lexico-semantic features, etymology, phonetic changes, common Turkic words, Mongolism, borrowing.

Введение

Термины родства относятся к одному из наиболее древних пластов лексики, представляющей целую терминологическую систему, как совокупность лексических средств, обслуживающих определенную область человеческой деятельности. В настоящее время накоплен обширный материал по терминам родства тюркских языков. В «Этимологическом словаре тюркских языков» Э. В. Севортяна представлены общетюркские и межтюркские лексические основы, в которых излагаются и термины родства тюркских народов [1]. При этом большое внимание уделяется семантике терминов родства, анализируется этимология этих слов.

В статье Л. А. Покровской «Термины родства в тюркских языках» детально рассмотрены термины родства, относящиеся к общему лексическому фонду в тюркских языках. Дается сравнительно-исторический анализ распространенных тюркских терминов родства, характеризуется их происхождение. Работа Л. А. Покровской является первым «опытом рассмотрения в лингвистическом плане терминов родства, общих для всех или большинства современных тюркских языков» [2, с. 14].

Особенность систем терминов родства тюркских народов первым выявил Н. В. Бикбулатов. Он выяснил наличие принципа «скользящего счета родства», по которому все боковые кровные родственники по отцовской линии, а также младшие родственники и их супруги терминологически обозначаются, как и в большинстве других систем, вне зависимости от генеалогической цепочки или принадлежности к поколению и определяются по их относительному возрасту, где системой координат служит прямая линия родства [3].

Слова, обозначающие родство в якутском языке, подразумевают глубокую историю якутской культуры, отражающей этапы социального развития общества. Дореволюционные исследователи пласта лексики якутского языка являлись в основном участниками научных экспедиций Российской академии наук либо ссылными. Они являются первыми, кто начал изучать терминологию родства якутского языка, оставили нам памятники, положившие начало исследованию как якутского языка в целом, так и системы терминов родства.

Впервые термины родства якутского языка упоминаются в фундаментальном труде О. Н. Бётлингга [4]. Они послужили объективной основой в последующих изучениях обсуждаемой проблемы в якутском языкознании.

Н. А. Виташевский в работе «Брак и родство у якутов» при анализе обычаев брака и родства у якутов дал этимологическую трактовку некоторых терминов родства [5].

Е. П. Федорова в своей работе «Термины родства и свойства в якутском языке» выявила и описала системы терминов родства и свойства якутского языка, а также примыкающих к ним социальных терминов якутского языка в структурно-семантическом аспекте. В работе представлен максимально полный материал по терминам родства и примыкающим к ним социальным терминам рассматриваемого языка [6].

Татарская терминология родства до сих пор не подвергалась специальному исследованию, хотя в отдельных работах она нашла отражение в виде источника. Богатый материал по родственной терминологии представлен в диалектологических словарях татарского языка. В «Атласе татарских народных говоров Среднего Поволжья и Приуралья» получили отражение изоглоссы ряда терминов [7].

Большой вклад в изучении терминов родства татарского языка внесла Д. Б. Рамазанова. В своей работе «Термины родства в татарском языке» она исследует наиболее полную систему терминов родства татарского языка как в синхронном, так и в диахронном плане, анализирует большой фактический материал по говорам и памятникам старотатарской литературы, с привлечением также и данных из других тюркских, финно-угорских и других языков [8].

Терминология родства – это определенная система генеалогических связей и отношений родственников. Термины кровного родства подразделяются на два микрополя:

1. Кровное родство – прямая линия, где признак «поколения» является организующим. В свою очередь, данная линия различается на следующие подгруппы:

- кровное родство – прямая линия;
- кровное родство через одно поколение;
- кровное родство – боковая линия;

2. Термины родства по браку сгруппированы в четыре подсистемы:

- термины свойства со стороны мужа;
- термины свойства со стороны жены;
- термины приобретенного и прерванного родства;
- нейтральные термины родства [6, с. 12].

Термины родства по крови

Различие терминов родства по женской и мужской линии в якутском и татарском языках

Термины кровного родства в якутском языке образуют семантическое поле с четко организованной структурой: существует разграничение по женской и мужской линиям.

Уус, как объясняет Э. К. Пекарский, это «род, поколение, племя, семейство» [9, стлб. 3075], происходит от древнетюркского и уйгурского *огуш*, *обус* ‘род’, ‘поколение’. В понимании якутского народа данный термин определяется следующим образом: «Если взять все ветви, сучки, листья и почки, вырастающие из одного корня, то получится *уса*» [10, с. 418].

В «Большом толковом словаре якутского языка» дается следующее определение данного термина: *аба ууһа* – род, происходящий из нескольких *ийэ ууһа*, большая семья; основная единица якутского самоуправления (несколько таких единиц составляет наслег) [11, с. 251].

Е. П. Федорова в своей работе дает определение к *аба ууһа*, как «род, происходящий от одного прародителя мужского пола, считающий родство до девятого поколения; основная единица якутского самоуправления (несколько таких единиц составляют наслег)». А к *ийэ ууһа* – «материнский род, каждое из поколений, на который делится род *аба ууһа*» [6, с. 166].

У татар термин *нагажи* зафиксирован в словаре И. Хальфина в XVIII в., в более поздних словарях нигде не наблюдается. В татарской системе родства отсутствует деление кровного родства на отцовскую и материнскую стороны. Родственники по отцу и родственники по матери обозначаются одними и теми же терминами. Как исключение, наблюдается выделение деда и бабушки (у крышен: также и других родственников) со стороны матери. Как пишет Д. Б. Рамазанова, «...В крышенских, мензелинском, бирском говорах наблюдается выделение деда и бабушки (у крышен: также и других родственников: со стороны матери при помощи атрибутива *жырак / йырак*, каргалинско *жырак жинги* – жена дяди со стороны матери и т. д.» [8, с. 68].

Кровное родство – прямая линия

Слова, обозначающие родство, трактуют взаимоотношения людей, представляющих собой членов одной семьи, связанных между собой узами крови и, в конечном счете, имеющих одного общего предка. Якутскую и татарскую семью можно охарактеризовать как патриархальную, по структурной форме – как малую, средняя численность которой составляла четыре-пять человек. Обычно такая семья состояла из двух поколений кровных родственников по восходящей и нисходящей линиям – родителей и детей.

Термины родства по крови по нисходящей линии в якутском и татарском языках представлены общетюркскими словами с незначительными фонетическими изменениями (*ул* (VC) – *ул* (VC) ‘сын’, *кыыс* (CVC) – *кыз* (CVC) ‘дочь’, *ийэ* (VCV) – *ана* (VCV) ‘мать’), кроме татарского термина *ата*.

Ага (VCV) в татарском языке – это почтительное обращение взрослых мужчин к своим старшим братьям, а в якутском языке термин *аба* имеет два значения: 1) ‘отец, родитель’; 2) ‘старший по возрасту’ [11, с. 248-249]. В татарском и некоторых тюркских языках своего отца называют древнетюркским термином *ата* ‘отец’, тождественно с тюркским *ага* (*аба*), который используется в большинстве современных тюркских языков в различных фонетических вариантах и значениях: ‘старший брат’, ‘дядя’, ‘отец’, ‘дед по отцу’, ‘господин’, ‘начальник’. Л. А. Покровская отмечает, что наиболее ранним из известных значений *аба* является ‘старший родственник по мужской линии’, т. е. лицо, входившее в класс родствен-

ников, которые на определенных ступенях развития родового общества занимали важное, почетное место в системе родства [2, с. 36].

Татарский *ата* имеет несколько значений, так в поколение отцов входят еще такие ветви: ‘отец, отцовский, отчий’, ‘самец’ [12, с. 43]; его (т. е. отца) младший брат и его же старший сын; *баба(й)* ‘дед’, в поколение дедов входят его (т. е. деда) младший брат и его старший сын и т. п. для выражения же представителей этих младших ветвей в татарском языке. Из этого следует, что татарский *ага* и *ата* сохранили свое первоначальное древнетюркское значение, а якутский термин *аба* обозначает отца и старшего по возрасту человека независимо от его пола. В якутском языке в сочетании с данным термином родства образуются некоторые сложные термины родства: *аба-ийэ* ‘родители’; *иипит абам* ‘мой названный отец’; *маачыха, кииринньэн аба, сүтүөр* ‘отчим’; *ийэм абата* ‘мой дед по матери’; *абаларбыт абалара* ‘прародители’ [9, стлб. 12-13].

Термины, обозначающие мать в якутском (*ийэ* (VCV) и татарском (*ана* (VCV) языках, происходят от древнетюркского слова *ана*, которое встречается почти во всех тюркских языках с измененным звуковым составом. Г. В. Попов пишет, что в якутском языке есть случаи, когда звук *н* тюркского слова переходит в звук *й*, и приводит этимологию лексической единицы *ийэ* следующим образом: *ана* > *эне* > *ине* > *ийэ* [13, с. 39].

Ийэ в качестве термина в якутском языке имеет два значения, во-первых, ‘мать’, во-вторых, ‘самка, имеющая детеныша’ [14, с. 591-592]. В словаре Э. К. Пекарского имеет значение ‘родная мать’, ‘матушка’ [9, стлб. 906].

Термин *ана* в татарском литературном языке имеет два значения: 1) ‘мать, материнский’; 2) ‘самка, matka’ [12, с. 35].

Уол (VC) / *Ул* (VC) ‘сын’ происходит от древнетюркского *ogul*. Слово *уол* в качестве термина в якутском языке имеет два значения, во-первых, ‘мальчик, юноша, парень’, во-вторых, ‘мужчина, мальчик по отношению у родителям, сын (в употр. в притяж. ф.)’ [15, с. 192]. В якутском языке в результате выпадения от исконно древнетюркского слова *ogul* интервокального согласного образуется дифтонг *уо*: *уол*, а в татарском языке в результате выпадения согласного и слияния двух гласных образовался гласный *у*: *ул*.

Якутский термин *уол* в функции термина родства употребляется обычно с аффиксом принадлежности, конкретизирующим и суживающим его общее значение (*уолум, мин уолум* ‘мой сын’, *күни уола* ‘его сын’), также может употребляться и в соединении с уточняющим его семантику словом *оҕо* – *уол оҕом*, что присутствует и во всех тюркских языках [2, с. 15]. В. Л. Серошевский в своей работе отмечает, что термин *уол* употребляется в значении ‘сын, мальчик, юноша, молодой человек’. А с прибавкой притяжательного местоимения «мой» название это в обыденной речи употребляется стариками не только по отношению к родным сыновьям, но и ко всем юношам мужского пола, состоящим с ними в каком-либо родстве [10, с. 545].

Татарское слово *ул* в качестве термина имеет значение ‘сын’ [12, с. 588]. Этот термин также употребляется с аффиксом принадлежности (*улым, минем улым* ‘мой сын’, *анын улы* ‘его сын’).

Понятие ‘дочь’ в якутском и татарском языках передается общетюркскими терминами *кыыс* (як.) (CVC) / *кыз* (CVC) (тат.), которые сохранили свой первоначальный древнетюркский облик и обозначают: 1) дочь с аффиксом принадлежности, конкретизирующим и суживающим его общее значение (*кыыһым, мин кыыһым / минем кызым* ‘моя дочь’, *күни кыыһа / анын кызы* ‘его/ее дочь’); 2) все представители женского пола, моложе его, состоящие с ним в каком-либо родстве (при обращении).

В «Большом якутском толковом словаре» *кыыс* имеет три значения: 1) ‘девочка, девушка (до замужества)’; 2) ‘дочь’; 3) ‘состояние до замужества, до вступления в брачные отношения, девичество’ [16, с. 433]

В татарском словаре термин *кыз* определяется, во-первых, как ‘девочка, девушка, девица’, во-вторых, как ‘дочь, дочка’ [12, с. 304].

Кровное родство через одно поколение

В якутской и татарской родственной терминологии четко выражены кровные родства поколений. Это по восходящей линии дети матерей и отцов обоих родителей называют в якутском языке *эбэ* ‘бабушка’, *эхэ* ‘дедушка’, в татарском – *эби* ‘бабушка’, *бабай* ‘дедушка’.

Как отмечает Л. А. Покровская, *эбэ* (V-CV) (як.) / *эби* (V-CV) (тат.) произошли от древнетюркского слова *ебе/еве* или же от варианта со смягченными гласными от *аба* [2, с. 32], имеющего общее понятие ‘старший родственник’, складывающееся из отдельных более узких и конкретных понятий ‘старший брат’, ‘отец’, ‘дядя по отцу’, ‘старший брат жены’, ‘дед’, ‘предок’. Как видно из перечисленных значений, термин *аба* является мужским термином.

Как отмечает Э. В. Севортян, фонетически более древней и наиболее распространенной формой этих терминов является межгрупповая форма *ебе-эбэ*, известная в огузских, кыпчакских и якутском языках [1, с. 220]. Эта форма имеет два основных значения: более распространенное ‘мать’, ‘бабка’, ‘бабушка’, ‘старая женщина’ (древняя часть значения *ебэ*) и второе – ‘повивальная бабка’ [1, с. 221].

В татарских говорах словом *эби* может называться любая женщина преклонного возраста, но в литературном языке термин *эби* используется в значении ‘бабушка’. В разговорной речи еще понимается как ‘повивальная бабка, акушерка’ [12, с. 723].

В якутском и татарском языках при помощи термина *эбэ* / *эби* образованы другие описательные термины: *хос/хат эбэ* ‘прабабка, ее сестра’; *өбүгэ эбэм* ‘моя прапрабабушка, ее сестра’; *эбэ кылын* ‘бабка жены’, *эбэ хотун* ‘бабка мужа’ [9, стлб. 215]; *карт эбий*, *зур эбий* – ‘мать бабушки, прабабушка’; *узур эбий* ‘старшая сестра бабушки и дедушки’; *картэби* ‘самая старшая женщина в роду или деревне’. В татарском языке эти термины выступают и как форма обращения к женам старших братьев отца или матери, т. е. родственницам по браку [8, с. 1991].

Термины, обозначающие дедушку, в якутском и татарском языках даны разными словами древнетюркского происхождения: якутский термин *эхэ* (V-CV) происходит от древнетюркского слова *edbe/ege* ‘родной дед, дедушка’ [17, с. 165], а татарский *бабай* (CV-CVC) происходит от *baba* ‘отец’ [17, с. 76] с уменьшительно-ласкательным аффиксом *-кай*. В «Татарско-русском словаре» данный термин *баба* имеет значение как ‘дед, дедушка’ [12, с. 51]. *Эхэ* ‘дедушка’ в якутском языке имеет значение ‘отец отца или матери’ [18, с. 258]. При обращении к дедам и бабушкам нет различия в словах и не зависит от пола говорящего.

Якутский термин *сиэн* (CVC) ‘внук’ происходит от общетюркского слова *jegän* ‘племянник’ [17, с. 252], присутствующего в большинстве тюркских языков в различных фонетических вариантах. Для варианта в якутском языке произошло видоизменение *й* на *с*, выпадение согласного *г* в интервокальной позиции, вследствие чего образовался дифтонг *иэ*.

В якутском языке *сиэн* имеет два значения: 1) ‘внук, внучка’; 2) ‘племянник, племянница’ [19, с. 477]. Как пишет Л. А. Покровская, изначально термин *сиэн* употреблялся в значении ‘внук’ только по женской линии, в последующем, произошло семантическое развитие термина в сторону расширения специализированного значения: внук по женской линии >

внук вообще. Относится к обоим полам: им можно обозначать родственников и женского, и мужского полов. При отсутствии каких-либо морфологических или синтаксических показателей, чаще всего обозначает родственника мужского пола. Для обозначения внука женского пола после него ставится слово *кыыс* как показатель женского пола: *сиэн кыыс* ‘внучка’ [2, с. 53].

Татарский термин *онык* в татарском языке употребляется в значении ‘внук’ [12, с. 411]. *Онык, оныка* происходят от русского термина *внук* и *внучка* с некоторыми фонетическими изменениями, т. е. утрачен начальный *в*, что связано с фонетическими закономерностями татарского языка, для которого чужды губно-зубной звук *в* и стечение согласных в начале слова. Для обозначения ‘внука’ и ‘внучки’ к термину *онык* прибавляется притяжательный аффикс *-ынг*, и чтобы отметить пол, сочетается с терминами *ул* и *кыз* с притяжательным аффиксом: *оныгынын улы/оныгынын кызы*.

Кровное родство через два поколения и более

Термины родства через два поколения и более в обоих языках даны описательными словами (*хос эбэ* (CVC V-CV) (як.) – *карт эби* (CVCC V-CV) (тат.) ‘прабабушка’ – *хос эһэ* (CVC V-CV) (як.) – *карт бабай* (CVCC CV-CVC) (тат.) ‘прадедушка’ – *хос сиэн* (CVC CVC) (як.).

Якутские термины *хос эбэ* ‘прабабушка’, *хос эһэ* ‘прадедушка’, *хос сиэн* ‘правнук’ представляют собой составной термин родства, состоящий из основы *эбэ / эһэ / сиэн* в сочетании с детерминативом *хос*, который сам по себе не является термином родства. Слово *хос* в словаре Э. К. Пекарского (тюрк. *кос, кош* ‘пара’, ‘состоящий из двух частей’, ‘парный’; монг. *кос* ‘чета’, ‘пара’) относится к данному термину в значении ‘двойной’, ‘вдвойне’, тем самым обозначая родство: ‘прабабушка’ [9, стлб. 3520].

Наличием термина *карт* в основах *эби / бабай* татарский язык обнаруживает общность с карачаево-балкарским, крымско-татарским, башкирским языками [8, с. 30].

Кровное родство – боковая линия

При сравнении кровного родства по боковой линии, кроме терминов, обозначающих старшую и младшую сестру, большинство терминов имеют общетюркский корень и совпадают по значению.

Якутский термин *эдьий* (V-CVC) ‘старшая сестра’ происходит от монгольского *эжи* (видоизменение *ж* на *дь*, краткого гласного *и* на долгий *ии* и прибавление конечного *й*). Это многозначный термин родства, обозначающий старших кровных родственников женского пола. А. А. Бурыкин сопоставляет данный термин с калмыкским *егчи* ‘старшая сестра’, тем самым предполагая, что слово *аҕас* в якутском языке является исконно тюркским, а *эдьий* – монгольским заимствованием (*эжи* ‘бабушка’) [20, с. 220].

Термин *ана* (V-CV) ‘старшая сестра’ (от др. тюрк. *ара*) наблюдается в настоящее время во всех говорах татарского языка [12, с. 36]. Этот термин может употребляться по отношению и к старшим родственницам, т. е. сестрам родителей и дедов, и к старшим родственницам брачного свойства, и к любой женщине старшего возрастом. Так, термин *ана* также несет групповую функцию.

Понятие ‘младшей сестры’ в обоих языках даны разными словами древнетюркского происхождения: в якутском – *балыс* (CV-CVC) / *балты* (CVC-CV) (от др. тюрк. *baltır* ‘младшая родственница’ [17, с. 81]), в татарском – *сенел* (от др. тюрк. *señe* ‘младшая сестра’ [17, с. 495]).

Балыс в якутском языке имеет три значения: 1) ‘младшая сестра’; 2) ‘человек, который моложе кого-л., младший по возрасту’; 3) ‘то, что чуть меньше (по величине, значимости)’ [21, т. 2, с. 178].

Термин *сенгел* (CV-CVC) имеет значение ‘младшая сестра’ [12, с. 478]. Как отмечает Л. А. Покровская, как и во многих языках, этот термин употребляется для выражения целого класса младших родственников по боковым линиям [2, с. 33].

В якутском языке есть еще понятие *аҕас-балыс* ‘сестры’ [11, с. 263], которое обозначает родных сестер.

Татары всех родственников отца мужского пола называют термином *ага* либо *абый*, а в якутском языке старшего брата отца называют термином *абаҕа*, брата матери – *таай*, младшего брата отца и родного брата – *убай*, родного старшего брата – *бии*.

В якутском языке *убай* (V-CVC) (от др. тюрк. *aba* ‘отец’ + звательн. афф. -*й*) обозначает две степени родства: 1) старший родной и старший двоюродный; 2) старший родственник по линии отца (моложе отца); 3) почтенный, заслуживающий уважения человек, а также обращение к нему [15, с. 71-72]. В татарском языке *абый* (V-CVC) также происходит от древнетюркского *aba* ‘отец’ [17, с. 13] с зательным аффиксом -*й*.

Таай (CVC) (от общетюркского *тага/тагай*, в результате выпадения интервокального *г* образование долгого гласного *aa*) – дядя (обычно, брат матери; вся родня мужского пола по материнской линии) [22, т. 10, с. 72]. Термин *абаҕа* происходит от монгольского *абаҕа*, имеет значение ‘дядя (старший брат отца – независимо от пола говорящего)’ [11, с. 228]. В татарском языке от монг. *абаҕа* возник *абзый* (VC-CVC) ‘младший брат отца’. Термином *бии* (от общетюркского *bedük* ‘большой’) обозначается старший из родных братьев [21, с. 288]. *Бии* отражает более узкие родственные отношения, нежели *убай*, является внутрисемейным термином родства.

Татарский термин *ага* происходит от древнетюркского *ага* ‘старший брат’ [17, с. 48] и употребляется для обозначения ‘дяди по отцу и старшего родственника вообще’ и ‘почтительное обращение взрослых мужчин к своим старшим братьям’ [12, с. 21], а в якутском *ага* – отец.

Термины, обозначающие младшего брата, в обоих языках аналогичны. Якутское *ини* (V-CV) и татарское *эне* (V-CV, видоизменение узких гласных на широкие гласные) происходят от древнетюркского слова *ini* ‘младший брат’ [17, с. 210]. Кроме этого, в якутском языке есть несколько вариантов, обозначающих младшего брата: это заимствованный с русского языка термин *быраат* (CV-CVC) (от русс. ‘брат’, орфографируется согласно нормам якутского произношения) и взявший корни от тюркского языка термин *сурус* (CV-CVC) (от др. тюрк. *jururci* – ‘младший брат сестры’). Якутский термин *быраат* – заимствованное из русского языка слово, но в отличие от изначального варианта, сузило свое значение и означает ‘младший брат (родной, двоюродный и т. д.)’, ‘племянник (сын старшего родного брата)’ [21, с. 723]. Данное слово имеет значение не только как термин, обозначающий родство, а так же определяется как ‘товарищ’, ‘единомышленник’, ‘дружеское отношение к кому-либо’.

В якутской терминологии родства еще есть сложный термин *ини-бии* ‘родные братья’ [14, с. 683], который используется в отношении между родными братьями: *ини* – старший по возрасту, *бии* – младший по возрасту. Э. К. Пекарский данное слово *бии* сближает с тюркским словом *бег, нек* [9, стлб. 451]. Такого же мнения придерживается Э. В. Севортян, но соотносит данное слово к форме *бий-би* [1, с. 12]. А. А. Бурыкин, в свою очередь, предполагает, что якутское *бии* является результатом развития общетюркского слова *bedük* ‘большой’ при необычном для якутского языка отражении интердентального звонкого гласного *д*, который позже подвергся выпадению [19, с. 218].

Термины родства по браку

Свойственное родство образуется вследствие сближения прежде неродственных лиц через брак, вместе с тем в основе каждого кровного родства лежит свойственное родство [23, с. 88].

Понятие ‘муж’ в якутском языке передается словом *эр* (VC), в татарском языке – *ир* (VC) (видоизменение широкого гласного *э* на узкий гласный *и*) от древнетюркского *är* ‘муж, мужчина’ [17, с. 75]. Данный термин используется почти во всех тюркских языках и имеет значения ‘муж’, ‘супруг’. Однако общее его значение шире: *эр* (як.) / *ир* (тат.) – мужчина с ярко выраженным оттенком храбрости.

В якутском и татарском языках слова *эр* (як.) / *ир* (тат.) ‘муж, мужчина’ используются с аффиксами принадлежности по отношению к конкретным лицам: в якутском языке – *эрим* ‘мой мужчина’, *эринг* ‘твой мужчина’ и т. п., в татарском языке – *ирем* ‘мой мужчина’, *синең ире* ‘твой мужчина’.

В якутском языке мужа называют еще термином *кэргэн* (CVC-CVC), который имеет три значения: 1) семья; 2) сплоченная, единая группа людей; 3) муж, супруг [16, с. 523-524]. Этот термин чаще употребляют с аффиксом принадлежности: *кэргэним* ‘мой муж’, *кэргэниң* ‘твой муж’ и т. п.

Понятие жены в обоих языках передается терминами *хотун* (CV-CVC) (як.) / *хатын* (тат.) (CV-CVC). Эти термины берут свое начало от древнетюркского *qatun*, что означает ‘госпожа, вельможная дама, женщина знатного происхождения’, ‘жена правителя, знатного человека’ [17, с. 436]. Данные термины аналогичны, переданы в окающем и акающем вариантах.

В якутском языке *хотун* как термин родства имеет три значения: во-первых, ‘мать мужа, свекровь’; во-вторых, ‘хозяйка дома, супруга, жена хозяина’; в-третьих, ‘жена богача, властителя, господина, госпожа’ [24, с. 628]. В некоторых говорах якутского языка понятие жены передается словом *хатун*, т. е. дается в акающем варианте. А в большинстве говоров татарского языка характерен вариант *катын*. В татарском языке *хатын* имеет три значения: 1) ‘жена, супруга’; 2) ‘женщина’; 3) ‘дама’ [12, с. 611].

Понятие ‘жены’ в якутском языке, кроме термина *хотун*, передается термином *ойох* (V-CVC) (от др. тюрк. *oյuk* ‘проколотый, дыра’) – ‘жена, супруга (законная)’ [25, с. 238].

Понятие ‘зять’ в якутском языке передается термином *күтүөт* (CV-CVC), а в татарском языке *кийәү* (CV-CVC). Эти термины аналогичны, но имеют фонетические изменения. *Күтүөт/кийәү* происходят от древнетюркского слова *küädägü* ‘зять’ [17, с. 324]. Как и во всех тюркских языках, данные термины выражают еще понятия ‘жених’, ‘новобрачный’, ‘младший зять’. Как в якутском, так и в татарском языках этими терминами именуются: муж дочери, муж младшей сестры, мужья племянниц, т. е. муж любой младшей родственницы.

Понятия ‘сноха’, ‘невестка’ в якутском языке выражается термином *кийиит* (CV-CVC), в татарском языке – *килен* (CV-CVC). Оба этих слова берут начало с поволжско-уральского варианта древнетюркского слова *kelin* ‘невестка’ [17, с. 296]. Термины *кийиит* и *килен* могут означать не только невесток или жен родных младших братьев, но и вообще жену любого младшего родственника, жен двоюродных и троюродных братьев, если они моложе говорящего. А вот жену старшего брата в обоих языках называют термином, который берет свое начало от древнетюркского слова *jeŋgä*: в татарском – *жиңгә* (CVC-CV), в якутском – *санас* (CV-CVC). Татарский термин сохранил свой первоначальный вид, а якутский термин имеет значительные фонетические изменения.

В якутском языке *кийиит* имеет два значения, во-первых, ‘сноха, невестка’; во-вторых, ‘невеста’ [18, с. 87]. В татарском языке *килен* используется в значении ‘сноха, невестка’

[12, с. 252], обычно этот термин употребляется как выражение *йәш килен* (досл. молодая сноха).

Термины родства со стороны мужа

Термины родства со стороны мужа и жены в татарском языке называются одинаково, и все эти термины даны сложными словами, т. е. начинаются со слова *каен*, что означает ‘родственник по мужу и жены’ [12, с. 206]. А в якутском языке термины родства по мужу отличаются от терминов родства со стороны жены. Кроме общетюркских терминов *тойон* ‘свекор’ и *хотун* ‘свекровь’, якутские термины родства по мужу даны с атрибутивным словосочетанием *аҕас хотун* ‘старшая сестра мужа’, *уол тойон* ‘брат мужа’.

Понятие ‘свекор’ передается в татарском языке термином *каената* (CV-V-CV-CV) (от др. тюрк. *кайын* ‘родственник по мужу и жены’ + *ата* ‘отец’, выпадение согласного *й*), где *каен*, как и в большинстве тюркских языков, является обобщающим термином родства по браку. Как указывает Л. А. Покровская, термин *кайын* «без конкретизирующих его значения слов передает в тюркских языках лишь идею родства по мужу и жены» [2, с. 69].

Якутский термин *тойон* (CV-CVC) происходит от древнетюркского *нойон* – заглавные значения: ‘богач, имеющий батраков’; ‘отец мужа, свекор’; ‘человек, занимающий какую-л. руководящую должность, начальник’, ‘слово, которое употребляется по отношению к человеку, выражая различные эмоциональные оттенки’ и т. д. [22, с. 419-420]. Значение в системе терминов родства – ‘свекор’, ‘отец мужа’. У якутов отец мужа является лицом особо почитаемым, уважаемым для невестки, приравненный к господину и владыке.

Понятие ‘свекровь’ в якутском языке передается термином *хотун* (CV-CVC). В татарском языке свекровь называют термином, образованным, как и *каената*: *каенана* (CV-V-CV-CV) <*каен*+*ана* (от др. тюрк. *кайын* ‘родственник по мужу и жены’ + *ана* ‘мать’, выпадение согласного *й*) [12, с. 206].

Понятие ‘старший брат мужа, старший деверь’ в якутском языке передается термином *уол тойон* (VC CV-CVC) (от др. тюрк. *овул* ‘мальчик’ и др. тюрк. *нойон* ‘господин, правитель’). Этот сложный термин родства означает старший деверь (брат мужа). В татарском языке это понятие также дается сложным словом – *каенага* (CV-V-CV-CV) (от др. тюрк. *кайын* ‘родственник по мужу и жены’ + *ага* ‘старший брат’) ‘старший брат жены и мужа’ [12, с. 206].

В якутском языке жену старшего брата мужа называют термином монгольского происхождения *бэргэн эдьиий* (CVC-CVC V-CVC). Э. К. Пекарский сравнивает *бэргэн* с тюркским *перэгэ*, а также с монгольским термином *бэргэн*, маньчжурским *бэрху* [9, стлб. 434].

В татарском языке понятие ‘младший брат мужа и жены’ передается сложным термином *каене* (CV-V-CV) (от др. тюрк. *кайын* ‘родственник по мужу и жены’ + *ини* ‘младший брат’) [12, с. 206], а в якутском языке – *күрэ быраат* (CV-CV CV-CVC) (от монг. *хур* ‘младший брат мужа’ и от русс. брат). А. А. Бурыкин отмечает, что компонент *күрэ* восходит к монгольскому *хур*, встречающемуся в терминах свойства, и сравнивает с монгольским и бурятским *хур дуу* ‘шурин, младший брат жены’ и калмыкским *курдуу*, *курдуук веун* ‘младший брат жены’, ‘шурин’ [19, с. 231].

Старшую сестру мужа в якутском языке называют сложным термином *кыыс хотун* (CVC CV-CVC) (от др. тюрк. *qız* ‘девушка’ + *qatın* ‘госпожа, жена правителя’, в татарском языке – *каенигэч* (CV-V-CV-CVC) (от др. тюрк. *кайын* ‘родственник по мужу и жены’).

Понятие ‘младшая сестра мужа’ в якутском языке передается термином *күрэ балыс* (CV-CV CV-CVC) (от монг. *хур* ‘младший брат мужа’ и др. тюрк. *baltır* ‘младшая родственница’). В словаре Э. К. Пекарского данный термин определяется следующим образом: ‘младшая свояченица (т. е. младшая сестра жены)’, ‘младшая двоюродная сестра жены’, ‘женина племянница’, ‘женина двоюродная племянница’ [9, стлб. 1326].

В татарском языке данное понятие в большинстве говоров передается литературным термином *кайын сеңел* (CV-CVC CV-CVC) (от др. тюрк. *кайын* ‘родственник по мужу и жены’ и др. тюрк. *сеңе* ‘младшая сестра’) ‘золовка, младшая сестра мужа’ [12, с. 206]. Модель *кайын* + *сеңел* характерна и для подавляющего большинства тюркских языков.

Термины родства со стороны жены

Кылын (CV-CVC) происходит от др. тюркского слова *кайын*, который присутствует почти во всех тюркских языках и является обобщенным термином родства по браку [2, с. 72]. О. Н. Бётлингк полагает, что этот термин восходит от общетюркского *килен* ‘невестка, жена младшего брата’ [4, с. 507], а Э. К. Пекарский сравнивает с общетюркским *кынным* ‘тесть’ [9, стлб. 1388]. Л. А. Покровская считает, что этимология данного термина прежде могла обозначать в тюркских языках только родню жены, и лишь с течением времени его семантика расширилась, и он стал «двусторонним» термином родства по браку [2, с. 72].

В «Большом толковом словаре якутского языка» данный термин определяется следующим образом: ‘кто-л. из родственников кровной родни жены по отношению к мужу’ [16, с. 246].

Кылын без конкретизирующих его значение слов передает лишь идею родства по жене. Обычно он сочетается с каким-либо термином родства, имеющим более конкретное значение, т. е. употребляется в составе сложных терминов родства [2, с. 69].

Как выше упоминалось, термины родства со стороны мужа и жены в татарском языке зовутся одинаково. Многие слова этой группы состоят из двух частей, первым компонентом которых является слово *каен*, что означает ‘родственник по мужу и жены’.

Понятие ‘тесть’ в якутском языке передается термином *аба кылын* (V-CV CV-CVC) (от др. тюрк. *ага* ‘старший брат’ и *qadın* ‘отец жены, тесть’): 1) ‘отец жены, тесть’; 2) ‘родной или двоюродный старший брат или дядя мужа’. *Кырдыаҕас аба кылын* в сочетании с именем прилагательным *кырдыаҕас* обозначает дядю или самого старшего из родных братьев мужа. В татарском языке данное понятие передается сложным термином *каената* (CV-V-CV-CV) (от др. тюрк. *кайын* ‘родственник по мужу и жены’ + *ата* ‘отец’).

Понятие ‘теща’ в татарском языке передается термином, образованным подобным образом, как и понятие ‘свекор’ – *каенана* (CV-V-CV-CV) (от др. тюрк. *кайын* ‘родственник по мужу и жены’ + *ана* ‘мать’) [12, с. 206]. При обращении к теще этот термин выступает в звательной или притяжательной (1 лицо) форме.

Ийэ кылын (V-CV CV-CVC) (от др. тюрк. *ана* ‘мать’ и *qadın* ‘отец жены, тесть’ – ‘мать жены, теща’ [16, с. 246]. В словаре Э. К. Пекарского данный термин имеет значения: ‘старшая родственница жены’, ‘теща’, ‘бабушка жены’, ‘тетка жены’, ‘старшая свояченица, т. е. сестра жены’, ‘родная и двоюродная’, ‘жена шурина (родного и двоюродного брата жены)’ [9, стлб. 907, с. 1388-1389].

В якутском языке имеются термины *эбэ кылын* (V-CV CV-CVC) (от др. тюрк. *edbe/ege* ‘родной дед, дедушка’ и *qadın* ‘отец жены, тесть’), который обозначает ‘бабушку, прабабушку жены’ [16, с. 249], и *эһэ кылын* (V-CV CV-CVC) (от др. тюрк. *ebe/eve* ‘бабушка’ и *qadın* ‘отец жены, тесть’) ‘дед, прадед жены’ [16, 249]. В татарском языке терминов, обозначающих бабушку и деда жены, не наблюдается.

Понятие ‘старший брат мужа’ в якутском языке передается сложным термином *убай кылын* (V-CVC CV-CVC) (от др. тюрк. *aba* ‘отец’ и *qadın* ‘отец жены, тесть’, а в татарском языке – термином *каенага* (CV-V-CV-CV) (от др. тюрк. *кайын* ‘родственник по мужу и жены’ + *ага* ‘старший брат’). А понятие ‘младший брат жены’ в якутском языке также называется сложным термином *уол кылын* (VC CV-CVC) (от др. тюрк. *ovul* ‘мальчик’ и *qadın* ‘отец жены, тесть’), который также употребляется и в назывании старшего брата жены,

а в татарском языке – *каене* (CV-V-CV) (от др. тюрк. *кайын* ‘родственник по мужу и жены’ + *ini* ‘младший брат’).

В татарском языке термин *каенага* (CV-V-CV-CV) (от др. тюрк. *кайын* ‘родственник по мужу и жены’ + *ага* ‘старший брат’) имеет два значения, во-первых, ‘страший брат жены, старший шурин’, во-вторых, ‘старший брат мужа, старший деверь’ [12, с. 206].

Понятие ‘старшая сестра жены’ в якутском языке передается термином *аҕас кылын*, либо термином *күрэ эдьиий*.

Термин *аҕас кылын* (V-CVC CV-CVC) имеет значение – родная или двоюродная старшая сестра жены [16, с. 247]. *Күрэ эдьиий* (CV-CV V-CVC) происходит от монгольского *хур* ‘шурин, младший брат жены’ и *эжи* ‘сестра’. А в татарском языке данное понятие передается сложным термином *каенсеңел* (CV-VC-CV-CVC) (от др. тюрк. *кайын* ‘родственник по мужу и жены’ и *сеңе* ‘младшая сестра’) ‘золовка, младшая сестра мужа’ [12, с. 206].

Понятие ‘свояк’ в якутском языке передается термином *биллэх* (CVC-CVC) (от тюрк. *бил* ‘знать’ + афф. им. сущ. –*лэх*). *Биллэх* – ‘свояк, муж сестры жены’; *биллэх, биллэхтэр, биллэхтиилэр* – ‘мужья сестер’ [19, с. 82]. Э. К. Пекарский считает, что термин *биллэх* имеет такие значения: ‘свояк, муж жениной сестры’, ‘муж невестки’, ‘сожитель по отношению к мужу и наоборот’, ‘соперник, совместник (по жене)’, ‘каждая из жен одного и того же лица по отношению друг к другу’ [9, стлб. 469]. Он сравнивает это слово с общетюркским глаголом *бил* – ‘знать’ [9, стлб. 469].

В татарском языке данное понятие передается термином *каениш* (CV-V-CVC) (от др. тюрк. *кайын* ‘родственник по мужу и жены’) ‘шурин, муж сестры жены’ [12, с. 206].

Понятие ‘жена младшего брата по отношению к жене старшего брата’ в обоих языках аналогичен, дается общетюркским термином – *бадьа* (CV-CV) (як.) / *баҗа* (CV-CV) (тат.) от др. тюрк. *баҗа* ‘свояк, муж свояченицы’. В якутском языке этот термин имеет второе значение: младшая невестка по отношению к старшей [21, с. 123].

Термины приобретенного и прерванного родства

Терминами приобретенного и прерванного родства или квазиродственными терминами являются отчим, мачеха, пасынок, падчерица, внебрачный ребенок, приемные родители, вдова, вдовец, сирота и т. п. Основу данной группы терминов составляют обозначения лиц, приравненных к кровным родственникам [26, с. 20].

Понятие ‘мачеха’ в якутском языке передается термином *кииринньэн ийэ* (CV-CVC-CVC V-CV) (от якут. *киир* ‘входить, вступать’ + афф. им. сущ. –(и)нньэн и др. тюрк. *апа* ‘мать’), состоявшим из основы *ийэ* (мать) в сочетании с детерминативом *кииринньэн*. Составной термин *кииринньэн аҕа* (CV-CVC-CVC V-CV) (от якут. *киир* ‘входить, вступать’ + афф. им. сущ. –(и)нньэн и др. тюрк. *ага* ‘старший брат’) ‘отчим’ образуется тоже подобным образом: основа *аҕа* (муж) в сочетании с детерминативом *кииринньэн*.

Кииринньэн (от слова *киир* ‘входить’, ‘въезжать’, ‘вступать’) обозначает входящего (принимаемого в семью без калыма) [9, стлб. 1106]. Интерпретируется как: ‘женившийся или вышедшая замуж без уплаты калыма’; ‘второй муж’; ‘вторая жена’ [27, с. 78].

В татарском языке термины, обозначающие мачеху и отчима, сочетаются со словом *уги* ‘неродной, сводный, чужой’: *уги ана* (V-CV V-CV) (от тат. *уги* ‘неродной’ и др. тюрк. *апа* ‘мать’) ‘приемная мать’, *уги ата* (V-CV V-CV) (от тат. *уги* ‘неродной’ и др. тюрк. *ата* ‘отец’) ‘приемный отец’ [12, с. 744].

Понятие ‘опекун’ в обоих языках заимствовано с русского языка. В якутском языке русский термин *опекун* орфографируется согласно нормам якутского произношения и фонетики (*эппэкиин* (VC-CV-CVC), а в татарском языке термин используется с сохранением русской основы (*опекун* (V-CV-CVC).

Приемные дочь и сын в якутском языке передаются терминами *кыыс* и *уол* с аффиксом принадлежности в сочетании со словом *иитиэх* 'находящийся на воспитании, попечении', 'приемный': *иитиэх кыыс* (V-CVC CVC) (от якут. *иит* 'воспитывать' + афф. им. сущ. *-(и)йэх* и др. тюрк. *qız* 'девушка'), *иитиэх уол* (V-CVC VC) (от якут. *иит* 'воспитывать' + афф. им. сущ. *-(и)йэх* и др. тюрк. *ovul* 'мальчик') [14, с. 587]. А в татарском языке данный термин обозначается лишь одним общим термином *үксез* (VC-CVC) (от тат. *үги* 'неродной') 'сирота' [12, с. 745].

Понятие 'падчерица' в якутском языке передается сложным термином *кэргэн кыыһа* (CVC-CVC CV-CV) (от др.тюрк. *küdagü* 'зять' и *qız* 'девушка' с афф. принадлежности), дословно обозначающим дочь мужа или жены и имеющим значение 'падчерица' (неродная дочь одного из супругов, приходящаяся родной другому). Понятие 'пасынок' называется термином *кэргэн уола* (CVC-CVC V-CV) (от др. тюрк. *küdagü* 'зять' и *ovul* 'мальчик' с афф. принадлежности) [16, с. 524].

В татарском языке понятия 'падчерица' и 'пасынок' также сочетаются с словом *үги* 'неродной, сводный, чужой': *үги кыз* (V-CV CVC) (от тат. *үги* 'неродной' и др. тюрк. *qız*) 'девушка-падчерица', *үги ул* (V-CV VC) (от тат. *үги* 'неродной' и др.тюрк. *ovul*) 'мальчик-пасынок' [12, с. 745].

В терминах, обозначающих вдову и вдовца в якутском языке, к словам *дьахтар* 'женщина' и *эр киһи* 'мужчина' прибавляется заимствованное от русского языка слово *огдообо* 'вдова, вдовец': *огдообо дьахтар* (VC-CV-CV CVC-CVC) (от русс. *вдова* и *дыахтар* 'женщина') 'вдова', *огдообо эр киһи* (VC-CV-CV VC CV-CV) (от русс. *вдова* и др. тюрк. *är* 'муж, мужчина' и *kiši* 'человек') 'вдовец'.

В татарском языке понятие 'вдовый, вдовствующий' передается словом *тол*, который является термином «общего» рода. Для указания пола к слову *тол* прибавляются соответствующие определители мужского или женского рода: *тол ир* (CVC VC) (от тюрк. *тол* 'вдовый' и др. тюрк. *är* 'муж, мужчина') 'вдовец', *тол хатын* (CVC CV-CVC) (от тюрк. *тол* 'вдовый' + от др. тюрк. *qatun* 'госпожа, жена правителя') 'вдова' [12, с. 544]. Л. А. Покровская предполагает, что семантика слова *тол* первоначально была связана с древним обрядом траура жены по умершему мужу [2, с. 77].

Нейтральные термины свойства

Түнүр (CV-CVC) (от др. тюрк. *tünür*) в якутском языке имеет значение: 'родство двух отцов жены и мужа по отношению друг к другу, также каждый из родственников по мужской линии со стороны мужа и жены по отношению друг к другу'; 2) 'сват' [28, с. 260]. А в татарском языке данное понятие передается термином монгольского происхождения *кода* (CV-CV) / *кодагый* (CV-CV-CVC) (от монг. *xudugui*) 'кум, сват' [12, с. 266].

В якутском языке термин монгольского происхождения *ходобой* (CV-CV-CVC) (от монг. *xudugui*) означает: 1) 'мать или родственница жены или мужа (по отношению друг к другу)'; 2) 'сватья, как родственник женского пола по свойству' [24, с. 501]. Э. К. Пекарский указывает, что этот термин происходит от монгольского слова: ср. письм.-монг. *xudugui*, монг. *худгай* – 'сватья'.

Заключение

Методом сравнительно-сопоставительного анализа нами рассмотрено всего 110 терминов родства по крови и браку (58 якутских и 52 татарских терминов) в фоноструктурном и лексико-семантическом аспектах.

В результате этимологического анализа можно утверждать, что 74% терминов родства якутского языка составляют слова тюркского происхождения, 10% – монголизмы, 9% терминов заимствованы с русского языка и 7% терминов – исконно якутские слова. А в татарском языке слов с тюркским происхождением насчитывается 74%, заимствований

с русского языка – 12%, исконно татарских слов – 10%, терминов с монгольским происхождением – 4%.

Устойчивость фоноструктурных оформлений якутских и татарских лексем по отношению к древнетюркскому языку характеризуется следующим образом: в якутском языке количество лексем с абсолютным совпадением структур составляет 19%, с частичным совпадением – 60%, с измененным структурным типом – 21%; а в татарском языке лексемы с абсолютным совпадением структур – 38%, с частичным совпадением – 62%. Основными причинами неустойчивости фоноструктур именных основ древнетюркского языка в якутском языке являются образование вторичных монофтонгов (долгие гласные) и дифтонгов в результате выпадения ауслаутных согласных, слияние гласных звуков при выпадении согласных в анлауте, а в татарском языке – слияние гласных при выпадении согласных и изменение места гласных в корне слова.

Фоноструктурный анализ лексических параллелей монгольского происхождения показал, что в якутском языке количество лексем с абсолютным совпадением структур равняется 20%, с частичным совпадением – 80%, а в татарском языке лексемы с абсолютным совпадением структур – 100%. Основные причины неустойчивости фоноструктур именных основ монгольского языка в якутском языке объясняются видоизменениями согласных, образованием вторичного монофтонга, прибавлением согласного в конечном слоге.

Таким образом, проведенные фоноструктурный и лексико-семантический анализы терминов родства в якутском и татарском языках выявил, что подавляющее большинство якутских и татарских терминов представляют исконно тюркские лексемы, но с заметными лексическими и фоноструктурными изменениями, при этом татарский язык находится в наиболее близкой позиции к древнетюркским параллелям. В обоих языках также встречаются термины с монгольским происхождением и заимствования с русского языка.

Литература

1. Севортян, Э. В. Этимологический словарь тюркских языков : Общетюркские и межтюркские основы на гласные / Э. В. Севортян. – Москва : Наука, 1974. – 767 с.
2. Покровская, Л. А. Термины родства в тюркских языках / Л. А. Покровская // Историческое развитие лексики тюркских языков. – Москва : Изд-во АН СССР, 1961. – С. 11–81.
3. Бикбулатов, Н. В. Скользящий счет поколений в урало-алтайских системах родства (по данным ареальных наблюдений) / Н. В. Бикбулатов // Ареальные исследования в языкознании и этнографии (язык и этнос) : сборник научных трудов. – Ленинград : Наука, 1983. – С. 240–247.
4. Бётлингк, О. Н. О языке якутов / О. Н. Бётлингк ; перевод В. И. Рассадина. – Новосибирск : Наука, 1990. – 64 с.
5. Виташевский, Н. А. Брак и родство у якутов / Н. А. Виташевский. – Санкт-Петербург : Типография Министерства путей сообщения, 1910. – 17 с.
6. Федорова, Е. П. Термины родства и свойства в якутском языке (структурно-семантическое описание) : Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Е. П. Федорова. – Якутск : Изд. дом СВФУ, 2012. – 24 с.
7. Атлас татарских народных говоров Среднего Поволжья и Приуралья: в 2-х т. – Казань: Татпрокаттехприбор, 1989. – 240 с.
8. Рамазанова, Д. Б. Термины родства и свойства в татарском языке / Д. Б. Рамазанова. – Казань : Татарское кн. изд-во, 1991. – 190 с.
9. Пекарский, Э. К. Словарь якутского языка / Э. К. Пекарский. – Ленинград : Изд-во АН СССР, 1959. – 3858 стлб.
10. Серошевский, В. С. Якуты. Опыт этнографического исследования / В. С. Серошевский. – Москва : Российская политическая энциклопедия, 1993. – 714 с.
11. Толковый словарь якутского языка. Т. 1 / Под ред. П. А. Слепцова. – Новосибирск : Наука, 2004. – 680 с.

12. Ганиев, Ф. А. Татарско-русский словарь / Ф. А. Ганиев. – Казань : Татарское книжное издательство, 1998. – 462 с.
13. Попов, Г. В. Этимологический словарь якутского языка / Г. В. Попов. – Новосибирск : Наука, 2003. – 180 с.
14. Толковый словарь якутского языка. Т. 3 / Под ред. П. А. Слепцова. – Новосибирск : Наука, 2006. – 844 с.
15. Толковый словарь якутского языка. Т. 12 / Под ред. П. А. Слепцова. – Новосибирск : Наука, 2015. – 598 с.
16. Толковый словарь якутского языка. Т. 5 / Под ред. П. А. Слепцова. – Новосибирск : Наука, 2008. – 616 с.
17. Древнетюркский словарь / В. М. Наделяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев [и др.]. – Ленинград : Наука, 1969. – 676 с.
18. Афанасьев, П. С. и др. Краткий толковый словарь якутского языка / П. С. Афанасьев, Л. Н. Харитонов ; под редакцией П. С. Афанасьева. – Якутск, 1994. – 264 с.
19. Толковый словарь якутского языка. Т. 8 / Под ред. П. А. Слепцова. – Новосибирск : Наука, 2011. – 572 с.
20. Бурыкин, А. А. Система терминов родства якутов в синхронном, сравнительно-историческом и ареальном аспектах / А. А. Бурыкин // Алгебра родства. – Санкт-Петербург, 2000. – Вып. 5. – С. 213–242.
21. Толковый словарь якутского языка. Т. 2 / Под ред. П. А. Слепцова. – Новосибирск : Наука, 2005. – 912 с.
22. Толковый словарь якутского языка. Т. 10 / Под ред. П. А. Слепцова. – Новосибирск : Наука, 2013. – 572 с.
23. Токарев, С. А. К вопросу о методике изучения терминологии родства / С. А. Токарев // Вестник МГУ, Историко-филологическая серия. – 1958. – № 4. – С. 189–194.
24. Толковый словарь якутского языка. Т. 13 / Под ред. П. А. Слепцова. – Новосибирск : Наука, 2016. – 636 с.
25. Толковый словарь якутского языка. Т. 7 / Под ред. П. А. Слепцова. – Новосибирск : Наука, 2010. – 519 с.
26. Кара-оол, Л. С. Термины родства и свойства в тувинском языке : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Л. С. Кара-оол. – Кызыл, 2003. – 199 с.
27. Толковый словарь якутского языка. Т. 4 / Под ред. П. А. Слепцова. – Новосибирск : Наука, 2007. – 672 с.
28. Толковый словарь якутского языка. Т. 11 / Под ред. П. А. Слепцова. – Новосибирск : Наука, 2014. – 528 с.

References

1. Sevortyan, E. V. Etimologicheskij slovar' tyurkskikh yazykov : Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na glasnye / E. V. Sevortyan. – Moskva : Nauka, 1974. – 767 s.
2. Pokrovskaya, L. A. Terminy rodstva v tyurkskikh yazykah / L. A. Pokrovskaya // Istoricheskoe razvitie leksiki tyurkskikh yazykov. – Moskva : Izd-vo AN SSSR, 1961. – S. 11–81.
3. Bikbulatov, N. V. Skol'zyashchij schet pokolenij v uralo-altajskih sistemah rodstva (po dannym areal'nyh nablyudenij) / N. V. Bikbulatov // Areal'nye issledovaniya v yazykoznanii i etnografii (yazyk i etnos) : sbornik nauchnyh trudov. – Leningrad : Nauka, 1983. – S. 240–247.
4. Byotlingk, O. N. O yazyke yakutov / O. N. Byotlingk ; perevod V. I. Rassadina. – Novosibirsk : Nauka, 1990. – 64 s.
5. Vitashevskij, N. A. Brak i rodstvo u yakutov / N. A. Vitashevskij. – Sankt-Peterburg : Tipografiya Ministerstva putej soobshcheniya, 1910. – 17 s.
6. Fedorova, E. P. Terminy rodstva i svojstva v yakutskom yazyke (strukturno-semanticheskoe opisanie) : Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskikh nauk / E. P. Fedorova. – Yakutsk : Izd. dom SVFU, 2012. – 24 s.
7. Atlas tatarskikh narodnyh govorov Srednego Povolzh'ya i Priural'ya : v 2-h t. – Kazan' : Tatprokathepribor, 1989. – 240 s.
8. Ramzanova, D. B. Terminy rodstva i svojstva v tatarskom yazyke / D. B. Ramzanova. – Kazan' : Tatarskoe kn. izd-vo, 1991. – 190 s.

9. Pekarskij, E. K. Slovar' yakutskogo yazyka / E. K. Pekarskij. – Leningrad : Izd-vo AN SSSR, 1959. – 3858 stlb.
10. Seroshevskij, V. S. YAkuty. Opyt etnograficheskogo issledovaniya / V. S. Seroshevskij. – Moskva : Rossijskaya politicheskaya enciklopediya, 1993. – 714 s.
11. Tolkovyj slovar' yakutskogo yazyka. T. 1 / Pod red. P. A. Slepceva. – Novosibirsk : Nauka, 2004. – 680 s.
12. Ganiev, F. A. Tatarsko-russkij slovar' / F. A. Ganiev. – Kazan' : Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1998. – 462 s.
13. Popov, G. V. Etimologicheskij slovar' yakutskogo yazyka / G. V. Popov. – Novosibirsk : Nauka, 2003. – 180 s.
14. Tolkovyj slovar' yakutskogo yazyka. T. 3 / Pod red. P. A. Slepceva. – Novosibirsk : Nauka, 2006. – 844 s.
15. Tolkovyj slovar' yakutskogo yazyka. T. 12 / Pod red. P. A. Slepceva. – Novosibirsk : Nauka, 2015. – 598 s.
16. Tolkovyj slovar' yakutskogo yazyka. T. 5 / Pod red. P. A. Slepceva. – Novosibirsk : Nauka, 2008. – 616 s.
17. Drevnetyurkskij slovar' / V. M. Nadelyaev, D. M. Nasilov, E. R. Tennishev [i dr.]. – Leningrad : Nauka, 1969. – 676 s.
18. Afanas'ev, P. S. i dr. Kratkij tolkovyj slovar' yakutskogo yazyka / P. S. Afanas'ev, L. N. Haritonov ; pod redakciej P. S. Afanas'eva. – YAkutsk, 1994. – 264 s.
19. Tolkovyj slovar' yakutskogo yazyka. T. 8 / Pod red. P. A. Slepceva. – Novosibirsk : Nauka, 2011. – 572 s.
20. Burykin, A. A. Sistema terminov rodstva yakutov v sinhronnom, sravnitel'no-istoricheskom i areal'nom aspektah / A. A. Burykin // Algebra rodstva. – Sankt-Peterburg, 2000. – Vyp. 5. – S. 213–242.
21. Tolkovyj slovar' yakutskogo yazyka. T. 2 / Pod red. P. A. Slepceva. – Novosibirsk : Nauka, 2005. – 912 s.
22. Tolkovyj slovar' yakutskogo yazyka. T. 10 / Pod red. P. A. Slepceva. – Novosibirsk : Nauka, 2013. – 572 s.
23. Tokarev, S. A. K voprosu o metodike izucheniya terminologii rodstva / S. A. Tokarev // Vestnik MGU, Istoriko-filologicheskaya seriya. – 1958. – № 4. – S. 189–194.
24. Tolkovyj slovar' yakutskogo yazyka. T. 13 / Pod red. P. A. Slepceva. – Novosibirsk : Nauka, 2016. – 636 s.
25. Tolkovyj slovar' yakutskogo yazyka. T. 7 / Pod red. P. A. Slepceva. – Novosibirsk : Nauka, 2010. – 519 s.
26. Kara-ool, L. S. Terminy rodstva i svojstva v tuvinskom yazyke : dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskikh nauk / L. S. Kara-ool. – Kyzyl, 2003. – 199 s.
27. Tolkovyj slovar' yakutskogo yazyka. T. 4 / Pod red. P. A. Slepceva. – Novosibirsk : Nauka, 2007. – 672 s.
28. Tolkovyj slovar' yakutskogo yazyka. T. 11 / Pod red. P. A. Slepceva. – Novosibirsk : Nauka, 2014. – 528 s.

Д. И. Чиркочева, С. В. Григорьева

Диалектные слова, обозначающие реку, в якутском языке (по материалам словаря)

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия

E-mail: dchirkoeva@mail.ru

E-mail: grivalerjevna@yandex.ru

Аннотация. В статье представлен лексический анализ диалектных слов, обозначающих реку, в якутском языке. Многие исследователи отмечали особенность диалектных слов якутского языка. Планомерное изучение диалектных слов якутского языка началось с 1960-1970-х годов. В области исследования гидронимов якутского языка научные работы были изданы М. С. Ивановым, Нь. М. Ивановым, В. Д. Монастыревым, К. Ф. Гриценко, И. Е. Ивановым и др. Изучение диалектных слов тесно связано с историей происхождения языка, в ней отражены результаты развития культуры, языка, духовного развития народа. Актуальность темы исследования определяется недостаточной изученностью диалектных слов, обозначающих реку, в якутском языке. Цель исследования: на основе материала диалектологического словаря якутского языка исследовать особенности диалектных слов, обозначающих реку. Для решения поставленной цели решались следующие задачи: анализ работ по изучению диалектных слов и топонимики якутского языка; сбор материала диалектных слов, обозначающих реку в якутском языке; выявление диалектных слов, обозначающих реку, в якутском языке и их анализ. Для решения поставленной цели работы использованы следующие методы исследования: обобщение, анализ, метод сплошной выборки, подведение итогов, описательный анализ. Источниками для изучения диалектных слов, обозначающих реку, в якутском языке служили словари: «Диалектологический словарь якутского языка» (П. С. Афанасьев, М. С. Воронкин, М. П. Алексеев) и дополнительный том «Диалектологического словаря языка саха» (М. С. Воронкин, М. П. Алексеев, Ю. И. Васильев). В словари вошли диалектные слова, собранные Э. К. Пекарским, А. Е. Кулаковским, Г. В. Ксенофонтовым, С. И. Боло, А. А. Саввиным. Материалом исследования послужили диалектные слова, обозначающие реку, в якутском языке. В объяснении этих слов материалами нам послужили словарь Э. К. Пекарского, этимологический словарь якутского языка, работы Г. В. Попова, М. С. Иванова и Нь. М. Иванова. Исходя из собранных материалов проанализированы 36 диалектных слов, обозначающих реку. Из них слов, обозначающих реку и речку – 5, реку – 18, речку – 7 и ручей – 6. Богатый материал словаря диалектных слов якутского языка требует еще более глубокого и широкого изучения и исследования.

Ключевые слова: якутский язык, лексика, диалектные слова, топонимика, гидронимы, река, речка, ручей, северо-западная группа говоров, вилюйская группа говоров, центральная группа говоров, северо-восточная группа говоров.

ЧИРКОЕВА Дария Ивановна – к. филол. н., доцент, зав. кафедрой якутского языка, Институт языков и культуры народов Северо-Востока РФ, Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова.

E-mail: dchirkoeva@mail.ru

CHIRKOEVA Daria Ivanovna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of the Yakut Language, Institute of Languages and Culture of the Peoples of the Northeast of Russia, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

ГРИГОРЬЕВА Сайына Валерьевна – магистрант кафедры якутского языка, Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова.

E-mail: grivalerjevna@yandex.ru

GRIGORIEVA Saiyina Valeryevna – Master's student, Department of the Yakut Language, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

D. I. Chirkoeva, S. V. Grigorieva

Dialectisms denoting the names of rivers: a dictionary study

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

E-mail: dchirkoeva@mail.ru

E-mail: grivalerjevna@yandex.ru

Abstract. The article presents a lexical analysis of dialect words denoting the river in the Yakut language. Many researchers have noted the peculiarity of dialect words of the Yakut language. However, the systematic study of dialect words of the Yakut language began in the 1960s – 1970s. In the field of the study of hydronyms of the Yakut language, scholarly works were published by M.S. Ivanov, N.M. Ivanov, V.D. Monastirev, K.F. Gritsenko, I.E. Ivanov, etc. The study of dialect words is closely connected with the history of the origin of the language, it reflects the results of the development of culture, language, spiritual development of the people. The relevance of the research topic is determined by the lack of knowledge of dialect words denoting the river in the Yakut language. The purpose of the study: based on the material of the dialectological dictionary of the Yakut language, to investigate the features of dialect words denoting the river. To achieve this goal, the following tasks were solved: analysis of works on the study of dialect words and toponymy of the Yakut language; collect the material of dialect words denoting the river in the Yakut language; identify and analyze dialect words denoting the river in the Yakut language. To solve the goal of the work, the following research methods were used: generalization, analysis, continuous sampling method, summing up, descriptive analysis. The sources for the study of dialect words denoting the river in the Yakut language are dictionaries: «Dialectological dictionary of the Yakut language» (P.S. Afanasyev, M.S. Voronkin, M.P. Alekseev) and in an additional volume «Dialectological Dictionary of the Sakha language» (M.S. Voronkin, M.P. Alekseev, Yu.I. Vasiliev). The dictionaries include dialect words collected by E.K. Pekarsky, A.E. Kulakovskiy, G.V. Ksenofontov, S.I. Bolo, A.A. Savvin. The research material was dialect words denoting the river in the Yakut language. The dictionary of E.K. Pekarsky, the etymological dictionary of the Yakut language, the works of G.V. Popov, Ivanov and Ivanov served as materials for explaining these words. Based on the collected materials, 36 dialect words denoting the river are analyzed. Of these, the words denoting a river and a rivulet – 5, a river – 18, a rivulet – 7 and a stream – 6. The rich material of the dictionary of dialect words of the Yakut language requires even deeper and broader study, research.

Keywords: Yakut language, vocabulary, dialect words, toponymy, hydronyms, river, rivulet, stream, north-western group of dialects, Vilyuisk group of dialects, central group of dialects, north-eastern group of dialects.

Введение

Как известно, к диалектным словам относятся слова, употребляемые жителями в той или иной местности, не распространенные в какой-либо среде и не входящие в литературный язык.

Изучение диалектных слов в якутском языке началось с XIX в. Так, еще в дореволюционное время территориальные диалектные расхождения якутского языка отмечали в своих работах О. Н. Бетлингк, И. А. Худяков, С. В. Ястремский, Э. К. Пекарский. А.Е. Кулаковский собрал по районам местные слова [1]. М. С. Воронкин отмечает, что наличие «аканья» и «оканья» в говорах якутского языка описали в своих статьях С. А. Новгородов и А. А. Иванов-Күндэ [2, с. 23].

Планомерное изучение говоров якутского языка и сбор диалектологического материала Якутии началось с 1950-х годов. В результате сбора материала были изданы научные работы, посвященные диалектной лексике якутского языка: Е. И. Убрятова «Опыт сравнительного изучения фонетических особенностей языка населения некоторых районов Якутской АССР» [3], П. С. Афанасьев «Говор верхоянских якутов» [4], М. С. Воронкин «Есейский говор якутского языка» [2].

Диалектологический словарь имеет большое значение для изучения истории языка и культуры. Поэтому, начиная с 1960-х годов, ставилась задача создания диалектологического словаря якутского языка. В 1976 году был издан «Диалектологический словарь якутского языка», содержащий более 8500 слов [5]. В дальнейшем в результате детального изучения диалектных слов якутского языка выходит дополнительный том с более 5000 словами [6]. Далее возникла необходимость создания диалектологических атласов и в 2004 г. был опубликован «Диалектологический атлас якутского языка», где были освещены фонетические особенности говоров якутского языка. Атлас, отражающий морфологические и лексические различия говоров якутского языка, вышел в 2010 г. Атлас является важной основой для анализа языкового движения и развития изучения диалектов якутского языка.

Исследователи рассматривают изучение топонимики по таким направлениям, как история, происхождение, распространение, изменение.

Картотека, составленная первым якутским топонимистом М. С. Ивановым-Багдарыным Сүлбэ, содержит обширный материал с 350 тысячами топонимов и 50 тысячами антропонимов. М. С. Иванов-Багдарыин Сүлбэ описывает значение топонимики таким образом: «Топонимом называется собственное имя любого географического объекта. Совокупность их называют топонимией. А наука, изучающая топонимы, закономерности их возникновения, развития, функционирования, называется топонимикой. Слово это сложное, состоит из двух греческих слов: топос—место и онома (онима) – имя, название» [7, с. 3].

Изучение гидронимов связано с изучением топонимики. Поэтому в работах ученых, изучающих топонимику, упоминаются и названия водных объектов (гидронимов). В своей диссертации, посвященной исследованию гидронимов Якутии, К. Ф. Гриценко проанализировал и классифицировал более 3 тысяч названий рек и озер Якутии [8]. В. Д. Монастырев провел системное исследование строения и происхождения топонимов правобережных районов Центральной Якутии. В этой работе отдельно были рассмотрены названия, содержащие гидронимические базисы [9].

Диалектные слова, обозначающие реку, в якутском языке

На основе материала диалектологического словаря якутского языка мы исследовали особенности диалектных слов, обозначающих реку. В диалектологическом словаре якутского языка нами выявлено 36 диалектных слов, обозначающих реку, например, *быра, долоон, дьаба, дьоробон, дьыраа, лаайда, лабаа, оьуруос, ойоос, өрүс, состуой, судаһын, сүлбэ, төрүт, уоһуя, үрэх, халдьаайы, хоһо, хотоон, чонноко, эйим, элгэ, арал, дьүүктэ, кунгкүй, кунгкүйэ, кыбытык уу, мизэл, ньарык, олбох, өрүс, сииппэрэ, төбө, улахан өрүс, уораан, хоһо*.

Приведенные слова, обозначающие реку, можно разделить на 4 группы: 1) слова, обозначающие реки и ручьи; 2) слова, обозначающие реку; 3) слова, обозначающие речку; 4) слова, обозначающие ручей.

Диалектные слова, обозначающие реку, определяем в группы по 4 диалектным зонам говоров якутского языка, которые определены М. С. Воронкиным как центральная, северо-западная, северо-восточная и виллойская [10].

Диалектные слова, обозначающие реку и ручей

В диалектологическом словаре якутского языка нами выявлено 5 слов, обозначающих реку и ручей: *долоон, дьаба, дьоробон, сүлбэ, олбох*.

Долоон распространен в Нижнеколымском, Среднеколымском и Верхнеколымском районах, относится к северо-восточной группе говоров. В диалектологическом словаре якутского языка *долоон* определено следующим образом: *үрэх, өрүс уутун тобойтон тобойго*

дизри көстөр ырааһа ‘участок полностью просматриваемый между соседними изгибами’ [ДСЯЯ, 88]. М. С. Иванов-Багдарын Сүлбэ объясняет происхождение слова *долоон*: толоон – широко распространенный якутский географический термин. Означает долину, обширное полевое место [11]. *Долоон* может быть образовано в результате чередования глухих и звонких согласных (т-д).

Дьаба относится к северо-западной группе говоров, распространен в Булунском районе. В диалектологическом словаре якутского языка дается такое определение: *Өрүс, үрэх боротуохата* ‘протока реки, речки’ [ДСЯЯ, 93]. *Дьаба* считается монголоизмом в якутском языке: *саба* ‘глубокая лощина, овраг, ущелье’ [ДСЯЯ, 93].

Дьоробон распространен в Аллаиховском улусе, относится к северо-восточной группе говоров: *өрүс, үрэх кытылын үрдүгэр сааскы уу ылар куоһааба өннүөс* ‘неглубокая длинная ложбина, заливаемая паводком’ [ДСЯЯ, 98]. Нь. М. Иванов-Ньургун Багдарын Сүлбэ уола определяет следующим образом: «...образован от монгольской глагольной основы *ᠵᠣᠷ*–‘строгать’ при помощи отглагольного аффикса *-аан* [12, с. 28-29].

Сүлбэ относится к центральной группе говоров якутского языка, употребляется в Усть-Алданском улусе. В диалектологическом словаре якутского языка *сүлбэ* определено так: *үрэх, өрүс сүннэ, хаата* ‘русло, фарватер реки, речки’ [ДСЯЯ, 217]. В Большом толковом словаре якутского языка: *өрүс, үрэх, уу сүүрдэр үөһэ, сүүрүгүрэр сүннэ*. ‘Русло, фарватер реки.’ *Үрэх нэлэгэр сүлбэтин икки өттүгэр быһыт буора, үөрэммитэх киһи харабар наһаа кэтирээн, халыччы кутулла сытара*. Есть объяснение происхождения слова *сүлбэ*: казахский язык *жүл* ‘русло реки, ложе ручья; ложбина, лощина; овраг’ [СТУБТ: 9 т., с. 241].

Олбох. Үрэх хаата, сүннэ ‘русло реки, речки’ [ДСЯЯ, 142]. *Сыылба уута ол куйахха кэлэн... орзуйа сытан баран... олбохун устун өрө сүүрүгүрдэ*. В Большом толковом словаре якутского языка дается следующее определение: *түөлбэ. өрүс, үрэх хаата, сүннэ*. ‘Русло реки, речки’. *Үчүгэй үрэхэ таас олбохо сүүрүгүнэн кылбаһыйар*. Имеется тюркское слово *олбук, олпок* ‘тюфяк, матрац, сиденье’. Также наблюдается в монгольском и бурятском языках: *олбог* ‘тюфяк, подстилка для сиденья’ [СТУБТ: 7 т., с. 250].

Диалектные слова, обозначающие реку

В диалектологическом словаре якутского языка нами выявлены 18 слов, обозначающих реку: *лаайда, лабаа, буруос, ойоос, өрүс, состуой, уоһуйа, үрэх, эйим, арал, кункуйэ, кыбытык уу, өрүс, сиһпэрэ, төбө, Улахан өрүс, уораан, хоһо*.

Лаайда относится к северо-восточной и северо-западной группе говоров якутского языка, распространен в Аллаиховском и Оленекском районах. В диалектологическом словаре якутского языка *лаайда* определено следующим образом: *өрүс ылар дэхси сирэ* ‘расположенная у берега реки или моря равнина, которая затопляется водой’ [ДСЯЯ, 148]. В Большом толковом словаре якутского языка дается такое определение: *Өрүс эбэтэр муора уута ылар дэхси сирэ*. ‘Расположенная у берега реки или моря низинная равнина, затопливаемая водой’. *Тыылаах дьон кинилэри үүрэн лаайда ортотугар чөмөхтүүлэр*. Заимствовано с русского языка: *лайда* диал. ‘береговая полоса, между большою и малою водой’ [СТУБТ: 4 т., 63]. Слово *лаайда* стал универсальным термином. Эвенками было заимствовано с русского языка, а с якутского языка было заимствовано в эвенкийском языке [13, с. с. 77].

Лабаа. В словаре обозначено как *өрүс баһа* ‘исток реки’ [ДСЯЯ, 149]. В эвенкийском языке имеется *лава* ‘ветвистый ‘о рогах оленя’, в монгольском языке *навч намаа* ‘листва’, *намага* ‘ветка, ветвь’ [СТУБТ: 6 т., 66].

Обуруос распространен в Усть-Янском районе, относится к северо-восточной группе говоров. В диалектологическом словаре якутского языка *обуруос* определяется так: *өрүс сүннэ* ‘русло реки’ [ДСЯЯ: 183]. *Лоокуут Обуруос үрэх толоонугар саха хотуурунан от охсон тэллэһиннэрэрэ* [СТУБТ, 7 т., 217].

Ойоос относится к центральной группе говоров, распространен в Орджоникидзевском (Хангаласский) районе. В словаре определено как *өрүс арыта* ‘остров на реке’ [ДСЯЯ, 184]. В Большом толковом словаре якутского языка дается такое определение: *өрүс орто-тугар турар оттоох-мастаах кыракый арыы, өрүс арыта* ‘небольшой островок, остров на реке’. *Борохуот Өлүөнэ өрүс сүрүн үөһүнэн, Хатыыस्ताах арыытын анараа өттүнэн, Бараан ойоохун баһыгар чугаһаан иһэрэ. Кэлэр күһүннүттэн дьин чугаһынаабы тыаба, арыыга, ойооско бултаар.*

Өрүс распространен в Анабарском, Сунтарском и Таттинском районах, относящихся к северо-западной, центральной и виллюйской группе говоров якутского языка. В словаре дается следующее определение: *Лена өрүс аата* ‘название реки Лены’ [ДСЯЯ: 196]. Слово *өрүс* М. С. Иванов-Багдарыын Сүлбэ объясняет так: *Өрүс* диэн Өлүөнэ орто сүүрүгүн, ханаластар олорор сирдэрин ааттыыллар. Онон бу түбэлтэбэ өрүс диэн өссө киин сир, саха төрүт сирэ диэн өйдөбүлү ылар курдук [14]. В некоторых диалектных говорах *өрүс* используется в качестве названия реки Лены. Образовано от тюркского слова *үгүз*, др. иран. *раш* ‘река’ [СТУБТ: 7 т., 468].

Состуой имеет такое определение: *өрүскэ сүүрүгэ суох сир* ‘тихое место на реке’. Заимствовано с русского слова *застой* [ДСЯЯ, 212].

Уоһуйа. В диалектологическом словаре якутского языка *уоһуйа* определяется таким образом: *хомо, булун, өрүс хомото* ‘залив, бухта, заливчик реки’ [ДСЯЯ: 261]. По Г. В. Попову, «Уоһуйа. ‘участок, залитый (занятый) водой, заливчик в реке, залив, лукоморье’. <уос 1) губа; 2) выемка, углубление = в других тюркских языках–*абыз, оос*» [15, с. 130].

Үрэх относится к северо-западной, северо-восточной, виллюйской группам говоров, распространен в Аллаиховском, Нижнеколымском, Булунском, Верхневиллюйском и Оймяконском улусах. Употребляется в значении *өрүс* ‘река’ [ДСЯЯ: 271]. В Большом толковом словаре якутского языка определено происхождение *үрэх*: тюрк. *арых, өзэк*, алт. *өрек*, казах. *өре* ‘речка, небольшая горная река’ [СТУБТ: 2 т., с. 549].

Эйим используется в Сунтарском улусе, относится к виллюйской группе говоров: 1. *Өрүс диринг сирэ, чүөмпэтэ* ‘омут в реке’; 2. *өрүскэ тонмот сир* ‘незамерзающее место в реке’ [ДСЯЯ: 318]. *Өрүс, үрэх дирииниир сирэ, чүөмпэтэ* ‘глубокая часть реки, речки, омут’. *Эйим түгэбэ көстүбэт: харааран дьэбилийэ сытар буолааччы*. Заимствовано с эвенкийского языка: *хэюм, эйим, ёйёму* ‘талики ‘выход теплых ключей на речку’; ‘незамерзающий зимой речной плес’ [СТУБТ: 15 т., с. 162].

Арал относится к северо-западной группе говоров, распространен в Булунском улусе. В диалектологическом словаре *арал* определяется так: *өрүс эбэтэр үрэх көнө ньуурдаах тобойо* ‘ровная долина на изгибе реки или речки’ [ДСЯС: 41]. В монгольском языке *арал* – река [13, с. 110].

Күнкүйэ. Распространен в Булунском улусе, относится к северо-западной группе говоров: *куустээх сүүрүктээх уу* ‘место быстрого течения в реке, быстрина’; тэнн. *кункүй, хоһо* [ДСЯС: 98]. Г. В. Попов отмечает *кункүйэ*: «топонимы Горного Алтая (река, насел пункт) Кулады, Кулада, *күнкүй, күнкүйэ, күнүс* ‘промытая текучей водою расщелина скалы’» [15, с. 77].

Кыбытык уу относится к центральной группе говоров, распространен в Хангаласском районе: *өрүскэ сааскы халаан кэнниттэн тутта баттаһан кэлэр уу* ‘разлив реки, наступающий сразу после весеннего половодья’. *Бу билигин кыбытык уу кэлэн турар* [ДСЯС, 101].

Өрүс распространен в Намском улусе, относится к центральной группе говоров. В диалектологическом словаре языка саха дается такое определение: *тас үөс, төбүлэх* ‘протока, рукав’ [ДСЯС: 150]. В Большом толковом словаре якутского языка: *Өрүс тас үөһэ,*

төбүлэбэ, сүрүн үөстэн арыынан араарыллыбыт үөһэ. Происхождение с тюркского үгүз, др. иран. *раш* ‘река’ [СТУБТ: 7т., 468].

Сииппэрэ. Индигирский диалект, относится к северо-восточной группе говоров: *өрүскэ сүүрүк хайдар, дириг ытылганнаах сирэ* ‘глубокое место реки, где течение раздваивается в силу вихревых движений воды’; *самоходнай баржалар өрүс сүүрүгүн икки ардынаабы сииппэрэбэ баайыллан бизэрэнни тураллара.* Слово *сииппэрэ* заимствовано с русского слова шивера (мелкий и быстрый перекаат горной реки) [ДСЯС, 160].

Төбө относится к вилуйской группе говоров, распространен в Олекминском районе: *өрүс баһа* ‘верховье реки’. *Өрүс төбөтүн диэки бултаах сирдэр бааллар* [ДСЯС: 191]. В Большом толковом словаре: көспүт суолта. Туох эмэ (хол., үрэх) *синньигэс сабаланаар өттө, уһуга.* ‘Верховье (реки)’ *Үрүйэ төбөтүгэр, үрэх баһыгар бүкпүт баайдар.* В словаре есть определение о происхождении *төбө*: тюрк. *төбө*, *түбэ* ‘вершина; верхняя часть чего-л.’ [СТУБТ: 10 т., 517].

Улахан өрүс относится к северо-западной и вилуйской группам говоров, отчасти используется в Вилуйском, Ленском, Булуновском районах. Лена өрүс (река Лена) [ДСЯС, 202]. *Биһиги дойдуттан Улахан Өрүскэ (Ленаба), Эдьигээн диэки баран олохсуйбут дьон элбэхтэр.* М. С. Иванов указывает на то, что древнее название реки Лены Улахан Өрүс [14, с. 164].

Уораан употребляется в вилуйской группе говоров, распространен в Ленском улусе: *өрүскэ түргэн сүүрүктээх, таастаах чычаас сир* ‘порог, мелкое каменистое место на реке’. *Аартыкка кэлэн, сүөһүнү уорааны кэстэрэн тахсааччылар этэ, Нүүнэбэ уорааннара барыта ааттаах* [ДСЯС: 204]. Заимствовано с эвенкийского слова *ооран* ‘порог, каменистое место в реке’ [ДСЯС: 204].

Хоһо относится к северо-восточной группе говоров. Индигирский говор. В диалектологическом словаре *хоһо* определяется таким образом: *өрүскэ түргэн сүүрүктээх сир* ‘место быстрого течения в реке, быстрина’. В Большом толковом словаре: *Өрүс, үрэх кытылга үтэн тахсыбыт уута, хомото.* ‘Речной залив’. *Онтон эмискэ, өрүс хоһотугар түбэһэн, Славик атаба сири билбэккэ барбыт* [СТУБТ: 13т., с. 613]. *Хоһо* считается заимствованным от эвенского языка: *кос* ‘излучин, изгиб реки’ [ДСЯС: 227].

Диалектные слова, обозначающие речку

В диалектологическом словаре якутского языка выявлены 7 слов, обозначающих речку: *быра, төрүт, хоһо, элгэ, дьүүктэ, мизл, ньарык.*

Быра распространен в Кобяйском улусе и вилуйской группе говоров: *чүөмпэ, үрэх чүөмпэтэ* ‘глубокое место в речке, омут’ [ДСЯЯ, 77]; *Быра:* аат., түөлбэ. *үрэх чүөмпэтэ.* ‘глубокое место на дне реки, омут’. *Быра дойду эбит.* *Быра* имеет корни от эвенкийского *бира* ‘река’ [СТУБТ: 2 т., 717].

Төрүт относится к вилуйской группе говоров: *үрэх төрдө, үрэх баһа* (исток верховьев речки) [ДСЯЯ, 246]; *Туох эмэ сабаланаар сирэ, миэстэтэ* ‘место где берет начало что-л., исток’. *Үрүйэ төрдө ыраас кырдал эбит.* От тюркского *төз* ‘корень, основа, сущность’ [СТУБТ: 11 т., с. 565].

Хоһо распространен в Вилуйском улусе, относится к вилуйской группе говоров: *үрэх хомото* ‘речной залив’ [ДСЯЯ, 293]; *Өрүс, үрэх кытылга үтэн тахсыбыт уута, хомото* ‘речной залив’. *Онтон эмискэ, өрүс хоһотугар түбэһэн, Славик атаба сири билбэккэ барбыт* [СТУБТ: 13 т., с. 615].

Элгэ: *үрдүк тостума кытыллаах дириг үрэх* ‘глубокая речка с высокими и крутыми берегами’ [ДСЯЯ, 319]. Имеет корни от татарского *сай елга* ‘неглубокая мелководная река’; тувинского *эл* ‘обрыв’ [СТУБТ: 15 т., с. 180].

Дьүүктэ относится к северо-западной и вилуйской группам говоров, распространен в Усть-Алданском, Оймяконском, Олекминском, Мегино-Кангаласском, Сунтарском и Нюрбинском районах: *кыһыннары тонмокко сүүрдэ сытар үрэх* ‘незамерзающая зимой речка’; *бадарааннаах, сир тоңорун сабана уу үллэ турар сирэ, тарын* ‘болотистое место, на поверхность которого в пору замерзания земли выступают подпочвенные воды, тарыны’; *булуус сир* ‘неоттаивающее или плохо оттаивающее место, куда не проникает луч солнца’ [ДСЯС, 73]; *Сир анныттан сүүрүгүрэн тахсар уу, оннук уулаах үрүйэ, сыккыс. Айабалыы сатаан, үрэх тэнкэтинээби дьүүктэлэртэн бастахтарына – эмиэ туус!*

Займствовано с эвенкийского **юкту, юкту сир анныттан тахсар уу** ‘ключ, источник, ручей’ [СТУБТ: 3 т., 478]. М. С. Иванов-Багдарыин Сүлбэ указывает на то, что *дьүүктэ* происходит от эвенкийского **йууктэ, дьууктэ, йуукту** ‘ключ, родник, источник; ручей’. Имеет корни от слова является **йуу**, что означает ‘табыс, эрэйнэн табыс’ [14, с. 171].

Мизл имеется в северо-восточной группе говоров, распространен в Колымских округах: *күөл, үрэх чычаас сирэ* ‘мелкое, неглубокое место в озере, речке’. Займствовано с русского *мель* [ДСЯС: 122].

Ньярык относится к вилуйской группе говоров, распространен в Сунтарском улусе. Ньярык: *үрэх оломо* ‘мелкое место в речке, брод’. *Үрэби ньарыгынан табыстым* [ДСЯС: 137]. Эвенское слово *ньарыкаб* ‘болото, топь, трясина; лужи; болотистый, топкий’ [14, с. 100].

Диалектные слова, обозначающие ручей

В диалектологическом словаре якутского языка выявлено 6 слов, обозначающих ручей: *дьыраа, судаһын, халдьаайы, хотоон, чонноко, кункүй*.

Дьыраа относится к северо-восточной и северо-западной группам говоров. Распространен в Абыйском, Булунском, Верхоянском и Верхнеколымском районах: *хайа быыһынаабы үрүйэ* ‘горный ручей’ [ДСЯЯ, 102]; *үрүйэбэ түһэр кылгас, кыра аппа* ‘маленькая короткая ложбина, впадающая в ручеек’. *Икки оҕолоох тайах дьыраа устун хайаны өрө сизэлэн, тамайан эрэр эбит*. Займствовано с казахского *дьыра* ‘продолговатая ложбина’ [СТУБТ: 3 т., 50].

Судаһын относится к северо-восточной группе говоров, распространено в Абыйском улусе: *үрүйэ, онхой, хайа хаспабын салаата* ‘приток ручья, ответвление впадины, пещеры’. Происходит от эвенского слова *судаһын* – *хайа сирэйиттэн туруору түспүт кыра үрүйэ* [ДСЯЯ: 214].

Халдьаайы распространен в Абыйском улусе, относится к северо-восточной группе говоров: *аппа, үрүйэ, хотоол* ‘лог, ручей, углубление’ [ДСЯЯ, 277]. *Үрэх халдьаайытыгар тыа быыһыгар киһи дэбигис көрө охсубат сиригэр кыракый булчут үүтээнэ турара*. [СТУБТ: 13 т., 233].

Хотоон относится к северо-восточной группе говоров и распространено в Абыйском улусе: *үрүйэ, үрүйэ баһа* ‘ручей, исток ручья’ [ДСЯЯ, 293].

Чонноко распространен в Оленекском улусе, относится к северо-западному говору: *үрүйэ* ‘ручей’ [ДСЯЯ, 299]. Образовано от слова *чонгой, чонолох*. 1. *Төгүрүк быһыылаахтык иһирдэ диэки киһирэн хаалбыт курдук буол*. ‘Быть, казаться округлым, глубоко сидящим’. *Дулба быыһыгар чоңойбут көлүэттэн уу баһан таһааран уокка уурда. Тулатынааһар намыһахтык сытар кыра төгүрүк быһыылаах* (хол., көлүччэ). ‘Небольшой, округлой формы и находящийся ниже окружения ‘напр., об озере’. *Үрэх чонолох элгээнин будулуйбут уутуттан тахсыбакка сөтүөлүүбүт*. [СТУБТ: 14 т., 178].

Кункүй относится к северо-западной группе говоров, распространен в Жиганском улусе: *дьааны үрүйэтэ* (горная речка); *тостума сыырдаах үрэх*; *көнүс* ‘речка с высоким об-

рывистым берегом' [ДСЯС: 98]. Г. В. Попов отметил: «топонимы Горного Алтая (река, насел пункт) Кулады, Кулада, *күнкүй, күнкүйэ, күнүс* 'промытая текучей водою расщелина скалы'» [15, с. 77].

Заключение

Из диалектологического словаря якутского языка взято 36 диалектных слов, обозначающих реку. Они разделены на 4 основные группы:

- 1) слова, обозначающие *реки* и *ручьи* (5 слов);
- 2) слова, обозначающие *реку* (18 слов);
- 3) слова, обозначающие *речку* (7 слов);
- 4) слова, обозначающие *ручей* (6 слов).

Из них 17 слов определены в Большом толковом словаре якутского языка как диалектные слова. В работах М. С. Иванова-Багдарыын Сүлбэ имеется определение 5 слов. Нь. Багдарыын Сүлбэ уола описал 1 слово, и также в работе Г. В. Попова дается определение 1 слова.

Тюркское происхождение имеют 12 диалектных слов, а также есть заимствования с других языков: монгольского 5, эвенкийского 5, эвенского 4 и слова неизвестного происхождения 2.

На основе проведенного анализа можно сделать вывод о том, что особенно много диалектных слов, обозначающих реку, относятся к северо-восточной группе говоров якутского языка. Также выявили, что преобладают заимствования с эвенского и эвенкийского языка. Богатый материал словаря диалектных слов якутского языка требует еще более глубокого и широкого изучения, исследования.

Литература

1. Кулаковский, А. Е. Наречия разных местностей, улусов и округов с прибавлением архаизмов, специальных охотничьих терминов, омонимов и синонимов (около 760 слов) / А. Е. Кулаковский // Научные труды. – Якутск : Книжное издательство, 1979. – С. 389–413.
2. Воронкин, М. С. Есейский говор якутского языка / М. С. Воронкин. – Баку, 1966. – 18 с.
3. Убрятова, Е. И. Опыт сравнительного изучения фонетических особенностей языка населения некоторых районов Якутской АССР / Е. И. Убрятова. – Москва : Издательство АН СССР, 1960. – 151 с.
4. Афанасьев, П. С. Говор верхоянских якутов / П. С. Афанасьев. – Якутск : Книжное издательство, 1965. – 176 с.
5. Афанасьев, П. С. Диалектологический словарь якутского языка / П. С. Афанасьев, М. С. Воронкин, М. П. Алексеев. – Москва : Наука, 1967. – 277 с.
6. Воронкин, М. С. Диалектологический словарь языка саха : дополнительный том / М. С. Воронкин, М. П. Алексеев, Ю. И. Васильев. – Новосибирск : Наука, 1995. – 304 с.
7. Иванов, М. С. Саха топонимиката : учебное пособие для студентов / М. С. Иванов. – Якутск : Саха государственной университетин издательствота, 1998. – 122 с.
8. Гриценко, К. Ф. Названия рек и озер Якутии : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / К. Ф. Гриценко. – Томск, 1968. – 20 с.
9. Монастырев, В. Д. Структура и семантика топонимов (на материале топонимии правобережных районов Центральной Якутии) : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / В. Д. Монастырев. – Якутск, 1993. – 22 с.
10. Воронкин, М. С. Саха диалектологиятын очерката / М. С. Воронкин. – Якутск : Книжное издательство, 1980. – 244 с.
11. Иванов, М. С. Сири сиксигинэн / М. С. Иванов. – Якутскай : Саха сириинээби кинигэ издательствота, 1985. – 192 с.
12. Иванов, Нь.М. Монголоизмы в топонимии Якутии / Нь. М. Иванов. – Якутск, 2001. – 204 с.
13. Иванов, М. С. Талыллыбыт үлэлэр / М. С. Иванов. – Дьокуускай : Бичик, 2013. – 536 с.

14. Иванов, М. С. Топонимика Якутии : краткий научно-популярный очерк / М. С. Иванов. – Якутск : Книжное издательство, 1985. – 148 с.

15. Попов, Г. В. Слова неизвестного происхождения якутского языка : (сравнительно-исторические исследования) / Г. В. Попов. – Якутск : Якутское книжное издательство, 1986. – 148 с.

References

1. Kulakovskij, A. E. Narechiya raznyh mestnostej, ulusov i okrugov s pribavleniem arhaizmov, special'nyh ohotnich'ih terminov, omonimov i sinonimov (okolo 760 slov) / A. E. Kulakovskij // Nauchnye trudy. – Yakutsk : Knizhnoe izdatel'stvo, 1979. – S. 389–413.

2. Voronkin, M. S. Esejskij govor yakutskogo yazyka / M. S. Voronkin. – Baku, 1966. – 18 s.

3. Ubryatova, E. I. Opyt sravnitel'nogo izucheniya foneticheskikh osobennostej yazyka naseleniya nekotoryh rajonov Yakutskoj ASSR / E. I. Ubryatova. – Moskva : Izdatel'stvo AN SSSR, 1960. – 151 s.

4. Afanas'ev, P. S. Govor verhojanskikh yakutov / P. S. Afanas'ev. – Yakutsk : Knizhnoe izdatel'stvo, 1965. – 176 s.

5. Afanas'ev, P. S. Dialektologicheskij slovar' yakutskogo yazyka / P. S. Afanas'ev, M. S. Voronkin, M. P. Alekseev. – Moskva : Nauka, 1967. – 277 s.

6. Voronkin, M. S. Dialektologicheskij slovar' yazyka saha : dopolnitel'nyj tom / M. S. Voronkin, M. P. Alekseev, YU. I. Vasil'ev. – Novosibirsk : Nauka, 1995. – 304 s.

7. Ivanov, M. S. Saha toponimikata : uchebnoe posobie dlya studentov / M. S. Ivanov. – Yakutsk : Saha gosudarstvennaja universitetyn izdatel'stvota, 1998. – 122 s.

8. Gricenko, K. F. Nazvaniya rek i ozer YAKutii : avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskikh nauk / K. F. Gricenko. – Tomsk, 1968. – 20 s.

9. Monastyrev, V. D. Struktura i semantika toponimov (na materiale toponimii pravoberezhnyh rajonov Central'noj YAKutii) : avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskikh nauk / V. D. Monastyrev. – Yakutsk, 1993. – 22 s.

10. Voronkin, M. S. Saha dialektologiyatyn ocherkata / M. S. Voronkin. – Yakutsk : Knizhnoe izdatel'stvo, 1980. – 244 s.

11. Ivanov, M. S. Siri siksigenin / M. S. Ivanov. – Yakutskaj : Saha sirineejji kinige izdatel'stvota, 1985. – 192 s.

12. Ivanov, N'.M. Mongoloizmy v toponimii YAKutii / N'. M. Ivanov. – Yakutsk, 2001. – 204 s.

13. Ivanov, M. S. Talylybyt yleler / M. S. Ivanov. – D'okuuskaj : Bichik, 2013. – 536 s.

14. Ivanov, M. S. Toponimika YAKutii : kratkij nauchno-populyarnyj ocherk / M. S. Ivanov. – Yakutsk : Knizhnoe izdatel'stvo, 1985. – 148 s.

15. Popov, G. V. Slova neizvestnogo proiskhozhdeniya yakutskogo yazyka : (sravnitel'no-istoricheskie issledovaniya) / G. V. Popov. – Yakutsk : YAKutskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1986. – 148 s.

Словари

1. Афанасьев П. С., Воронкин М. С., Алексеев М. П. Дialektologicheskij slovar' yakutskogo yazyka. – М.: Наука, 1967. – 277 с.

2. Воронкин М. С., Алексеев М. П., Васильев Ю. И. Дialektologicheskij slovar' yazyka saha. Доп. том. – Новосибирск: Наука, 1995. – 304 с.

3. Пекарский Э. К. Словарь якутского языка. Вып., 1-13: Изд-во иностр. и нац. словарей, 1927. – 312 с.

4. Саха тылыгар кылгас көмө тылдьыт: эргэрбит, кэлим тыллар, омонимнар. – Дьокуускай: Бичик, 2004. – 136 с.

5. Саха тылын быһаарыылаах тылдьыта=Толковый словарь якутского языка / Под ред. П. А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2004-2018. – Т. 1-15.

Dictionaries

1. Afanas'ev P.S., Voronkin M.S., Alekseev M.P. Dialektologicheskij slovar' yakutskogo yazyka. – М.: Nauka, 1967. – 277 s.

2. Voronkin M.S., Alekseev M.P., Vasil'ev YU.I. Dialektologicheskij slovar' yazyka saha. Dop. tom. – Novosibirsk: Nauka, 1995. – 304 s.
3. Pekarskij E.K. Slovar' yakutskogo yazyka. Vyp., 1-13: Izd-vo inostr. i nac. slovarej, 1927. – 312 s.
4. Saha tylygar kylgas kɵmɵ tyld'yt: ergerbit, kelim tyllar, omonimnar. – D'okuuskaj: Bichik, 2004. – 136 s.
5. Saha tylyn byhaaryylaah tyld'yta=Tolkovyj slovar' yakutskogo yazyka / Pod red. P.A. Slepčova. – Novosibirsk: Nauka, 2004-2018. – T. 1-15.

С. И. Ядрихинская, Г.Г. Филиппов

Соотношение семантики (типология семантики) производных основ, образованных аффиксами *-һыт* и *-ааччы* в якутском языке

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия

E-mail: filippovgg@mail.ru

Аннотация. Аффиксальное словообразование и терминообразование являются одним из насущных разрабатываемых разделов в якутском языкознании. Начиная с фундаментальной работы О. Н. Бётлингга «О языке якутов» было проведено исследование якутской словообразовательной системы в грамматических трудах В. В. Радлова, С. В. Ястремского, Н. Н. Поппе, А. Е. Кулаковского, А. А. Иванова-Кюндя, П. А. Ойунского, Н. С. Григорьева, Л. Н. Харитонова, Н. К. Антонова, Е. И. Убратовой, П. А. Слепцова, Е. И. Оконешникова, В. И. Быгановой, И. Б. Ивановой и др. Аффикс *-һыт* в якутском языке – довольно используемая словообразовательная форма, которая обозначает лицо или деятеля, для которого данный предмет (понятие) представляет объект его занятия или профессии, либо составляет его особую склонность, мастерство, сноровку, пристрастие. Аффикс *-ааччы* в якутском языке тоже является живым продуктивным причастно-именным аффиксом, который: во первых, обозначает действующее лицо или деятеля; во вторых, функционирует как причастие и финитная форма глагола, имеющие значение обычносовершаемого действия. Первый аффикс образует имена существительные от именных основ, а второй аффикс – имена существительные от глагольных основ. Эти производные основы при образовании от однозначной основы выражают имена существительные, обозначающие действующее лицо или деятеля, которые являются близкородственными и синонимичными. Например, *суруксут* от *сурук* ‘писать’ – ‘умеющий писать, писарь, письмоводитель’; *суруйааччы* от *суруй* ‘писать’ – ‘умеющий обычно писать, писатель’: *тылбаасчыт* от *тылбаас* ‘перевод’ – ‘переводчик’: *тылбаастааччы* от *тылбаастаа* ‘переводить, переводить’ – ‘переводивший, переводящий’. Данная статья посвящена анализу природы этого явления, т. е. синонимии имен, образованных аффиксами *-һыт* и *-ааччы* от глаголов и отглагольных имен, восходящих к одной и той же глагольно-именной производной корневой основе. В результате исследования было выявлено, что основное отличие слов, образованных аффиксом на *-һыт* от имен и аффиксом *-ааччы* от этих отыменных глаголов, заключается в том, что имена с аффиксом *-һыт* выражают субъект действия с профессиональной стороны (искусное обладание качеством, деятельностью, умением, склонностью, и т. л.), т. е. объектом которого является дауный предмет, а имена с аффиксом на *-ааччы* называют (показывают) имена просто как субъекты этого (данного) действия.

Ключевые слова: словообразование, терминообразование, аффиксы на *-һыт* и *-ааччы*, синонимия, семантика, значение, якутский язык, тюркские языки, имена существительные, производные и непроизводные основы.

ЯДРИХИНСКАЯ Сардана Ивановна – магистр кафедры якутского языка, Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова.

YADRIKHINSKAYA Sardana Ivanovna – Master's student, Department of the Yakut Language, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

ФИЛИППОВ Гаврил Гаврильевич – д. филол. н., профессор, почётный директор Института языков и культуры народов Северо-Востока Российской Федерации, Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова.

E-mail: filippovgg@mail.ru

FILIPPOV Gavril Gavril'evich – Doctor of Philological Sciences, Professor, Honorary Director, Institute of Languages and Culture of the Peoples of the Northeast of Russia, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

S. I. Yadrikhinskaya, G. G. Filippov

Correlation of semantics (typology of semantics) of derived bases formed by affixes *-hyt* and *-aachchy* in the Yakut language

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

E-mail: filippovgg@mail.ru

Abstract. Affixal word formation and term formation is one of the relevant areas being developed in Yakut linguistics. Starting with the fundamental work by Otto von Bohtlingk "On the Yakut language", a study of the Yakut word-formation system was conducted in the grammatical works of V.V. Radlov, S.V. Yastremsky, N.N. Poppe, A.E. Kulakovsky, A.A. Ivanov-Kyund, P.A. Oyunsky, N.S. Grigoriev, L.N. Kharitonov, N.K. Antonova, E.I. Ubryatova, P.A. Sleptsova, E.I. Okoneshnikova, V.I. Bygova, I.B. Ivanova, etc. Affix *-hyt* in the Yakut language is a fairly used word-formation form, which denotes a person or figure for whom this subject (concept) represents the object of their occupation or profession, or constitutes their special inclination, skill, dexterity, predilection. The affix *-aachchi* in the Yakut language is also a living productive participial-nominal affix, which: firstly, denotes an actor or an actor; secondly, it functions as a participle and a finite verb form that has the meaning of a commonly performed action. The first affix forms nouns from nominal bases, and the second affix forms nouns from verbal bases. These derived bases, when formed from an unambiguous basis, express nouns denoting an actor or figure, which are close-valued and synonymous. For example, *suruksut* from *suruk* 'letter' – 'able to write, scribe, clerk'; *suruyaachchy* from *suruy* 'write' – 'able to write usually, writer': *tylbaaschyt* from *tylbaas* 'translation' – 'translator': *tylbaastaachchy* from *tylbaastaa* 'translate, translate' – 'translator. This article is devoted to the analysis of the nature of this phenomenon, i.e., the synonymy of names formed by affixes on *-hyt* and *-aachchy* from verbs and verbal names ascending to the same verb-nominal derivative root basis. As a result of the study, it was revealed that the main difference between words formed by the affix *-hyt* from names and the affix *-aachchy* from these nameless verbs is that names with the affix *-hyt* express the subject of action from the professional side (skillful possession of quality, activity, ability, inclination, etc.), i.e. the object of which is the given object, and the names with the affix *-aachchy* call (show) the names simply as subjects of this (given) action.

Keywords: word formation, term formation, affixes *-hyt* and *-aachchy*, synonymy, semantics, meaning, Yakut language, Turkic languages, nouns, derivatives and non-derivative bases.

Введение

Основы имен, образованные аффиксами *-hyt* и *-aachchy*, относятся к различным разделам словообразования: аффикс *-hyt* – именному словообразованию от именных основ, а аффикс *-aachchy* – именному словообразованию от глагольных основ и к вторичным причастиям.

Аффикс *-aachchy* в якутском языкознании О. Н. Бётлингк [1], Д. И. Хитров [2], Н. Н. Поппе [3], Л. Н. Харитонов [4] и др. считали именем действующего лица. Только Е. И. Убрыатова, исследуя долганский язык, выявила его причастное происхождение, т. е. раскрыла его субстантивированную природу [5].

Тут нужно сделать уточнение о том, что О. Н. Бётлингк считал, что в якутском языке все временные формы имеют именное происхождение. Таким образом, положение Е. И. Убрыатовой можно оценить, напротив, как все отглагольные именные формы исходят из субстантивированных причастий. Е. И. Коркина данный аффикс считает характерным в северо-восточных сибирских тюркских языках [6].

Слова с аффиксом *-aachchy* часто выражают также значение признака (атрибутивного или предикативного) и переводятся на русский язык с помощью причастия настоящего времени. Это особенно заметно на отыменных глаголах, именная основа которых может принимать аффикс *-hyt*, тоже обозначающий действующее лицо: *балыксыт* 'рыбак', *балык-*

тааччы 'ловящий рыбу, умеющий рыбачить'; *улэһит* 'работник', *улэлээччи* 'работающий, тот, кто работает'; *булчут* 'охотник' *бултааччы* 'занимающийся охотой' и т. д. [7, с. 118].

Слова с данным аффиксом в контексте могут приобретать оттенок значения, понимаемый как привычность, обычность, доступность данного действия для его субъекта: *Эрдэ турааччыбын* 'Я обычно встаю рано'; *Бу кыыс кинигэни таптаан аабааччы* 'Эта девочка охотно читает книги'; *Оһоһу онгорооччубун* 'Печку я обычно делаю (ставлю)'.

По своей смысловой структуре во всех приведенных случаях слова с аффиксом *-ааччы* всегда сохраняют в себе значение субъекта действия: *балыктааччы* 'тот, кто ловит рыбу, рыбачащий, рыбак', *олорооччу* 'тот, который сидит, сидящий' и т. д. Употребление данных имен действия в качестве определения встречается редко. В этой функции предпочтительно причастие на *-ар*.

Однако имена с аффиксом *-ааччы*, имеющие впереди себя пояснительные слова, выступают в роли определения довольно часто: *от үрдүгэр турааччы дьон* 'люди, стоящие на макушке стога', *уу баһааччы кыыс* 'девушка, носящая воду', *сыл аайы үчүгэйдик үөрэнээччи оһолор* 'ребята, которые ежегодно учатся хорошо' и т. п.

В современном языке аффикс *-ааччы* в значительной мере используется как средство образования терминов, обозначающих имя деятеля или субъекта: *суруйааччы* 'писатель' (*суруй* – 'писать'), *аабааччы* 'читатель' (*аах* – 'читать'), *үөрэнээччи* 'ученик, учащийся' (*үөрэн* – 'учиться') и т. п.

Как говорилось выше, большинство слов приведенного типа, наряду с терминологическим значением имени деятеля, часто употребляется также в значении, близком к значению причастий: *суруйааччы* 'пишущий, могущий писать, имеющий привычку писать', *аабааччы* 'читающий, могущий читать, имеющий обыкновение читать', *билээччи* 'знаток, знающий, могущий узнавать' и т. п.

Именно в таких (причастных) значениях данная форма в современном якутском языке получила наиболее широкую употребительность. Дополнительно принимая форму сказуемости, аффикс *-ааччы* может служить формой глагольного наклонения (обычно совершенного действия) и входить в систему форм спряжения глагола.

В народном (старом) разговорном языке отдельно взятые слова с аффиксом *-ааччы* в значении собственно названия деятеля встречаются редко: *тигээччи* 'оса' (*тик* – 'шить, жалить'), *иһээччи* 'пьяница, пьющий' (*ис* – 'пить') и др.

Многие слова с аффиксом *-ааччы* в значении имени деятеля обычно выступают в сочетании с прямым дополнением в форме основного падежа, принимая, таким образом, форму составного существительного: *уу баһааччы* 'водовоз', *ынах ыаччы* 'доярка', *оһо көрөөччү* 'няня', *ас астааччы* 'стряпуха, повар' и т. д.

Структура аффикса *-ааччы* кажется двухсоставной. В ней выделяется элемент *-ччы(чы)*, соответствующий тюркскому аффиксу *-чы*, присоединяемому к именам, получившим удвоение начального согласного в интервокальном положении. Этот элемент ясно выступает в форме *ыаччы*, *диэччи*, *сиэччи* от глаголов *ыа*– 'доить', *диэ*– 'говорить', *сиэ*– 'поедать', а также в словах *сымыйааччы* 'лгун, лживый', *хобуоччу* 'ябедник', образованных от имени *сымыйа* 'ложь', *хон* 'ябеда, клевета' [7, с. 119].

Аффикс *-ааччы* в якутском языке очень активен. Еще О. Н. Бётлингк отметил его продуктивность, он включил *-ааччы* в раздел «Живые аффиксы» [1, с. 273].

Данный аффикс не утратил своей продуктивности и сегодня, он является компонентом словообразовательных моделей, с его помощью строятся неологизмы: *туһанааччы* 'потребитель', *чинчийээччи* 'исследователь', *туруорааччы* 'постановщик', *хамсатааччы* 'двигатель', *кээмэйдээччи* 'измеритель', *көрдөрөөччү* 'показатель' [8, с. 17], *харайааччы* 'попечитель' [9, с. 158].

Якутоведы пишут, что «многие термины, образованные аффиксом на *-ааччы*, недостаточно «выразительны, индивидуализированы», это связано с сохранением общего значения «как признака, свойства лица и предмета, и любое имя на *-ааччы* на русский язык может быть переведено как действительное причастие» [10, с. 58].

Е. И. Коркина форму *-ааччы* выводит от причастия на *-ар*: *барар + чы – барааччы* [6, с. 226], также она же сопоставляет аффикс *-ааччы* с формами на *аат+чы+тын* кытта. В свое время профессор Е. И. Убрятова высказывала предположение о былом существовании причастия *-а(-аа)* наравне с причастием *-ар*, которое мог стать первым компонентом аффикса *-ааччы*.

Е. И. Убрятова аффикс *-ааччы* производит от причастия *-бач*: *бар + бач + чы – барааччы* [11, с. 37]. Тем самым аффикс *-ааччы* является причастно-именной формой, состоящей из двух причастных форм: *-бач* и *йук*. Интерес представляет присоединение второго компонента *-чы* и *-чык*. Е. И. Убрятова его возводит от уйгурского причастия *-йук/-чу* [11, с. 69].

Нас интересует усилительная форма *-к*: *барааччы – барааччык, көрөөччү – көрөөччүк*. Возможно, так же аффикс *-һыт* в якутском языке присоединил к себе усилительный элемент *-т*: *сымыйааччы – сымыйааччык, хобуоччу – хобуоччук; барыһы – барыһык, кэлиһи – кэлиһиһик; атыһык – атыһы(к)т, кэрэһи(к)т*.

Из всего сказанного следует то, что вторым компонентом аффикса *-ааччы* может быть древний аффикс *-чы*, элемент современного аффикса *-һыт* (*-ша, -чы* и т. д.). Структурно это возможно, так как аффикс *-һыт* в современном якутском языке присоединяется к именам действия, причастиям и отглагольным именам.

Аффикс *-һыт* присоединяется к именам и отглагольным именам без каких либо ограничений. Сложности появляются при присоединении к именам действия и к причастным формам. При присоединении к причастию *-ых* происходит семантический сдвиг с отрицательной эмоциональной тональностью. Поэтому образуется ограниченное количество слов: *барыхасыт, кэлиэхсит, өлүөхсүт* и т. д. К причастию *-быт/-батах* и *-аа/-ыы* илик не присоединяется, а причастие *-ар* не присоединяет аффикс на *-һыт* в современном якутском языке, что возможно очень редко, только при глубоком субстантивации причастий. Например, *көт+өр+дьүт* ‘охотник на птиц (уток)’ от *көт* ‘лететь’ – *көт-өр* ‘летающий, птица’; *сотт+ор+дьүт* ‘изготовитель полотенец’ от *сотун* ‘вытираться’ – *сотун – ор* ‘полотенце’ и т. д.

Аффикс *-ааччы* образует имена деятеля неограниченно от любых глагольных основ, которые могут выступать субъектом (деятелем) этого действия. Тогда как аффикс *-һыт* может образовать имена деятеля от любого имени существительного, но в то же время, не все имена могут образовать имена существительные, выражающие деятеля. Таким образом, аффикс *-һыт* может образовать имя деятеля только от тех имен существительных и производных отглагольных имен и причастий, которые могут функционировать в качестве имен деятеля.

Нами установлено, что аффикс *-һыт* присоединяется к производным отглагольным основам, образованным разными аффиксами, например: *-с, -ыыс*: *хаһаасчыт, кырысчыт, алгысчыт*; *-аан*: *талаанньыт, халаанньыт*; *-иэн*: *эргиэнньит*; *-уур*: *бутуурдьүт*; *-быр*: *талабырдьүт, тылабырдьүт, халабырдьүт*; *-ччы*: *төрүччүт*; *-л*: *тоһулдьүт*; *-н*: *дьэрбэнсит*; *-бө*: *көөннөрбөһүт*; *-бүө*: *көрбүөһүт (көрбүөччү)*; *хобуоччу*; *-шим*: *кэришимньит*; *-нях*: *мунняхсит*; *-аах*: *тараахчыт*; *-мэх*: *үтүмэхсит*; *-һык*: *ыанньыксит*; *-һа*: *ыстанһыт*; *-ээн*: *кэпсээнньит*; *-гэ*: *билгэһит*; *-эһэр*: *сүгэһэрдьит*.

Также аффикс *-һыт* присоединяется к основам субстантивированных причастий *-ых*: *абырыахсит, кэлиэхсит, кыайаахсит, таннарыахсит* др. и к именам действия *-ыы*:

айыыһыт, эрдиһит, эрбиһит, кылыыһыт, имиһит, айыыһыт, кылыыһыт, имиһит и др.

Объектами анализа данной статьи является отглагольные именные основы, образованные аффиксом *-ааччы* и имена *-һыт*, образованные от производных имен одноименных глаголов. При этом производные отглагольные имена существительные, образованные этими же аффиксами от одноименных глаголов бывают различного происхождения.

Аффикс *-ааччы* производит имена деятеля, модифицируя семантику глагола в название обычно-совершенное освидетельствование и название субъекта этого действия. Например, *тут + ааччы* от глагола *тут* – ‘строить’: *тутааччы* ‘он обычно строил’, ‘строитель’; *суруй + ааччы* от глагола *суруй* – ‘писать’: *суруйааччы* ‘он обычно писал’, ‘писатель’; *өлөр + өөччү* (өл ‘умирать’ өл + өр аффикс –өр действ. переходн. глагол) от глагола *өлөр* – ‘убить’: *өлөрөөччү* ‘он обычно убивал’, ‘убийца’ и т. д.

Аффикс *-һыт*, присоединенный к именам существительным, превращает их в действующее лицо, выраженное данным же аффиксом. Например, *оҕо + һыт* от имени *оҕо* – ‘ребенок’: *оҕоһыт* ‘лицо, присматривающее за ребенком’, ‘няня’; *сүбэ + һыт* от имени *сүбэ* – ‘совет’: *сүбэһыт* ‘лицо, дающий советы’, ‘советчик, советник’; *атыы + һыт* от имени *атыы* – ‘продажа’: *атыыһыт* ‘лицо продающее’, ‘продавец’; өл + өр + үөх + сүт от имени *өлөрүөх* – ‘убивающий’: *өлөрүөхсүт* ‘лицо, убившее’, ‘убийца’.

Если аффикс *-ааччы* превращает действие в название деятеля без указания на объект, то аффикс *-һыт* имя существительное превращает в название деятеля, направленное в качестве его объекта действия. Это свойство делает их семантику типологически близкими и синонимичными, но не аналогичными. Например, *атыыһыт* ‘продающий’, ‘продавец’; *атыылааччы* ‘тот, который продавал’, ‘продающий’; *өлүөхсүт* ‘умерший’, *өлөөччү* ‘тот, который умер’, ‘умерший’.

А. Аффикс *-ааччы* присоединяется непосредственно к основе глагола. Например, *эрт + ээччи*: *эрдээччи* – ‘гребец’, ‘человек, который гребет’; *эрт + ии*: *эрдии + эрдиһит* – ‘тот, который гребёт, гребец’; *эрбээ + ээччи*: *эрбээччи* – ‘пильщик’, ‘человек, который пилит’; *эрбээ + ии*: *эрбии* ‘пила’: *эрбии+һыт* – ‘тот, который пилит, пильщик, пилорамщик’; а аффикс *-һыт* к производному имени. Например, *сүк* ‘носить на спине’: *сүг + эһэр*: *сүгэһэр* ‘ноша’: *сүгэһэр + дьит* – ‘человек, который носит груз на спине, носильщик, грузчик’; *тас* ‘переносить’: *тас + аҕас*: *таһаҕас* ‘ноша, груз’ *таһаҕас + чыт* ‘человек, который носит груз, носильщик (возчик) груза’.

Б. Аффикс *-ааччы* присоединяется к основе глагола и после аффикса залога глагола. Например, *эрбээ* ‘пилить’: *эрбээ + т*: *эрбэт* ‘заставь, попроси пилить’ *эрбэт + ээччи*: *эрбэтээччи* ‘человек, который пилит стройматериалы, пилорамщик’; хот ‘одолеть, победить, взять верх над кем-то’ *хот + тор*: ‘проиграть (проиграй), дай себя проиграть’ *хот+тор + ооччу*: *хотторооччу* ‘проиграющий, проигравший’.

А. Аффикс *-һыт* присоединяется непосредственно к основе имени. Например, *сылгы + һыт*: *сылгыһыт* ‘человек, который присматривает за лошадьми’, ‘табунщик’, а аффикс *-ааччы* – к производному глаголу: *сылгы + лаа + ааччы*: *сылгылааччы* ‘человек, который ищет и собирает лошадей’, ‘табунщик’. Например, *сылгы + лаа + ааччы*: *сылгылааччы* ‘собирающий лошадей, табунщик’; *чинчи + һыт*: *чинчиһит* ‘исследователь, наблюдающий’, *чинчи + лээ + ээччи*: *чинчилээччи* ‘исследователь, наблюдающий, эксперт’; *чинчи + й + ээччи*: *чинчийээччи* ‘исследователь’; *чочу + һыт*: *чочуһыт* ‘точильщик’; *чочу + лаа + ааччы*: *чочулааччы* ‘точильщик’; *чочу + й + ааччы*: *чочуйааччы* ‘ювелир, мастеревой-точильщик’.

Как видно из примеров, синонимия семантики аффиксов *-һыт* и *-ааччы* присходит при присоединении аффикса *-һыт* непосредственно к имени *сүбэ+һыт* ‘советчик, советник’

и присоединении глаголообразующего аффикса *-лаа* и аффикса *-ааччы* к этому же имени: *сүбэ + лээ + ээччи: сүбэлээччи* ‘советчик, советник’.

Подобная синонимия аффиксов *-һыт* и *-ааччы* происходит при присоединении аффикса *-һыт* к отглагольному имени, имени действия или причастию *-ыхах*: *сүк+эхэр+дьит* ‘носильщик, грузчик’ и присоединении аффикса *-ааччы* непосредственно к основе данного глагола: *сүк + ээччи: сүгээччи* ‘носильщик, грузчик’; *тарт + ыы + һыт* ‘сборщик налога’ *тарт + ааччы* ‘сборщик, сборщик налога’; *өл+өр+үөх+сүт* ‘убийца’; *өл+өр+өөччү* ‘тот, который убивал, убийца’.

Целью исследования является выявление причин сходства и различий семантики сопоставляемых производных имен существительных от аффиксов *-һыт* и *-ааччы*.

Методами исследования являются метод словообразовательного анализа, который устанавливает характер и значения составляющих его морфем, их связей и соотношений друг с другом, а также между производной и производящей основами и методы структурного и семантического анализов, которые раскрывают внутреннюю смысловую структуру слова, типы переноса значений и т. д. Также используется метод морфемного анализа для выявления морфемного устройства производного слова, метод компонентного анализа, который предполагает исследование семантической структуры существительных.

Анализ семантики имен на *-һыт*, образованных непосредственно от имен существительных и имен на *-ааччы*, производных от этих отыменных глаголов (*балык + сымт* и *балык + таа + ааччы*)

Для того, чтобы раскрыть типологию синонимии имяобразующих аффиксов *-һыт* и *-ааччы* мы специально подобрали именные основы от которых образуются, во-первых, имена с аффиксом *-һыт*; во-вторых, имена с аффиксом *-ааччы* через глаголообразования в якутском языке.

Образование подобных пар именных основ в якутском языке на первый взгляд кажется искусственным, но на самом деле оно в языке действительно существует и функционирует. Просто мы на них не обращали внимание.

Присоединение аффикса *-һыт* непосредственно на основу слова и аффикса *-ааччы* на производный глагол:

булт ‘охота’: *булт+чут* ‘охотник, добытчик’ / *булт+лаа+ааччы: бултаааччы* ‘охотящий, добывающий, охотник’;

ас ‘пища’: *ас+чымт* ‘повар, кулинар, готовщик пищи’ / *ас+таа+ааччы* ‘готовщик пищи, готовящий пищу’;

быс ‘резать; запрудить, сделать препятствие’: *быһ+ымт* ‘запруда’ – *быһымт+чымт* ‘запрудщик’ | *быһымт+таа+ааччы* ‘делающий запруды’;

быыра ‘пращур’: *быыра+һыт* ‘метающий прашур’ / *быыра+лаа+ ааччы* ‘кидающий прашур’;

биһик ‘колыбель’: *биһик+чит* ‘тот, который делает колыбель, мастер-колыбельщик’ / *биһик+тээ+ээччи* ‘наделяющий колыбелью, колыбельщик’;

күөс ‘варево’: *күөс+чут* ‘тот, который варит, повар’ / *күөс+тээ+ээччи* ‘тот, который варил, повар’;

тангара ‘бог’: *тангара+һыт* ‘верующий в бога, богоприслужник’ / *тангара+лаа+ааччы* ‘почитающий бога, умерший’;

бэдэрээт ‘груз, для перевозки’: *бэдэрээт+чит* ‘перевозчик’ / *бэдэрээт+тээ+ээччи* ‘перевозчик’;

түс ‘выпуклость стога’: *түс+чут* ‘тот, который делает выпуклость стога’ / *түс+тээ+ээччи* ‘тот, который делает выпуклость стога’;

үлэ 'работа': *үлэ+һит* 'работник, любящий работать' / *үлэлээччи* 'работающий, работник';

быа 'бечевка, веревка': *быа+һыт* 'изготовщик бечевки, меряющий специальной веревкой' / *быа+лаа+ааччы* 'привязывающий, меряющий веревкой';

сылгы 'лошадь': *сылгы+һыт* 'присматривающий за лошадьми, табунщик' / *сылгы+лаа+ааччы* 'ищущий, собирающий лошадей, табунщик';

отон 'ягода': *отон+һыт* 'сборщик ягод, ягодник' / *отон+ноо+ооччу* 'собирающий ягоды, тот, который собирает ягоды';

сии 'клевета': *сии+һит* 'клеветник' / *сии+лээ+ээччи* 'клеветующий человек';

игии 'напильник': *игии+һит* 'напильщик' / *игии+лээ+ээччи* 'тот, который напильник';

кытыы 'обочина': *кытыы+һыт* 'тот, который выправляет, исправляет, ободок, косит край, обочину' / *кытыы+лаа+ааччы* 'тот, который косит край покоса';

сэрии 'война': *сэрии+һит* 'тот, который воюет, воин' / *сэрии+лээ+ээччи* 'война + воевать + тот, который воюет, воин';

сытыы 'острый': *сытыы+һыт* 'тот, который точит, точильщик' / *сытыы+лаа+ааччы* 'точильщик';

чинчи 'примета, признак': *чинчи+һит* 'тот, который определяет по приметам, признакам' / *чинчи+лээ+ээччи* 'тот, который определяет по приметам, признакам' – *чинчи+й+ээччи*: *чинчи+й* 'изучать' – *чинчи+й+ээччи* 'исследователь';

чочу 'точилка': *чочу+һыт* 'точильщик' / *чочулааччы* 'тот, который точит, точильщик' – *чочу+й+ааччы*: *чочу+й* 'точить' – *чочу+й+ааччы* 'ювелир, искусно точащий';

хаан 'кровь': *хаан+һыт* 'пускающий кровь, тот, который пускает кровь' / *хаан+наа+ааччы*, 'тот, который лечит пусканием крови';

кунуу 'ревность': *кунуу+һыт* 'ревнивец' / *кунуу+лээ+ээччи* 'тот, который ревнует';

атыы 'продажа, торговля': *атыы+һыт* 'продавец, торговец' / *атыы+лаа+ааччы* 'продажа, торговля+продавать, торговать+тот, который продает, торгует';

айаас 'не прирученный (конь, бык)': *айаас+һыт* 'тот, который приручает, обуздает' / *айаас+аа+ааччы* 'тот, который приручает необузданных коней'.

Присоединение аффиксов *-һыт* и *-ааччы* на производную основу:

-*гэ*: *бил* 'знать, узнать' *бил+гэ+һит*: *билгэ* 'примета' *бил+гэ+һит* 'тот, который знает по приметам, знающий по приметам' / *бил+гэ+лээ+ээччи* 'тот, кто наблюдает по приметам';

- *һык*: *ыа* 'доить' *ыа+һык* 'дойная корова': *ыа+һык+һыт* 'тот, который доит коров, дояр, доярка' / *ыа+һык+таа+ааччы* 'доить+дойная корова+доить (дойных) коров+тот, кто доит коров';

-*үмэх*: *үт* 'толкать, ставить (сеть, невод)' *үт+үмэх* 'шесть, которым ставят сеть или невод': *үт+үмэх+һит* 'тот, который ставит сеть шестом' / *үт+үмэх+тээ+ээччи* 'ставить, толкать+шесть, которым ставят сеть+ставить сеть шестом, назначенным+ тот, кто ставит сеть';

-*аах*: *тараа* 'расчесать' *тараа+аах* 'расческа, гребешок': *тараа+аах+һыт* 'тот, который делает гребешки' / *тараа+аах+таа+ааччы* 'расчесать+расческа+наделять расческой+тот, кто расчесывает';

-*иим*: *кэрий* 'обходить' *кэрий+иим* 'обход': *кэрий+иим+һыт* 'тот, который обходит родственников' / *кэрий+иим+нээ+ээччи* 'обходить+обход+обходчик, тот, кто обходит, обходящий';

-*һах*: *мус* 'собирать' *мус+һах* 'собрание': *мун+һах+һыт* 'тот, который участвует на собрании, участник собрания' / *мун+һах+таа+ааччы* 'собирать+ собрание+участвовать на собрании+ тот, кто участвует на собрании';

-ччы: *төрүт* 'основа, родословный': *төрүч+чүт* 'родословник' / *төрүт+тээ+ээччи* 'родословный+создать основу+ тот, кто создает родословную, основатель';

-с, -ыыс: *хаһаас* 'запас': *хаһаас+чым* 'тот, который запасается' / *хаһаас+таа+ааччы* 'запас'+ 'запасаться'+ 'тот, кто оставляет про запас';

-һу: *күрүө* 'изгородь': *күрүө+һүт* 'ломающий изгородь, приученный ломать изгородь' / *күрүө+һү+лээ+ээччи* 'изгородь', 'поломка изгороди'+сломать изгородь+ тот, кто ломает изгородь'.

Данные примеры интересны тем, что аффикс -һу, видимо, представляет собой рудимент аффикса -һыт, который в данном конкретном случае показывает значение разрушить изгородь, а полный аффикс -һыт выражает два значения: 1) *күрүөһүт* показывает субъект действия 'тот, кто ломает изгородь'; 2) *күрүөһүт* показывает субъект действия, который строит и изготавливает изгородь.

Анализ семантики имен на -ааччы, образованных непосредственно от глаголов и имен на -һыт, производных отыменных глагольных именных основ, образованных от этих же глаголов (суруй + ааччы и суруй + к + сут).

Для того, чтобы раскрыть типологию синонимии имяобразующих аффиксов -һыт и -ааччы мы специально подобрали глагольные основы от которого образуются: во-первых, имена с аффиксом -ааччы; во-вторых, имена с аффиксом -һыт через производное имяобразование:

-ыыс: *кыраа* 'проклинать': *кыраа+ааччы*: 'тот, кто проклинает, проклинающий' / *кыраа+ыыс+чым* 'проклинать+ проклятие+ проклинающий; тот, кто проклинает';

-һа: *ыстан* 'прыгать': *ыстан+ааччы* 'тот, кто прыгает, прыгун' – *ыстан+һа+һыт*: 'прыгать+ прыгание+ прыгающий, прыгун';

-ээн: *кэпсээ* 'рассказывать': *кэпсээ+ээччи* 'тот, кто рассказывает, рассказчик' / *кэпсээ + ээн + һыт*: 'рассказывать+ рассказ+ рассказчик';

-эһэр: *сүк* 'носить на спине': *сүг+ээччи* 'носильщик, грузчик' / *сүг + эһэр + дһыт* 'носить на спине+ ноша, груз+ носильщик, грузчик';

-иэ: *бигээ* 'касаться руками': *бигээ+ээччи* 'определяющий пальцами' / *бигээ+иэ+һыт* 'касаться пальцами+ определение пальцами+ определяющий пальцами';

-ых: *абыраа* 'спасать': *абыраа + ааччы* 'спасающий, спасатель' / *абыраа + ых + сым* 'спасать+ спасающий+ (горе) спасатель'; *кэл* 'приходить' *кэл + ээччи* 'приехавший, прибывший' – *кэл + иэх + сым* 'приходить+ прехавший+ (горе) приехавший'; *кыай* 'победить, одолеть' *кыай + ааччы* 'победивший, одолевший' – *кыай + ых + сым* 'победить, одолеть+ побеждающий, одолевающий+ (горе) победитель'; *сиэ* 'есть, кушать, убить' *сиэ+ээччи* 'евший, убивший' – *сиэ + иэх + сым* 'есть, убить+ евший, убивший+ убийца'; *өл* 'умирать' *өл + өөччү* 'умерший, покойник' – *өл + үөх + сүт* 'умирать+ умерший+ (бедный) покойник'; *өлөр* 'убить' *өлөр + өөччү* 'убивший, убийца' – *өл + өр + үөх + сүт* 'умирать+ убить+ убивающий+ убийца'; *таннар* 'предать' *таннар + ааччы* 'предавший, предатель' – *таннар + ых + сым* 'предать+ предавший+ предатель';

-с, -ыыс: *хаһаан* 'запастись': *хаһаан + аас +таа + ааччы* 'тот, кто оставляет про запас, запасающий' / *хаһаас + чым* 'запасающий';

-аан: *талаа* 'грабить': *талаа+ааччы* 'грабивший' / *талаа + аан + һыт* 'грабить+ ограбление+ грабитель';

-аан: *халаа* 'грабить': *халаа + ааччы* 'грабивший' / *халаа + аан + һыт* 'грабить+ ограбление+ грабитель';

-иэн: *эргин* 'торговать': *эргин + ээччи* 'торгующий, торговец' / *эргин + иэн + һыт* 'торговать+ торговля+ торговец';

-уур: *бутуй* ‘смешивать, путать’: *бутуй* + *ааччы* ‘смешивающий, путающий’ / *бутуй* + *уур* + *дьут* ‘путать, смешивать + путаница, смешивание + путаник, тот, который специально разводит путаницу’;

-л: *тохуй* ‘встречать’: *тохуй* + *ааччы* ‘встречающий’ / *тохуй* + *л* + *дьут* ‘встречать + встреча + встречающий’;

-уур: *тохуй* ‘встречать’: *тохуй* + *ааччы* ‘встречающий’ / *тохуй* + *уур* + *дьут* ‘встречать + встреча (западня) + встречающий’;

-бө: *көөнньөр* ‘парить’: *көөнньөр* + *өөччү* ‘парящий’ / *көөнньөр* + *бө* + *һут* (*көөнньөрбөлөөччү*) ‘парить (заквасить) + пареная еда для скота + тот, кто готовит скотскую еду на паровом котле’;

-уу: *тут* ‘строить’: *тут* + *ааччы* ‘строитель’ / *тут* + *уу* + *һут* ‘строить + строительство (стройка) + работник-строительства, строитель’;

-ыы: *хаамп* ‘ходить’: *хаамп* + *ааччы* ‘ходок, ходящий’ / *хаамп* + *ыы* + *һыт* ‘ходить + хождение + тот, кто любит ходить’;

-уу: *хор* ‘рыть’: *хор* + *ооччу* ‘тот, который роет канаву, траншею, водоотвод’ / *хор* + *уу* + *һут* ‘рыть + траншея, канава, водоотвод + канавщик’.

Заключение

Сравнительный типологический анализ круга отглагольных основ словообразовательных структур аффиксов *-һыт* и *-ааччы* якутского языка показал следующее:

1. Для словообразования аффиксом *-һыт* лексическое значение основы слова является объектом деятельности субъекта действия: *ырыаһыт* ‘поющий песню, певец’, *отонньут* ‘сборщик ягод, ягодник’, *асчыт* ‘готовщик пищи, повар’, *оһохчут* ‘строитель печи, печник’; тем самым становится отражателем социально-культурного опыта языка народа, на котором говорит. Поэтому существуют характерные для конкретного тюркского языка слова типа: хак. *хайчы* ‘исполнитель *хая* – гортанного пения’ (*хай* ‘гортанное пение’), *тахпахчы* ‘исполнитель *тахпах*’ (*тахпах* ‘один из жанров песенного творчества’); як. *тойуксут* ‘импровизатор песни-тойук’; *олонхоһут* ‘олонхосут, сказитель былин’ (*олонхо* ‘былинный богатырский эпос’), *нимахчи* ‘исполнитель эпоса’ для хакасов.

2. Основным отличием имен на *-һыт*, образованных от отглагольных имен, причастий и имен действия от имен на *-ааччы* являются:

– имена на *-һыт*, образованные от отглагольных имен, становятся (обозначают) субъект(ом) действия, объектом которого является (становится) данное имя (*кэпсээн-һыт* ‘рассказчик’ от *кэпсээ-ээн* ‘рассказ’, *сүгэһэр-дьит* ‘грузчик, носильщик’ от *сүк-эһэр* ‘ноша на спине’, *көөнньөрбөлүт* ‘заготовщик закваски (корма) для скота’ от *көөнньөр-бө* ‘закваска’); (*тарды-һыт* ‘сборщик налога’ от *тард-ыы* ‘налог, подать’, *хорууһут* ‘канавщик’ от *хор-уу* ‘канавы’, *туууһут* ‘строитель’ от *тут-уу* ‘стройка’); (*өлөрүөх-сүт* ‘убийца, палач’ от *өлөр-үөх* ‘убивающий’, *таннарыах-сыт* ‘предатель’ от *таннар-ыах* ‘предаяющий’, *кыайахсыт* ‘победитель, победивший’ от *кыайах* ‘побеждающий’);

– имена с аффиксом *-ааччы* превращают действие в субъект (название) этого (данного) действия (*тутааччы* ‘строитель’ от *тут* ‘строить’, *аабааччы* ‘читатель’ от *аах* ‘читать’, *көрөөччү* ‘зритель’ от *көр* ‘смотреть’, *өлөөччү* ‘умерший’ от *өл* ‘умирать’, *кэпсээччи* ‘рассказчик’ от *кэпсээ* ‘рассказать’).

3. Имена на *-һыт* от отглагольных имен в языке употребляются как обычные имена, образованные от непроизводных именных основ, тогда как имена производные от имен действия и причастия на *-ыах* приобретают своеобразный эмоционально-стилистический оттенок:

– имена на *-ыхсыт* выражают негативно-презрительное отношение к субъекту действия (*өлүөхсут* ‘умерший’, *өлөрүүөхсут* ‘убийца’, *таннарыхсыт* ‘предатель, изменник’);

– имена, образованные от имен действия, обладают обычно совершаемым оттенком (*хорууһут* ‘канавщик, роящий канавы’, *тардыһыт* ‘сборщик налога, собирающий подати’, *талабырдьыт* ‘грабитель, грабящий’).

4. Сравнимые имена, образованные аффиксами *-һыт* и *-ааччы* типологически являются синонимами, но функционально они не представляют собой абсолютные синонимы. В языке более активно употребляются их первичные образования от *-ааччы* (*тутааччы* ‘строитель’, *көөнньөрөөччү* ‘заквасчик’, *өлөөччү* ‘умерший’, *суруйааччы* ‘пишущий, писатель’, *суоччут* ‘счетчик’), а вторичные образования от *-һыт* имеют узко специфическое и модально-стилистическое, эмоционально-экспрессивное употребления как их языковые или стилистические синонимы (*тутууһут* ‘строитель’, *көөнньөрбөһүт* ‘заквасчик’, *өлүөхсут* ‘умерший’, *суруксут* ‘писарь’; *суоттааччы* ‘считающий’).

5. По происхождению аффикс *-чы/-һыт* теоретически представляет древний сложный аффикс, который состоит из глаголообразующего и причастного компонентов, что выводится из современного аналогичного образования: *-аа/-лаа* + *-ааччы* с подобным значением. Аффикс *-ааччы* представляет собой причастие с видо-модальным значением обычно-совершившегося действия, которое состоит из двух компонентов: первый имеет видовременное, второй имямодальное значения.

Литература

1. Бётлингк, О. Н. О языке якутов / О. Н. Бётлингк. – Новосибирск : Наука, 1989. – 644 с.
2. Хитров, Д. И. Краткая грамматика якутского языка / Д. И. Хитров. – Москва, 1858.
3. Поппе, Н. Н. Учебная грамматика якутского языка / Н. Н. Поппе. – Москва, 1926. – 67 с.
4. Харитонов, Л. Н. Современный якутский язык : Фонетика и морфология / Л. Н. Харитонов. – Якутск, 1947. – 313 с.
5. Убрятова, Е. И. Язык норильских долган / Е. И. Убрятова. – Новосибирск, 1985. – 216 с.
6. Коркина, Е. И. Наклонения глагола в якутском языке / Е. И. Коркина. – Москва : Наука, 1970. – 307 с.
7. Грамматика современного якутского литературного языка : Фонетика и морфология. – Москва : Наука, 1982. – 504 с.
8. Быганова, В. И. Якутская терминология : Этапы становления / В. И. Быганова : Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Якутск, 1953. – 21 с.
9. Оконешников, Е. И. Лексико-семантическое терминообразование в языке саха / Е. И. Оконешников // Современные языковые процессы в Республике Саха (Якутия). – Новосибирск, 2003. – С. 135-171.
10. Петров, Н. Е. Очерк развития якутского литературного языка в советскую эпоху / Н. Е. Петров, П. А. Слепцов, П. П. Барашков. – Якутск : Якуткнигоиздат, 1971. – 143 с.
11. Убрятова, Е. И. О соответствии некоторых глагольных форм якутского языка в древнеуйгурском / Е. И. Убрятова // Избранные труды : Исследования по тюркским языкам. – Новосибирск. – 2011. – С. 68-76.

References

1. Byotlingk, O. N. O yazyke yakutov / O. N. Byotlingk. – Novosibirsk : Nauka, 1989. – 644 s.
2. Hitrov, D. I. Kratkaya grammatika yakutskogo yazyka / D. I. Hitrov. – Moskva, 1858.
3. Poppe, N. N. Uchebnaya grammatika yakutskogo yazyka / N. N. Poppe. – Moskva, 1926. – 67 s.
4. Haritonov, L. N. Sovremennyy yakutskij yazyk : Fonetika i morfologiya / L. N. Haritonov. – YAkutsk, 1947. – 313 s.
5. Ubryatova, E. I. YAyk noril'skih dolgan / E. I. Ubryatova. – Novosibirsk, 1985. – 216 s.

6. Korkina, E. I. Nakloneniya glagola v yakutskom yazyke / E. I. Korkina. – Moskva : Nauka, 1970. – 307 s.
7. Grammatika sovremennoy yakutskogo literaturnogo yazyka : Fonetika i morfologiya. – Moskva : Nauka, 1982. – 504 s.
8. Byganova, V. I. YAkutskaya terminologiya : Etapy stanovleniya / V. I. Byganova : Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoy stepeni kandidata filologicheskikh nauk. – YAkutsk, 1953. – 21 s.
9. Okoneshnikov, E. I. Leksiko-semanticheskoe terminoobrazovanie v yazyke saha / E. I. Okoneshnikov // Sovremennyye yazykovyye processy v Respublike Saha (YAkutiya). – Novosibirsk, 2003. – S. 135-171.
10. Petrov, N. E. Ocherk razvitiya yakutskogo literaturnogo yazyka v sovetskuyu epokhu / N. E. Petrov, P. A. Slepcev, P. P. Barashkov. – YAkutsk : YAkutknigoizdat, 1971. – 143 s.
11. Ubryatova, E. I. O sootvetstvii nekotorykh glagol'nykh form yakutskogo yazyka v drevneuygurskom / E. I. Ubryatova // Izbrannyye trudy : Issledovaniya po tyurkskim yazykam. – Novosibirsk. – 2011. – S. 68-76.

Д. И. Чиркочева

О сложных словах с аффиксом принадлежности в якутском языке

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия
E-mail: dchirkoeva@mail.ru

Аннотация. Данное исследование обращено к проблеме образования сложных слов в якутском языке. Это связано с тем, что словосложение считается одним из основных и распространенных способов образования сложных слов в тюркских языках. В целом в тюркологии имеется достаточно обширная литература по вопросам словосложения, однако хочется отметить, что, несмотря на наличие ряда работ, посвященных сложным словам, некоторые вопросы, связанные с ними, остаются еще окончательно нерешенными. Целью данного исследования является изучение аффиксального способа образования сложных слов, а именно изучение использования аффикса принадлежности третьего лица как словообразовательного элемента, где аффикс принадлежности присоединяется ко второму компоненту сложного слова. В исследовании применены метод системного подхода и обобщения опыта изучения сложных слов в тюркологии и якутском языке, а также путем анализа, систематизации и формализации выявлены сложные слова с аффиксом принадлежности, а также выделены опорные слова, от которых образованы ряд сложных слов, тематика и область которых приведены в описании исследования. Из этого можно сделать вывод о том, что в якутском языке аффикс принадлежности является одним из основных способов образования сложных слов, что дало особый толчок в терминологии якутского языка. Новизна статьи состоит в том, что путем обзора и анализа сложных слов с аффиксом принадлежности установлены особые критерии к разграничению сложных слов и свободных словосочетаний.

Ключевые слова: категория принадлежности, аффиксы принадлежности, якутский язык, тюркские языки, лексическая единица, словообразование.

D. I. Chirkoeva

About compound words with the affix of belonging in the Yakut language

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia
E-mail: dchirkoeva@mail.ru

Abstract. This paper is addressed to the complex words forms in Yakut language. For compounding words is considered as the most popular way of words composition in Turkic languages. Despite the fact that Turkic Studies has quite extensive literature on word composition, some of the aspects remain unelaborated. Thus, the research goal is to study compound words composed with an affix; in particular, the use of the possessive affix in the second part of a compound word. In this research, we used the system approach and experience generalization of the Turkic and Yakut compound words study. As a result of that analysis,

ЧИРКОЕВА Дария Ивановна – к. филол. н., доцент, зав. кафедрой якутского языка, Институт языков и культуры народов Северо-Востока РФ, Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова,

E-mail: dchirkoeva@mail.ru

CHIRKOEVA Daria Ivanovna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of the Yakut Language, Institute of Languages and Culture of the Peoples of the Northeast of Russia, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University

systematization and formalization, a variety of compound words with the possessive affix were identified. Moreover, we came across the key words, which compound words are actually originated from. Thus, the possessive affix is one of the main ways of forming complex words, which contributed to the Yakut language terminology. The novelty of the article is about using review and analysis for compound words with the affix-imposed possession has formed special criteria for distinguishing compound words and free phrases.

Keywords: category of possessiveness, affixes of possessiveness, Yakut language, Turkic languages, lexical unit, word-formation.

Введение

Сложное слово в тюркских языках имеет общее определение, которое приведено в монографической работе по тюркологии: сложным словом мы называем лексическую единицу, состоящую из двух, редко трех устойчиво сочетававшихся слов, обозначающую одно определенное понятие, объединенную одним главным ударением и имеющую одно общее окончание [1]. Как видно, в сложном слове особое значение имеют слова-компоненты, о роли которых в свое время указал Ф. А. Ганиев: при характеристике татарского словосложения необходимо учитывать: 1) взаимоотношение компонентов; 2) лексико-грамматический характер компонентов; 3) семантику компонентов; 4) язык – источник компонентов [2].

В данном исследовании мы остановимся на роли, форме выражения и функции компонентов сложного слова в якутском языке. Сложные слова в якутском языке употребляются широко, однако специальных исследований в якутском языкознании по этой теме пока не было, имеются некоторые сведения и определения этих лексических единиц. Этому вопросу отчасти коснулся Л. Н. Харитонов [3]. Е. И. Убрятова дает общую характеристику сложных слов без конкретизации их образования [4]. Более подробные сведения о сложных словах имеются в работе П. С. Афанасьева [5]. Сложные слова были представлены также в грамматике современного якутского языка [6, с. 116-117, 121-122].

Сложные слова в якутском языке, также как в других тюркских языках, состоят из сочетания слов, образующих неделимое смысловое единство, выражающее одно понятие, одну лексическую единицу.

В грамматике якутского языка определено, что подобные сочетания обычно состоят из двух слов, которые или оба могут представлять собою полнозначные существительные, или одно из них может нести лишь служебную функцию, дополняя значение другого [6]. И далее авторами выделены 2 группы сложных слов (составных):

а) образованные путем соположения компонентов, т. е. так называемые морфологически неоформленные сочетания; б) образованные посредством соединительного показателя в виде аффикса принадлежности 3-го л. ед. ч., т. е. так называемые сочетания в форме принадлежности [6, с. 116].

В данном исследовании рассматриваются вопросы, связанные со сложными словами второй группы именного словосложения. Этот характерный для тюркских языков способ образования сложных слов имеет широкое употребление в различных сферах якутского языка.

Ф. А. Ганиев отмечает, что сложные слова подразделяются на сложения с сочинительным отношением компонентов и сложения с подчинительным отношением компонентов. В свою очередь сложение с подчинительным отношением компонентов автор делит на 2 подтипа: а) сложение с атрибутивным отношением компонентов; б) сложение с комплетивным отношением компонентов [2, с. 17-21]. Также можно привести определение сложных слов в современном карачаево-балкарском языке, где автор Ж. Жабелова с точки зрения семантической характеристики выделяет 3 типа сложных слов: 1) сложные слова,

характеризующиеся ясной семантической мотивированностью, т. е. значение сложных слов как бы представляет собой сумму значений составляющих его компонентов; 2) частично мотивированные сложные слова, в значении одного из компонентов которых, чаще всего первого, или же всего сочетания, произошел метафорический перенос значения; 3) сложные слова, семантически немотивированные, образованные в результате метонимического переноса значения с части на целое [7, с. 14].

Мы рассмотрим группу сложных слов, в которых второй компонент оформлен аффиксом принадлежности 3-го лица и в данном случае аффикс переходит в словообразующий элемент. Это в свое время отметил А. М. Щербак: особое положение аффикса принадлежности 3-го лица проявляется в том, что, будучи словоизменительным элементом и нередко оставаясь в роли своеобразного артикля, он относительно легко переносится в сферу словообразования [8, с. 80].

Сложные слова якутского языка с вторым компонентом, оформленным аффиксом принадлежности 3-го лица

Итак, аффикс принадлежности 3-го лица в якутском языке имеет 2 формы: 1) *-а* с вариантами *-э, -о, -ө* после основ в конце гласными звуками; 2) *-та* с вариантами *-тэ, -то, -тө* после основ в конце слова с согласными звуками. И главным условием образования сложного слова является то, что аффикс принадлежности присоединяется ко второму компоненту сложного слова: сир симэбэ/сир симэх+э незабудка (букв. пер.: украшение земли), сылгы чыычааба/сылгы чыычаах+а (букв. пер.: птичка лошади). При этом второй компонент, оформленный аффиксом принадлежности 3-го лица в большинстве случаев подвергается фонетическим изменениям, которые не выходят за рамки изменений звуков *сылгы чыычаах+а>сылгы чыычааба* 'трясогузка', *күөл ас+а>күөл аһа* 'сусак', *чыычаах кыырт+а>чыычаах кыырда* 'ястреб-перепелятник', *мас* и т. п.

Аффикс принадлежности 3-го лица выступает в роли словообразовательной формы и тем самым становится элементом сложного слова, без которого сложное слово утрачивает самостоятельность и единство значения, так как в приведенных примерах без аффикса принадлежности слова сир симэх, сылгы чыычаах перестают быть сложными словами. Отсутствие аффикса принадлежности приводит к разрушению сложного слова.

В состав сложного слова входят два компонента, в основном выраженные именами существительными, однако иногда встречаются сложные слова, состоящие из трех, а иногда и более слов.

При анализе сложных слов, классификации их типов в первую очередь нужно исследовать отношения компонентов, их структуру, которая формируется отношением компонентов, ибо важную роль в классификации типов сложных слов играет именно отношение компонентов. При лексико-грамматической классификации можно установить структуру сложной единицы, выяснить, к каким частям речи относятся ее компоненты. Как было отмечено выше, сложные слова в основном выражены именами существительными, при этом самое главное: слова могут слиться в одно целое, обладающее единым значением. Образование сложных слов с аффиксом принадлежности происходит путем словосложения, перехода словосочетаний и калькирования при их одновременной аффиксации. Одна из особенностей сложных слов состоит в том, что в языке они выполняют номинативную функцию и служат для обозначения различных предметов, явлений, понятий окружающей среды, тем самым становятся словами-терминами в различных сферах. К примеру, сложное слово *таас андыта/таас анды+та* 'турпан горбоносый' (букв. турпан камня) употребляется в языке как вид птицы и в терминологии как биологический термин.

При этом если обратить внимание на первый компонент в составе сложного слова, в роли которых обычно выступают имена существительные, можно отдельно выделить определенное количество слов, от которых образованы ряд сложных слов и которые нашли свое применение в терминологии: *таас* 'камень', *тангара* 'бог', *эһэ* 'медведь', *ынах* 'корова', *күөл* 'озеро', *уу* 'вода', *хонуу* 'луг', *чыгычаах* 'птичка', *мас* 'дерево', *абааһы* 'злой дух' и т. п.

Таас 'камень': *таас* анды+*та* 'турпан горбоносый', *таас* күөрэгэй+э 'конек горный', *таас* лоокуут+а 'улит пепельный', *таас* мороду+*та* 'каменушка', *таас* от+о 'цитовник пахучий, каменный зверобой', *таас* өтөн+ө 'голубь скалистый', *таас* унуоҕ+а 'тазовая кость', *таас* хабды+*та* 'куропатка тундряная' и т. п.;

хонуу 'луг': *хонуу* барааҕ+а 'ржанка бурокрылая', *хонуу* боруу+*та* 'хвощ луговой', *хонуу* бочугураһ+а 'перепел', *хонуу* куруппааскы+*та* 'перепел', *хонуу* барабыа+йа 'воробей полевой', *хонуу* хабды+*та* 'полевая куро-патка', *хонуу* чыгычааҕ+а 'чекан чернохвостный', *хонуу* лууг+а 'черемша', *хонуу* эрбэһи+э 'диал. полынь', *хонуу* кириэн+э 'диал. ыт тыл+а', *хонуу* убаарыскай+а 'диал. матник узколистный' и т. п.;

мас 'дерево': *мас* күөрэгэй+э 'конек лесной', *мас* сыа+*та* 'заболонь', *мас* туруйа+*та* 'серая цапля', *мас* үрүмэччи+тэ 'крапивница', *мас* хараначчы+*та* 'стриж иглохвостый', *мас* хомурдуоһ+а 'жук-дровосек', *мас* ууһ+а 'мастер по дереву', *мас* үөн+э 'короед', *мас* суба+*та* 'луб', *мас* үөһ+э 'сердцевина дерева', *мас* куба+*та* диал. 'лебедь-кликун', *мас* кымырдаҕаһ+а 'муравей древесный' и т. п.;

сир 'местность, земля': *сир* аһ+а 'дикорастущие ягоды', *сир* былахы+*та* 'земляная блоха', *сир* кулгааҕ+а 'лесное растение из лишайниковых', *сир* ньуур+а 'рельеф', *сир* аргыһа 'спутник', *сир* ыт+а 'енотовидная собака', *сир* эһэ+тэ 'крот сибирский или алтайский', *сир* чизэбэ+тэ 'земляной червь', *сир* хараҕ+а 'букв. глаза земли', *сир* симэҕ+э 'незабудка', *сир* кырса+а 'дерн', *сир* ат+а 'лошак', *сир* хаҕ+а 'земная кора' и т. п.;

тангара 'бог': *тангара* дыиэ+тэ 'церковь', *тангара* кийи+тэ 'бот. живокость', *тангара* таба+*та* 'дикий северный олень', *тангара* үрүмэччи+тэ 'махаон', *тангара* үөрэҕ+э 'богословие', *тангара* күлүг+э 'икона', *тангара* төрүүр от+о 'диал. живокость губоцветная', *тангара* ынаҕ+а 'диал. хомурдуос, вид жука', *тангара* уол+а, ыт+а 'диал. волк' и т. п.;

эһэ 'медведь': *эһэ* табаҕ+а 'дождевик', *эһэ* тайаҕ+а 'борщевик рассеченно-листный', *эһэ* хамса+*та* 'дождевик шиповатый', *эһэ* чыгычааҕ+а 'сине-хвостка', *эһэ* отоно 'диал. арктоус красноплодный', *эһэ* маһ+а 'западня на медведя', *эһэ* отон+о 'несъедобная ягода' и т. п.;

ынах 'корова': *ынах* барааҕ+а 'ржанка хрусталь', *ынах* кут+а 'божья коровка', *ынах* тыл+а 'пиявка', *ынах* чыгычааҕ+а 'овсянка', *ынах* эмиий+э 'костяника', *ынах* тэллэй+э 'масленок', *ынах* баттаҕ+а 'осока стоповидная', *ынах* баттыкы+*та* 'диал. чирок-сви-тунок', *ынах* буут+а 'одно из созвездий, стоящих из пяти звезд' и т. п.;

күөл 'озеро': *күөл* хараҕ+а 'омут', *күөл* улун+а 'крохаль большой', *күөл* аһ+а 'сусак, белокрыльник', *күөл* куоҕаһ+а 'диал. гагара чернозобая', *күөл* анды+*та* 'горбоносый турпан' и т. п.;

уу 'вода': *уу* күтэр+э 'нутрия', *уу* күүдээҕ+э 'кутора обыкновенная', *уу* оҕуһ+а 'выпь большая', *уу* сардана+*та* 'кувшинка', *уу* чырыб+а 'плавунчик плосконосый', *уу* кутуйаҕ+а 'диал. водяная крыса', *уу* оҕуһ+а 'мамонт', *уу* ытыг+а 'диал. водоворот', *уу* кымныы+*та* 'диал. очень тощие караси', *уу* тыы+на 'бриз', *уу* ойуун+а 'перевозчик', *уу* ообуй+а, *уу* чоокура+*та* 'диал. бекмания восточная' и т. п.;

чыгычаах 'птица': *чыгычаах* кыырда+а 'ястреб-перепелятник', *чыгычаах* от+о 'горец птичий', *чыгычаах* уйа+*та* 'овсяница', *чыгычаах* өлөн+ө 'канареечник, двукисточник тростниковидный', *чыгычаах* ый+а 'апрель' и т. п.;

абааһы ‘злой дух’: абааһы лыаҕ+а ‘брожник сумеречница’, абааһы тайаҕ+а ‘дягиль’, абааһы илимэ ‘дикий хмель’, абааһы талаҕ+а ‘бузина красноплодная’, абааһы чыычааҕ+а ‘вертишейка’, абааһы урүмэччи+тэ ‘летучая мышь’, абааһы бырдаҕ+а ‘долгоножка’, абааһы отон+о ‘ягода, похожая на клюкву’ и т. п.

Анализ сложных слов данного типа убеждает, что таким способом в основном образованы сложные слова, обозначающие названия растений, птиц и животных, при этом первые распространены более широко. Приведенные примеры свидетельствуют о том, что семантика компонентов многих сложных слов носит метафорический характер, и потому в настоящее время невозможно установить естественные отношения между компонентами. Ф. А. Ганиев указывает на два фактора возникновения сложных имен данного типа: 1) они могли появиться в глубокой древности, в эпоху тотемизма, когда какое-либо растение соотносилось с определенным зверем; 2) возможно, отдельные названия имеют какую-либо связь с реалиями, которые они обозначают [2, с. 22].

Особенностью сложных слов данной группы является то, что компоненты полностью теряют свое лексическое значение, образуя грамматико-семантическое единство.

Далее рассмотрим случаи со вторым компонентом с аффиксом принадлежности, когда одно слово также может образовывать ряд сложных слов:

уус ‘мастер’: мас ууһ+а ‘мастер по дереву, деревщик’, тимир ууһ+а, ‘мастер по железу, кузнец’, көмүс ууһ+а ‘мастер по золоту, ювелир’, алтан уу+һа ‘медник’ и т. п.;

оҕо ‘ребенок, дитя’: кыыл оҕо+то ‘детеныш зверя, звереныш’, тыа оҕо+то ‘ребенок села, сельский ребенок’, оскуола оҕото ‘ученик, школьник’, ыал оҕото ‘соседский ребенок’ и т. п.;

сир ‘местность, земля’: тыа сир+э ‘сельская местность, село’, куорат сир+э, ‘городская местность, город’, хоту сир+э ‘северная местность, север’, дьиэ сир+э ‘место для дома’ и т. п.;

чыычаах ‘птица’: таас чыычааҕ+а ‘чекан-попутчик’, хонуу чыычааҕ+а ‘чекан черныхвостный’, сыыр чыычааҕ+а ‘рогатка’, хаар чыычааҕ+а ‘жаворонок снежный’, сылгы чыычааҕ+а ‘трясогузка белая’ и т. п.;

уу ‘вода’: күөл уу+та ‘озерная вода’, муус уу+та ‘вода из льда’, хаар уу+та ‘вода из снега’, чэй уута ‘вода чая’ и т. п.;

тирии ‘шкура’: эһэ тирии+тэ ‘шкура медведя, медведь+его шкура’, бөрө тирии+тэ ‘шкура волка, волк+его шкура’, тиин тирии+тэ ‘шкура белки, белка+шкура ее’ и т. п.;

эт ‘мясо’: сылгы эт+э ‘мясо коня, конь+его мясо, ынах эт+э ‘говядина’, сибиинньэ эт+э ‘свинина’ и т. п.;

ис ‘внутренность’: ынах иһ+э ‘внутренность коровы, корова+ее внутренность, потроха’, сылгы иһ+э ‘внутренность коня, конь+его внутренность, потроха’.

Эту группу составляют сложные слова, где компоненты не теряют полностью свою лексико-грамматическую самостоятельность, но ввиду того, что представляют одно неразделимое понятие, употребляются как сложные слова.

Сложные слова, оформленные аффиксом принадлежности, в зависимости от семантики компонентов подразделяются на ряд групп: 1) сложные слова, один из компонентов которых полностью утратил свою лексико-грамматическую самостоятельность; 2) сложные слова с архаичными компонентами; 3) сложные слова с переосмысленным одним компонентом; 4) сложные слова, оба компонента которых полностью утратили свою лексико-грамматическую самостоятельность.

В связи с этим определением нам хотелось бы обратить внимание на то, что сложные слова в тюркских языках внешне сходны со свободными синтаксическими сочетаниями,

имеющими каждое свое значение в отдельности. Однако многие языковеды, исследующие данную проблему, выявляют отличия сложных слов от свободных синтаксических единиц. Так, Ф. А. Ганиев указывает, что единство сложного слова образуется следующими способами:

- 1) единым и целостным значением (семантикой);
- 2) наличием единого ударения (за исключением парных слов) и отсутствием паузы между компонентами сложного слова (фонетико-просодическими средствами);
- 3) непроницаемостью, т. е. невозможностью разделить компоненты сложного слова третьим, имеющим самостоятельное значение словом (синтаксической особенностью) [2, с. 33].

Заключение

Итак, в якутском языке сложные слова, образованные аффиксом принадлежности 3-го лица, имеют следующие главные отличия от обычных сочетаний с аффиксом принадлежности:

- 1) между компонентами обычного словосочетания существует живая синтаксическая связь, т. е. один из компонентов выступает по отношению к другому определенным. В отличие от обычной синтаксической конструкции между компонентами сложного слова такая связь отсутствует, так как составляющие компоненты сложного слова обозначают одно лексическое понятие. А между компонентами синтаксической конструкции может вставляться другое слово, при этом цельность сочетания не нарушается [9, с. 181];
- 2) в отличие от обычного сочетания, каждый компонент которого имеет способность к распространению, сложное слово вступает в связь с другим словом только целиком и в сложном слове невозможно опустить какой-либо компонент, ибо его значение становится непонятным. В обычном же словосочетании по мере необходимости можно пропустить первый член сочетания, при котором значение не меняется, может только значительно ослабеть;
- 3) компоненты сложного слова неотделимы и произносятся в основном без заметной паузы, компоненты подчиняются одному главному ударению, являющемуся важным признаком монолитности сложного слова, а каждый компонент обычного сочетания сохраняет свое словесное ударение, отделяясь паузой друг от друга;
- 4) обычное словосочетание при определенных условиях может перейти в сложное слово, тогда как сложные слова не переходят в словосочетание, т. к. сложные слова являются готовыми элементами акта общения, это устойчивые единицы языка. А обычные сочетания как единицы речи возникают в процессе говорения.

Аффикс принадлежности 3-го лица, присоединяясь к основам имен существительных, выступает в качестве словообразующего элемента. При этом между компонентами сложного слова с аффиксом принадлежности не преобладают отношения принадлежности, а в обычных словосочетаниях аффикс принадлежности выражает отношение одного предмета к другому или его составную часть.

Литература

1. Структура и история тюркских языков. – Москва : Наука, 1977. – 312 с.
2. Ганиев, Ф. А. Образование сложных слов в татарском языке / Ф. А. Ганиев. – Москва : Наука, 1982. – 149 с.
3. Харитонов, Л. Н. Современный якутский язык : Фонетика и морфология / Л. Н. Харитонов. – Якутск : Государственное издательство ЯАССР, 1947. – 304 с.
4. Убрятова, Е. И. Очерк истории якутского языка / Е. И. Убрятова. – Якутск : Государственное издательство ЯАССР, 1945. – 40 с.

5. Афанасьев, П. С. Типы составных слов в якутском языке / П. С. Афанасьев // Якутский язык : лексикология и лексикография. – Якутск, 1989.
6. Грамматика современного якутского литературного языка. – Москва : Наука, 1982. – 496 с.
7. Жабелова, Ж. Сложные имена существительные в карачаево-балкарском языке / Ж. Жабелова. – Нальчик : Эльбрус, 1986. – 112 с.
8. Щербак, А. М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков : Имя / А. М. Щербак. – Ленинград : Наука, 1977. – 180 с.
9. Чиркочева, Д. И. Категория принадлежности в якутском языке / Д. И. Чиркочева. – Якутск : Издательский дом СВФУ, 2013. – 216 с.

References

1. Struktura i istoriya tyurkskih yazykov. – Moskva : Nauka, 1977. – 312 s.
2. Ganiev, F. A. Obrazovanie slozhnyh slov v tatarskom yazyke / F. A. Ganiev. – Moskva : Nauka, 1982. – 149 s.
3. Haritonov, L. N. Sovremennyy yakutskiy yazyk : Fonetika i morfologiya / L. N. Haritonov. – YAkutsk : Gosudarstvennoe izdatel'stvo YAASSR, 1947. – 304 s.
4. Ubryatova, E. I. Ocherk istorii yakutskogo yazyka / E. I. Ubryatova. – YAkutsk: Gosudarstvennoe izdatel'stvo YAASSR, 1945. – 40 s.
5. Afanas'ev, P. S. Tipy sostavnyh slov v yakutskom yazyke / P. S. Afanas'ev // YAkutskiy yazyk : leksikologiya i leksikografiya. – YAkutsk, 1989.
6. Grammatika sovremennogo yakutskogo literaturnogo yazyka. – Moskva : Nauka, 1982. – 496 s.
7. ZHabelova, ZH. Slozhnye imena sushchestvitel'nye v karachaevo-balkarskom yazyke / ZH. ZHabelova. – Nal'chik : El'brus, 1986. – 112 s.
8. SHCHerbak, A. M. Ocherki po sravnitel'noj morfologii tyurkskih yazykov : Imya / A. M. SHCHerbak. – Leningrad : Nauka, 1977. – 180 s.
9. CHirkocheva, D. I. Kategoriya prinadlezhnosti v yakutskom yazyke / D. I. CHirkocheva. – YAkutsk : Izdatel'skij dom SVFU, 2013. – 216 s.

Л. Е. Манчурина

Языковые средства романа В. С. Яковлева-Далан «Тыгын Дархан», определяющие его стиль

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия
E-mail: manchurinale@mail.ru

Аннотация. Роман народного писателя Якутии В. С. Яковлева-Далана «Тыгын Дархан» является одним из выдающихся произведений якутской литературы, находящихся на вершине её развития. Описываемая в нём историческая эпоха, эпическая масштабность, нравственно-философские ценности, патриотический дух произведения вызывают неподдельный интерес к нему как со стороны читателей, так и со стороны исследователей. Актуальность выбранной темы определяется также необходимостью исследования языка и стиля писателя как малоизученной проблемы в якутском языковедении и литературоведении. В статье ставится цель проанализировать языковые средства, используемые в романе «Тыгын Дархан» для определения его стилистического своеобразия и индивидуально-авторского мастерства. Исследование проводится на стыке лингвостилистики и литературоведческой стилистики. Изучение совокупности средств художественной выразительности романа проводится по уровням языка: лексики, морфологии, синтаксиса. В стилистическом анализе также учитываются литературоведческие уровни, включающие события, характеры, пейзажи, картины художественного мира, идеи и замыслы произведения. Исходя из особенностей стилистического анализа текста художественного произведения в качестве методов исследования выбраны описательный метод, метод стилистического анализа текста, сплошная выборка, стилистическое наблюдение, стилистический эксперимент подбора лексических, грамматических синонимов и вариантов, синтеза. В результате исследования выявлено, что основным выразителем стиля романа «Тыгын Дархан» является повторение ритмико-синтаксических конструкций, характерного для якутской фольклорной стихотворной речи. При этом наблюдается не простое калькирование фольклорных формульных слов, а их творческое переосмысление автором в тексте романа. Торжественный слог произведения передается также с помощью лексики высокого стиля, поэтизмов, фольклоризмов, мифологизмов, историзмов, религиозной лексики, слов-реалий и различных морфологических средств. Главная функция выявленных языковых средств — это сообщение тексту романа высокой, торжественной окраски. Также они выполняют функцию раскрытия художественных образов, выражают восторженно-почтительное отношение к предводителю народа саха — Тыгуну и преклонение, даже страх, перед великим могуществом природных сил, являются также средством поэтизации речи, несут характерологическую функцию, связанную сообщать тексту романа исторический колорит времён предводителя Тыгуна.

Ключевые слова: В. С. Яковлев-Далан, якутский роман, якутский язык, стилистика текста, якутский фольклор, высокий стиль, поэтизмы, мифологизмы, архаизмы, слова-реалии, ритмико-синтаксический параллелизм, предложения-обращения, эпитеты, фразеологизмы, пословицы.

МАНЧУРИНА Лидия Егоровна – к. филол. н., доцент кафедры стилистики якутского языка и русско-якутского перевода, Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова.

E-mail: manchurinale@mail.ru

MANCHURINA Lidiya Egorovna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Yakut Stylistics and Russian-Yakut Translation Department, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

L. E. Manchurina

Linguistic means of Vasily Yakovlev-Dalan's novel «Tygyn Darkhan» defining his style

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia
E-mail: manchurinale@mail.ru

Abstract. The novel of the people's writer of Yakutia Vasily Semyonovich Yakovlev-Dalan «Tygyn Darkhan» is one of the outstanding works of Yakut literature, which are at the peak of its development. The historical epoch described in it, the epic scale, moral and philosophic values, the patriotic spirit of the work arouses genuine interest in it both from readers and researchers. The relevance of the chosen topic is also determined by the need to study the language and style of the writer, as a little-studied problem in Yakut linguistics and literary studies. The article aims to analyze the linguistic means used in the novel «Tygyn Darkhan» to determine its stylistic originality and individual authorship. The research is carried out at the junction of linguistics and literary stylistics. The study of the totality of the means of artistic expression of the novel is carried out at the levels of language: vocabulary, morphology, syntax. The stylistic analysis also takes into account literary levels, including events, characters, landscapes, paintings of the artistic world, ideas and ideas of the work. Based on the peculiarities of the stylistic analysis of the text of a work of art, the descriptive method, the method of stylistic analysis of the text, continuous sampling, stylistic observation, stylistic experiment of the selection of lexical, grammatical synonyms and variants, synthesis were chosen as research methods. As a result of the study, it was revealed that the main expression of the style of the novel «Tygyn Darkhan» is the repetition of rhythmic and syntactic constructions characteristic of the Yakut folklore poetic speech. At the same time, there is not a simple calculus of folklore formula words, but their creative reinterpretation by the author in the text of the novel. The solemn syllable of the work is also conveyed with the help of high-style vocabulary, poetics, folklorisms, mythologems, historicisms, religious vocabulary, words-realities and various morphological means. The main function of the identified language means is a message to the text of the novel of a high, solemn coloring. They also perform the function of revealing artistic images, express an enthusiastic and respectful attitude to the leader of the Sakha people – Tygyn, and worship, even fear of the great power of natural forces, are also a means of poetizing speech, carry a characterological function associated with informing the text of the novel of the historical flavor of the times of the leader Tygyn.

Keywords: Vasily Yakovlev-Dalan, Yakut novel, Yakut language, stylistics of the text, Yakut folklore, high style, poeticism, mythologists, archaisms, words-realities, rhythmic-syntactic parallelism, sentences-addresses, epithets, phraseological units, proverbs.

Введение

В. С. Яковлев-Далан – самобытный и разностилевой якутский писатель, который считается основоположником жанра исторического романа в якутской литературе (Д. Е. Васильева, А. Н. Мыреева, А. А. Бурцев). С самого первого выхода его исторических произведений он начал привлекать внимание исследователей и сейчас имеется немало работ, посвященных его самому знаменитому роману «Тыгын Дархан». Роман лауреата Государственной премии имени П. А. Ойунского в области литературы В. С. Яковлева-Далана «Тыгын Дархан» получился воистину масштабным эпическим повествованием, по подсчету литературоведа Д. Е. Васильевой, насчитывающим свыше тридцати главных героев и около ста второстепенных персонажей [1, с. 126].

Исследователь жизни и творчества Далана Д. Е. Васильева в своих нескольких работах подробно пишет об истории создания романа, scrupulously раскрывает автора как основоположника исторического романа в якутской литературе, проводит исследование картины национального мира и самобытные национальные характеры, заложенные в романе, также делает заметки о развитии мастерства писателя [1–3] конце своего исследования, основанного на биографическом методе. Д. Е. Васильева делает бесспорное заключение, что

«Роман Далана – поистине выдающееся произведение не только якутской литературы. Его можно поставить рядом с такими замечательными произведениями, как «Весенняя пора» Амма Аччыгыя, «Бьётся сердце» Софрона Данилова, занявшими свое достойное место в многонациональной российской литературе» [3, с. 70].

Другой якутский литературовед А. Н. Мыреева в своей монографии «Человек и природа в современной якутской прозе» исследует роман «Тыгын Дархан» с позиции экологической проблемы современной литературы [4]. Она пишет, что «естественный ритм жизни природы определяет логику художественного повествования, многопланово показана культура взаимоотношений северного народа с природным миром» [5, с. 59]. Литературовед далее выявляет лингвокультурологические особенности романа, выявляющие этносферу национального мира, это концепты олонхо, алаас, ураса, ысыах, осуохай, алгыс. В ее исследованиях рассматривается роль сакрального ландшафта в структуре эпического жанра, делается вывод о том, что «геокультурный образ мира в якутском романе предстаёт как материнское лоно природы, формировавшей менталитет народа саха» [6, с. 62].

С новых методологических позиций в контексте русской и зарубежной литературы исследуется роман в монографическом труде А. А. Бурцева «Художественный мир якутского романа: проблемы типологии и поэтики» [7]. Особое внимание уделено жанровой типологии и поэтике произведения. Из поэтических особенностей романа «Тыгын Дархан» исследователем выделен художественный принцип «местного колорита», характерный «для литературы романтизма» и являющийся одной «из важнейших особенностей исторического романа» [8, с. 95]. А. А. Бурцев устанавливает, «что обращение к местному колориту связано с повышенным интересом к национальному своеобразие, самобытности жизненного уклада, быта, нравов, традиций и обычаев народов Якутии» [8, с. 102].

Эволюция развития поэтических универсалий «границы», «порога», «пути» в историческом романе «Тыгын Дархан» рассматривается исследователем С. Е. Ноевой. Молодой учёный связывает поэтику пространства и времени произведения с основными персонажами и определяет их путь как географическое (Ньырбачан), сакральное (шатанка Тесани, шаман Одуну), духовное (Тыгын Дархан), горизонтальное и вертикальное пространство [9, с. 254].

Заложенные в романе «Тыгын Дархан» духовно-нравственные ценности стали основой для сборника статей учителей Бедеминской школы Мегино-Кангаласского улуса. В книге учителя делятся опытом работы по воспитанию детей, где основной упор делается на художественное произведение [10]. Ими определяется, что нравственно-философские концепции романа имеют большое значение в формировании личности детей, устанавливается сила воздействия художественного слова произведения на психику подрастающего поколения.

Язык и стиль произведения рассматривается в коллективной монографии «Далан: «Родному якутскому народу Язык и стиль произведений», в котором параграфы «Далан сэхэргиир истиил: туохтуур баайын туһаны» ‘Повествовательный стиль Далана: использование глагольных средств’, «Сэхэргиир истиил: сыһыаны көрдөрөр туохтуур» ‘Повествовательный стиль: наклонения глагола’ был написан автором данной статьи [11, с. 39-49]. В книге проделан подробный анализ произведений народного писателя Якутии В. С. Яковлева-Далана по трем блокам: 1) произведения на исторические темы; 2) произведения на современные темы; 3) публицистические произведения. Однако выбранный хрестоматийный принцип анализа произведения, когда классификация тематики, проблемы, характеров, поэтики, языковых средств произведения раскрывается отрывками из самого

романа, словами самого писателя, не даёт возможность отследить за научным мышлением коллектива авторов данной монографии.

В связи с этим в данной статье ставится цель проанализировать языковые средства, используемые в романе «Тыгын Дархан» для определения его стилистического своеобразия и индивидуально-авторского мастерства. Исследование проводится на стыке лингвистистики и литературоведческой стилистики. Изучение совокупности средств художественной выразительности, характерных для рассматриваемого исторического романа и автора, проводится по уровням языка: лексики, морфологии, синтаксиса, так как язык – это сложная знаковая система с несколькими подсистемами, уровнями, или ярусами, которые имеют свою основную единицу, свою специфику, свои категории. Поскольку задачи изучения стилистики произведения охватывают все элементы формы и содержания литературного текста в их единстве, в анализе необходимо учитывать и литературоведческие уровни, включающие события, характеры, пейзажи, картины художественного мира, идеи и замыслы. Следовательно, стилистический анализ данной статьи строится на выявлении содержания и выражающих его языковых средств.

Лингвистические средства романа «Тыгын Дархан»

В 2008 г. вышла монография научного коллектива под руководством профессора СВФУ, основателя частной теории русско-якутского перевода Т. И. Петровой, в которой производится подробный лингвистический анализ исторического романа В. С. Яковлева-Далана «Тыгын Дархан» [11, с. 13-75]. Основываясь на основных выводах этой работы, а также на собственных наблюдениях, приводим следующие лингвистические особенности данного произведения.

Произведение является первым романом в якутской литературе, художественно описывающим темное пятно времен кровавых междоусобных войн и раздоров древней Якутии. Исторические события XVI–XVII веков, пропущенные сквозь призму незаурядной и яркой личности – Тыгына, приобретают глубокий психологизм и трагизм. Написанный на основе древних якутских легенд роман пропитан языком и стилем эпоса-олонхо в лучших традициях якутского эпического произведения. Начало романа – это торжественный гимн величественной картине красивейших мест Якутии: бурливых рек и озер, просторных долин и аласов, буйно цветущих равнин, богатой черной тайги, величественных горных гряд, цепи лесистых сопков, которое по своей поэтической организации очень близко развернутому описанию природы в якутском олонхо. По меткому определению якутского литературоведа А. Н. Мыреевой, в романе прекрасная долина Туймаады, колыбель народа саха, и прилегающие к ней великая река Лена, долины Энсели и Эркени, а также другие сакральные места Якутии – Саргылаах Сайсары, реки Амга, Вилюй, великие озера Тюнгюлю и Кыыс Хана и т. п. приобретают символическое архетипическое значение, создавая поэтическое место природы [6]. Описание природы в романе становится мифопоэтическим локусом, «пронизаны интонацией народного эпоса, сам слог повествования, торжественный и красочный, изобилующий метафорами и сравнениями, повторами и синтаксическими параллелизмами, наполнен поэзией эпического сказания» [6, с. 66]. Как пишет Д. Е. Васильева, «Большое эпическое полотно написано ярким, красочным и сочным языком. В нем умело использованы художественно-изобразительные средства фольклора: меткие эпитеты, яркие сравнения, неожиданные метафоры, параллелизмы, гиперболы и т. д.» [3, с. 70].

В этом историческом романе нашли свое художественное воплощение легендарные имена таких великих шаманов и почтенных старцев племен десяти родов якутского народа, как Малжагар, Немюгю, Тюнгюлю, Нахара, Болугур, Лёгей, Курбусах, Еспёх, Джеппен, Хатас, Баягантай и т. д., которые сохранились в названиях местностей, наслегов и

улусов современной Якутии. Это произведение – дань памяти и почтения к древней истории народа, дань уважения к предводителям древних якутских родов, их блестящему уму и убедительным речам, помогавшим создавать свое племя, а также коварным замыслам и непримиримой вражде, посеявшим раздор между племенами; их жизни полных радости и печали, любви и ненависти, мира и войны. Из *лексического пласта*, передающего такое почтительно-торжественное отношение к предводителям древних якутских родов можно выделить:

– лексику высокого стиля (*аар* [СТБТ, I, 165], *айхаллаа* [ТСЯЯ I, 153]), *добун* ‘великий, священный; непоколебимый (о земле, море, небе)’ [ТСЯЯ, III, 136]):

Онон аар тойон абата мааны кийиит ... досточтимый отец нашей снохи...
аналын ... [ТД 35]. [ТД 31]

Албан ааккытын айхаллаан айах тутар Пусть слава ваша умножится! [ТД, 12]
куммут үүннэ! [ТД, 14];

... сэттэ хаттыгастаах добун манан ... на седьмой слой высокого белого неба
халлаанга олохтоох Чыгырыыр Дьылба к ужасному Джылга-Хану... [ТД, 423];
Хаан тойонго... [ТД 494].

– поэтизмы (*долуо* ‘большой’, *тойон долуо сүрэх* ‘большое, любящее сердце’ [ТСЯЯ III, 162], *ангаат-мунгаат* ‘имеющий необъятную ширь, простор (о долине, аласе)’ [ТСЯЯ I, 495]:

... Аабый Дархан долуо сүрэбэ толугуруу Но нежное, чадолюбивое сердце Аабый
мөхсүбүтэ... [ТД 31] Дархан едва не разорвалось от жалости

... ангаат-мунгаат алаастар ... долгунну- [ТД, 27];
ра, үмүөрүйэ-үөмэхтэнэ турбуттара [ТД, ... на необозримых равнинах, утопаю-
66]. щих в цветах, ходили волны [ТД, 57];

– мифологизмы (*аартык иччитэ* ‘дух большой дороги’ [ТСЯЯ I, 175], *илбис* ‘бог войны; дух кровопролития, войны, раздора’ [ТСЯЯ III, 608]:

Ураанхай Саха ууһаан-тэнийэн олорор По необозримому краю Уранхаев-Саха
киэҥ нэлэмэн дуолларыгар кыһыл буулуур скакал на рыжечалом коне грозный, обуян-
хаан турабас аттаах кытарар илбис ил- ный распрями и раздорами век, посвящен-
гистибиит кырыыстаах кыргыс сахтара ный неистовому духу битв и резни Илбису
бүрүүкээн тураллара [ТД, 41]. [ТД, 35];

– фольклоризмы (*дьансал* ‘веский, внушительный (о речи, словах)’ [ТСЯЯ III, 308], *изэримэ дьэ* ‘родной очаг’ [ТСЯЯ III, 831]):

Дьэ, эн киһи ыар дьансал тылларгын Твое вещее слово так и не дошло до бо-
Бороҕон Дьуотту бастаахтара ылымма- рогонцев [ТД, 239].
тылар [ТД, 278]

... изэримэ дьэ иччитэ Иэрэгэй Бахсыы- Быян... напоминал духа домашнего оча-
ла илэ бэйэтинэн кэлэн иэнигийэн олорору- га – благодушного Иерега Бахсылу [ТД, 48].
гар холуйа көрбүтэ [ТД, 56].

– религиозную лексику (*дьабын* ‘по представлениям древних якутов место пребывания злых духов, загробный мир, куда отправляются души умерших шаманов’ [ТСЯЯ III, 280]):

тыыннаахтыы илэ дьабыныгар көппүт Это Намылга Силик, что живым уле-
Намылба Силик, ... [ТД, 456]. тел в страну Джабын, ... [ТД, 389];

– архаизмы (*аар бабах* ‘сэргэ, к которому привязывали жертвенную скотину’ [ТСЯЯ I, 166]; *домноо* ‘лечить посредством краткого заклинания, обращенного к духам (о знахаре, шамане)’ [ТСЯЯ III 163]:

Одуну ойуун ыалдьан олорор Тыгын Дар- Прохаживаясь вокруг, Одуну осенил
ханы тула өттүттэн домнообута [ТД, больного бубном [ТД, 424].
 496].

С точки зрения выражения высокого стиля эпического сказания наибольший интерес вызывает обращенность произведения к богатому этнографическому материалу, как вещественного воплощения его историзма. В романе скрупулезно описываются зимнее, летнее и осеннее жилища якутов, дымокур от комаров, женская половина – тордох, трудовая деятельность якутов, его пища, одежда, предметы быта, украшения невесты, военная экипировка и военное искусство, вероисповедание, камлания шамана и шаманки, технологияковки хомуса и кылыса (старинного боевого оружия), старинных обрядов и ритуалов, в частности, обрядов переезда невесты в дом мужа, испрошения коров у богини Ынахсыт, ритуал отгона лошадей, погребальный обряд, ритуалы различных игр и состязаний боту-ров и певцов-олонхосутов. Все это в большинстве случаев описывается с использованием архаического пласта лексики, экзотизмов, которые не имеют прямых соответствий в русском языке. Глубокий этнографизм романа неосилен даже современному саха, далекому от своей родной культуры и языка. Поэтому это произведение становится для нового поколения историческим памятником жизни и быта предков, описывающим дорусский период якутского народа, художественным источником его культуры.

Основываясь на классификации переводоведца И. С. Алексеевой, а также опираясь на материале романа, экзотизмы или слова-реалии, «обозначающие реалии быта и общественной жизни» [12, с. 180-182] древнего якутского народа, можно разделить на следующие темы:

– географические реалии:

1) термины физической географии (*алаас* ‘алас – типичная для Якутии обширная, часто безлесная плоскодонная котловина’, *тукулаан* ‘тукуланы – песчаные дюны, расположенные в Якутии, в бассейне реки Лена’);

2) эндемика (*сардаана* ‘лилия пенсильванская – издревле почитаемый цветок якутским народом’);

– этнографические реалии:

1) одежда и обувь (*шуба-тагалай, начельник-бастынга, илин-кэлин кэбисэр, кыбака симэгэ, торбаса-сары* – украшения невесты; *чепрак, кычим* – конское убранство; *серебряный начельник, увешанный колокольцами бубен-дюнгор, колотушка-былаях с медными насечками* – одежда шаманки);

2) строения и предметы быта (*тюсюльгэ* – пиршественное место, *могол-ураса, главное ложе-налыгыр, лавка-джобжур, хотон* – коровник, *саилык* – летник, *трехногий стол-сандалы, чорон* – деревянный сосуд для кумыса, *кэриэн ымыа* – деревянные ушаты, *ыагас* – расшитый конским волосом берестяное ведро);

3) национальные виды деятельности и названия деятелей (*олонхосут* – исполнитель олонхо, *мунха* – праздник неводьбы, традиционная охота, скотоводство);

4) обычаи, ритуалы, игры (*ысыах* – летнее празднество, *хапсагай* – национальная борьба, *осуохай* – хороводное песнопение, *кюён былджасы* ‘борьба за главенство’, *джол былджасы* ‘борьба за счастье’, *хонньёсор кэсии* ‘дары на первую брачную ночь’ – свадебные обряды, *чечир* – изгородь из молодых березок, *тюсюльгэ* – территория для проведения обрядов, *священный ковиш-тёрэх* – ковш для гадального обряда с тремя выемками, *делбирге* – ковш для кропильного обряда с белым конским волосом, *ситии* – бело-черная витая бечевка, *аар багах* – щедро украшенный священный столб);

5) мифология и культы (*светлые Ли* – светлые божества, *богиня Иехсит* – богиня деторождения, *Иерегей Бахсыла* – дух дома, *Няджи Няня* – дух коровника, *Ко Кустуктай*, *Обот Соллон* – духи войны и раздора);

6) реалии-меры, реалии-деньги (*кёс* – якутская миля, равная 10 км);

7) реалии, обозначающие пищу (*каяк*, *кумыс*, *харта*, *хачыр*, *хохту*, *хах*, *куйах*, *барча*);

– общественно-политические реалии: *дархан* – титул предводителей, высший сан; *боотур* – воин; *тойон ох* – стрела для крупного убоя, *уостаах ох* – стрела для зверей помельче, *чопчу быыра*, *кёндэй ох* – стрела для птиц, *ытаргалаах быыра* – стрела для лебедей и журавлей, *малтааны оногос* – стрела для белок, *муос оногос* – стрела для зайцев, *бэттизмэ ох*, *кустук ох*, *бюргэс ох*, *одур ох*, *сылбырга ох*, *быыра ох* – боевые стрелы.

Из множества случаев использования слов-реалий приведем только один пример из романа, который наглядно свидетельствует нам о глубоком этнографизме и богатом культурном колорите произведения:

Улуу уустар мааны ыалдьыт-тарыгар кылгас атахтаах туос сандалылар хотойоллорунан ас киэнэ талыыта тардыллыбыта. Манна баара – байтаһын сүөһү, убаһа этин амтаннааба, биир илииттэн суор холотугар диэри халыг хаһа, суон саал, эмис ойбоһос, бытта сыата, харта, быыһас диэн; Баай Байанай биэриитэ – эһэ курума, тайах чонкута, таба тыла, саарба мэйиитэ, анды халата, кус-хаас этэ, ураанай сымыыта; Күөх Боллох обонньор күндүтэ – үрэх-күөл талыы собото, Улуу Эбэ хатыыһа, Муус Далай тууччаба, сыалыһар быара, барча, хачыр, хохту; Уйгу Тунах уунуута – дьэдьэннээх дагда, сардааналаах көбүөр, моонньофонноох хайах, хатта үрүмэ. Күндү-мааны ыалдьыттар көбүһүргээтэхтэринэ көбүстэрин астарыахтара диэн – сөнг сөлөгөй, симиин чөчөгөй, уохтаах кымыс ууруллубута [ТД, 32].

Низкие берестяные столики-сандалы ломились от всевозможной домашней снеди, приготовленной из мяса откормленных лошадей и коров. Каких только видов сала не было там: и загривное, и брюшное, и нутряное! Лоснились жиром целноваренные грудинки и оковалки, блестели, истекая соком, куски огузков, бочков и лопаток.

С пищей домашней сосоедствовали блюда из даров Бая Баяная Хозяина Тайги: жареная медвежати́на, лосиный костный жир, оленье языки, собольи мозги, турпанье мясо, яйцо гагары...

С лакомствами из леса соперничали гостинцы владыки водных глубин Синебородого Боллоха: печёные озёрные караси, вареная осетрина, строганина из нельмы, налимья печёнка, рыба копчёная, сушёная, вяленая...

Но все это разом бледнело при взгляде на яства изобильного и ласкового Зелёного Лета, ибо нет ничего вкуснее и слаще взбитых сливок с земляничкой, сметаны с чёрной смородиной, мороженого каяка с брусникой, молочных пенек...

А чтобы не прискучила гостям пища жирная и лёгкая, сухая да сочная, парни и девки из челяди предлагали запивать её парным молоком, холодными сливками и крепким кумысом... [ТД, 28].

Лингвоэтническая специфика романа, представленная словами-реалиями, наполняет историческое произведение богатым этнографизмом, бесценным культурным материалом. Слова-реалии, несомненно, несут в себе ореол особой привязки к определенному историческому пространству и времени, отделяясь от повседневного языкового употребления. Именно отсутствие практики повседневного употребления и становится специфическим явлением отнесенности романа к историческому повествованию. В сознании читателя такая лексика не связывается с привычными для них предметами, хотя они могут иметь прямые синонимы, принятые в языке повседневного общения. Обилие такой лексики в романе воспринимается как некий сигнал оторванности от привычной, освоенной повседневной

реальности. Поэтому вместе с лексикой высокого стиля, поэтизмами, фольклоризмами, мифологизмами, историзмами и религиозной лексикой слова-реалии выполняют функцию наполнения повествования романа высокой тональностью, торжественной окраской. Кроме этого, слова-реалии несут характерологическую функцию сообщения тексту произведения колорита эпохи древней Якутии XVI-XVII века.

Кроме лексического пласта высокий, торжественный слог произведения передается **лексико-морфологическими, морфологическими и синтаксическими средствами**, такими как:

- эмоционально-экспрессивный аффикс на **-кан**, выражающий чрезмерный восторг и восхищение, и даже преклонение говорящего перед красотами окружающей его действительности: *улуу**кан** күөлэ**т**тэрэ долгура күндээрдилэр* [ТД, 101] ‘блещут волнами большие озера’ [ТД, 87]; *мыраан үрдүнээби алаастара үтүөкэннэр* [ТД, 107] ‘отменно хороши аласы наверху, на сопках’ [ТД, 92];

- повторение основы слова (плеоназм): *саныыр санаалаах, өйдүүр өйдөөх* [ТД, 142] ‘есть свои головы на плечах и собственное мнение на все’ [ТД, 125], *үктэнэр үктэл, тирэнэр тирэх* [ТД, 41] ‘надежная опора, крепкий тыл’ [ТД, 36], *биир хамсаныны хамсанан, биир тыынынан тыналлара* [ТД, 69] ‘в едином порыве сливались воедино’ [ТД, 59];

- междометия, характерные для фольклорного произведения, в частности, героического эпоса олонхо: *Ок-сиэ доботтоор! Амына татай, эчикийэ бэрдэй!* [ТД, 12] ‘Амына татай! Вот это да!’ [ТД, 10]; *Ок-сиэ, доботтоор, истэбизт-истибэккиэт! Көрөбүөт-көрбөккүөт!* [ТД, 405] ‘О, горе нам, друзья! Кабы вы видели, кабы вы слышали!’ [ТД, 347].

Фольклорность лексико-морфологических средств подчинена общей стилистической канве произведения, они пронизаны интонацией народных преданий, которые определили «сюжетнокомпозиционную структуру романа, круг основных персонажей, конфликт, стиль» [13, с. 198]. Однако обращенность к старинным легендам и преданиям не означает оторванность от современных реалий: исторические события прошедшей эпохи осмысливаются глазами и умом нашего современника. Это диалектическое произведение, правдиво без прикрас отражающее все проблемы и коллизии нынешнего общества, как-то: противостояние больших и маленьких в борьбе за плодородные земли, за безграничную власть и несметные богатства, за чистую и настоящую любовь, за счастье детей, за право жить на этой земле. Все эти вопросы, нашедшие художественное воплощение в романе, волнуют человечество и по сей день. Это философское произведение, затрагивающее глубокие вопросы мироустройства: сколько бы у человека ни было ума, богатства, он всего лишь гость на этой бренной земле. Это психологическое произведение, раскрывающее накал противостояний образов: невероятный антагонизм между двумя великими родами Хангаласцев и Борогонцев, вражда между наслегам одного рода – бетюнгцами и сынгинцами, ссора между пятью родными братьями старика Малджагара, притязания Тыгын Дархана к своему зятю, силачу Майагатта, непонимание и неприятие Кэрэмэсом, Тесани, Маргой, Чаллаи великих замыслов своего отца Тыгын Дархана, недолюбивание Марга своих родных братьев Чаллаи и Бёджёкэ. И все это имеет одну причину – стремление к безграничной и манящей свободе.

По определению переводчика романа «Тыгын Дархан» А. Е. Шапошниковой, это: «Вещь невероятно сложная и богатая по языку, исторической канве сюжета, по этнографическому, культурному колориту, философской глубине размышлений, по психологическому накалу противостояний образов – настоящая глыба» [14, с. 76]. И вся эта диалектика противостояний, глубина философского замысла, историзм содержания, психологизм образов и культурный колорит произведения должны были передаться с помощью стиля эпиче-

ского сказания, «поэзией олонхо» [13, с. 94], основу которого составляют синтаксические повторы и созвучия, именуемые параллелизмом синтаксических конструкций. Молодой исследователь фольклора Ю. П. Борисов рассматривает ритмико-синтаксический параллелизм как основное синтаксическое средство выражения стиля тюркских эпосов [15, с. 45]. Как утверждает якутский литературовед Г. М. Васильев, «как и всякий другой эпос, олонхо отличается прочно установившимися традициями и канонами... Известная штампованность выразительных средств и устойчивость поэтики – характерная черта этого большого эпического произведения» [16, с. 12].

Именно повторение ритмико-синтаксических конструкций, которые составляют основу якутской фольклорной стихотворной речи, стали основным определителем стиля романа. В романе «Тыгын Дархан» параллелизмом синтаксических конструкций оформлены, конечно же, формульные слова, перенятые с якутского эпоса-олонхо, древних преданий, культово-обрядовой поэзии, а также многочисленные пословицы и поговорки, выражающие веками накопленную мудрость народа, и фразеологизмы, выступающие как выразители экспрессивно-описательной функции произведения. Также параллелизм синтаксических конструкций характерен для крылатых слов самого автора и в использовании однородных членов предложения, как выражения индивидуального стиля писателя.

Фольклорные формульные слова в романе используются: 1) полностью без изменений и сокращений; 2) частично с сокращением одного члена синтаксического параллелизма; 3) частично с сокращением определительных слов. Например, формула **Чуор кулгааххытын сэгэтин, кырабы хараххытын аһан** ‘наострите свой чуткий слух, откройте свои зоркие глаза’ в первом примере дается полностью, во втором только первый член синтаксического параллелизма:

Чуор кулгааххытын сэгэтин, кырабы хараххытын аһан истэ сэргэннээн, көрө бүдүүлээн олорун эрэ мин диэтэх киһи тугу этэрбин [ТД, 15];

Распахните пошире глаза, откройте уши и обратите внимание на то, что я вам сейчас скажу [ТД, 14];

Мин тугу этэрбин кэрэ чуор кулгааххытынан истэн турун эрэ! [ТД, 127].

Напрягите чуткий слух и запомните, что я вам скажу! [ТД, 112].

Формулу **Хоойго сытар холоонноох добор, тэллэххэ сытар тэннээх кэргэн** ‘достойный супруг, с кем одну постель можно разделить, равный муж, с кем одно ложе можно делить’ в первом примере автор использует полностью, во втором – без эпитетов *хоойго сытар, тэллэххэ сытар*:

Ол киниэхэ Ураанхай Сахалар улуу уустарыттан хоойго сытар холоонноох добор булаары, тэллэххэ сытар тэннээх кэргэн көрдөһөөрү бу добун ыһыабы ыстым [ТД, 15];

Приспело время присмотреть для нее достойного друга, найти нареченного супруга. Ради этого события я и созвал вас на ысыах [ТД, 14];

Мин оҕобор Айталы Куоҕа холоонноох добор, тэннээх эр буолар кини эрэ эбит...! [ТД, 27].

...только он сможет стать достойным мужем и желанным супругом моей неглядной Айталы Ко! [ТД, 23].

Члены формулы **Алаас-алаас ааттаахтара, дойду-дойду туйгуттара, тэгил дойду тэннээхтэрэ** ‘знаменитые, лучшие, равные из разных родов’ оформлены в виде отдельных трех риторических предложений:

Алаас-алаас ааттаахтара аат аатта-
ан айгыстан-аннан кэлэн бараннар, аанньа
буолуохтара дуо? Тэҕил дойдуга тэннээхтэрэ
тэҕилийэн кэлэн бараннар, тэннэхэ сатыы
сылдьыахтара дуо? Дойду-дойду туйгут-
тара булсуһан-мустан баран буору булар-
сыбаттара диэн баара дуо? [ТД 25].

В эпическое полотно произведения органично вплетаются фразеологизмы и пословицы, оформленные в виде повторения ритмико-синтаксических единиц, которые становятся одним из основных художественно-изобразительных средств романа. Например, фольклорный фразеологизм **ириэнэхтэн иннибэт, тонтон толлубат**, означающий бесстрашного и очень решительного человека, 'букв. не остановится перед талым, не сробеет перед мерзлым' [Нелунов, I, 206]; также распространенная в якутской художественной речи пословица **абыйах тыл минньигэс, элбэх тыл сымсах** 'меньше слов – сладко, много слов – горько' [17, с. 9] встречаются в речи главного героя романа – Тыгын Дархана, выступая характеризующими средствами его художественного образа, как решительного, волевого военачальника.

Бөдөкөлөөх Хотобой даҕаны ириэнэх-
тэн иннибэт, тонтон толлубат эр бэттэ-
рэ диш саныыра Тыгын Дархан [ТД, 411];

Абыйах тыл минньигэс, үгүс тыл сым-
сах, – мин тылым биир идэлээх: эппитим
курдук кыйабыт киһиэхэ кыыспын биэрэбин
[ТД, 29].

В романе встречается довольно много художественных размышлений самого автора о жизни, мире, войне, вражде, любви, родной стране, мироустройстве, взаимоотношениях людей, раскрывающие художественный замысел и идею произведения. Эти размышления, согласно выбранному стилю повествования, также оформлены в виде повторов ритмико-синтаксических единиц, отличаются аллитерационным сочетанием гласных и согласных звуков. Глубокая мудрость, заложенная в этих размышлениях автора, и их лингвистическое оформление, созвучное якутской фольклорной стихотворной речи, воспринимаются читателями как готовые крылатые выражения. Крылатых выражений в романе нами насчитано около 60, что, конечно же, не является полным перечнем, и эта тема требует отдельного изучения.

Иннинэн сирэйдээх, икки атахтаах, бос-
хо бастаах боронг Ураанхай төһө да улуу-
тун, төһө да өйдөөбүн, төһө да баайдаабын
иһин бу Орто Аан Ийэ дойдуга кэлэр ыал-
дьыт, хонор хоноһо эрэ буолаахтаатаҕа
[ТД, 430];

Күннээн сылдьар кэмгэ олус туттар,
аһары сананар сэттээх-сэлээннээх [ТД,
332];

Кыйаыы бу дойдуга тугу баҕарар толуй-
ар, тугу баҕарар уйунар [ТД, 178];

Туох барыта аналлаах, туох барыта
ыйаахтаах [ТД, 180].

Разве помирятся, встретившись в ру-
копашном бою, равные из разных Улусов?
Разве уступят добром честь и имя силь-
нейшего? Нет, сражались до победного
конца или окончательного поражения [ТД
22].

Они возмужали, окрепли, стали бес-
страшными боотурами [ТД, 351];

Сказано – сделано, обещано – отрубле-
но. Мое слово едино: раз обещал – выдаю
дочь за победителя! [ТД, 25].

Как бы ни был мудр, славен и богат дву-
ногий Уранхай, у которого лицо спереди и
голова на плечах, он приходит в этот мир
как временный гость [ТД, 368];

Судьба наказывает людей за непомер-
ную гордыню [ТД, 285];

В этом мире все искупает Победа [ТД,
159];

У каждого свое призвание и свое предо-
пределение [ТД, 161].

Повторение ритмико-синтаксических конструкций в авторских крылатых словах несколько отличается от фольклорного синтаксического параллелизма, у которого наблюдается строгая однотипность синтаксических структур, однооформленность грамматических форм, одинаковое количество слогов членов параллелизма. В крылатых выражениях автора ритмика синтаксиса достигается с помощью повторения однородных членов предложения (*Олобу таптал, үтүө-кэрэ быһыы, үрүҥ санаа тутан турар* [ТД, 453] *‘Жизнь создает только любовь, красота и добродетель’* [ТД, 387]), аллитерацией (*Үтүө кырыстан үрдүк мас үүнэр* [ТД, 430] *‘На доброй почве должно возрасти высокое дерево’* [ТД, 369]), антитезой (*Кэнникитэ суох будун – инникитэ эмиэ быстар* [ТД, 500] *‘Народ без прошлого не имеет и будущего’* [ТД, 428]), резким противопоставлением первой части параллелизма второму (*Эрдиитэ суох тыыга олорор куһаҥан. Тугун барытын эрдэттэн көрөр ... куолу* [ТД, 397] *‘Надо быть предусмотрительным, чтобы не оказаться в лодке без вёсел’* [ТД, 341]).

Особое место в лингвостилистической системе поэтики произведения занимают обращения с развернутой эпитетацией, которые органично вплетаясь в художественный замысел романа, несут в себе не только стилистическую нагрузку отнесенности к якутскому фольклору, но и выполняют функцию возвеличивания главного героя произведения – правителя народа саха Тыгын Дархана. Структура синтаксиса эпитетов, украшающих обращения, также выполнены в стиле жанров культово-обрядовой поэзии, в частности жанра алгыс, т. е. она имеет повторы и созвучия.

Обращения с развернутым эпитетом можно разделить на:

1) торжественное обращение Тыгын Дархана к своему народу:

<i>Баттаатахха маталдьыйбат, үктээ- тэххэ өбүллүбэт, кэбизэлээтэххэ кэйбэл- дыйбат кэтит иилээх-сабалаах Орто Аан Ийэ дойдубутугар уһаан-тэнийэн олорор Ураанхай Сахалар!</i> [ТД, 15].	<i>В радости и достатке живущие на не- рушимо-прочной тверди родимой Матери- Земли, в довольстве и неге обитающие на неколебимо-крепкой шире Среднего Мира досточтимые Уранхай-Саха!</i> [ТД, 14];
---	--

2) почтительное обращение людей к самому правителю:

<i>Дьоллоох Туймаада, Киэн Күөрээйи эбэ хотуннар мунур баһылыктара!</i> [ТД, 27];	<i>Многочтимый властелин Великой Туй- маады и просторного Кёряи!</i> [ТД, 24];
---	--

3) уважительное обращение к старейшинам рода и старшим вообще:

<i>Айан төрөппүт аар тойон аҕам! Иитэн үөскэппит күн күбэй ийэм!</i> [ТД, 29];	<i>Уважаемый отец-родитель! Почтенная моя матушка!</i> [ТД, 25];
<i>Бороҕон дьуоттулар бас-көс киһилэрэ, үөлээннээбим Лөкөй тойон, ...</i> [ТД, 26];	<i>Досточтимый родоначальник великого Ууса Борогон Джорту дорогой тойон Ле- кей, ...</i> [ТД 23];

4) олицетворяющее обращение-преклонение к окружающей природе, животным, птицам, домашнему скоту, встречающееся как в речи персонажей, так и авторском повествовании:

<i>Абыс уон абыс араллааннаах арахсыы- лардаах, адырбаннаах аараан аартык хо- тун!</i> [40];	<i>Ой ты, госпожа-дорога дальняя, бугри- стая и ухабистая, восьмидесяти восьми не- ведомых разлук и встреч на тебе не обойти, не объехать!</i> [35];
--	--

<i>Оо, хонобор муостаах хотон иччитэ ынах сүөһү</i> [ТД, 66];	<i>О бесценная домашняя скотина, корми- лица добрая с изогнутыми рогами!</i> [ТД, 57].
---	--

Вот такой высокий стиль, ныне кажущийся, возможно, высокопарным и витиеватым, сложился в древнейшие времена в фольклоре для обозначения восторженно-почтительного отношения к кому- или чему-либо, выражения чувства страха и преклонения. Подобного рода обращения с развернутым эпитетом свидетельствуют о высокой экологической культуре и гуманизме якутского народа, где почитание и уважение составляют основу полной гармонии с окружающей средой и друг с другом. В синтаксисе якутского фольклора обращения с развернутым эпитетом являются цельными предложениями, обычно на письме обозначающимися восклицательным знаком и, по определению якутского лингвиста Н. Е. Петрова, «представляют собой одно из самых древних синтаксических явлений в якутском языке» [18, с. 192]. Фольклорная манера использования обращений-предложений с повторением ритмико-синтаксических единиц как особенность стиля нашла свое полное применение в романе «Тыгын Дархан», выражая восторженно-почтительное отношение к предводителю народа саха и преклонение, даже страх перед великим могуществом природных сил.

Богатый развернутый эпитет характерен также для многочисленных антропонимов (*Үрүҥ Үйэн* 'Юрюнг Юйэн, имя младшей дочери главного героя'), топонимов (*Дьоллоох Туймаада* 'Счастливая долина Туймаада'), теонимов (*Үрүҥ Аар Тойон* 'имя верховного божества'), мифонимов (*Уот Айах Куданса* 'имя легендарного предводителя, намеревавшегося избавиться от морозов'), космонимов (*Тымныы Чолбоно*), астронимов (*Орой Сулус* 'Полярная звезда'), фитонимов (*Аал Лук Мас* 'наименование священного дерева'), которыми изобилует роман «Тыгын Дархан».

*Орто Туруу Аан Ийэ дойду [ТД, 41];
ус үөстээх үлүскэннээх сүүрүктээх Улуу
Эбэ [ТД, 7];*

*Ийэхсит Ийэ Хотун итии тыына илэ-
бодо эрсэннээбит итии-сылаас экиннээх
Илгэлээх Эркээни [ТД, 7];*

*Бүөрэм-бүччүм тоҕойдордоох Бүтэй
Бүлүү [ТД, 7];
Кыыс кэрэ Амма Эбэ [ТД, 352];*

*Орто дойду улуу ойууна, Одун Хаантан
онгоруулаах Одуну ойуун [ТД, 13];*

*Изначальный Средний Мир [ТД, 35];
троерусельная, благодатная и щедрая
Улуу Эбя – Великая Кормилица Лена-Река-
Бабушка [ТД, 6];*

*добронравная Эркени-госпожа, овеван-
ная ласковым дыханием покровительницы
рода человеческого Иехсит Ийэ Хотун [ТД,
6];*

*исполненная гордой угрюмой красы су-
ровый Вилуй [ТД, 6];
прозрачная Амга, чистая, словно де-
вушка [ТД, 303];*

*по определению самого Одун-Хана, ве-
личайший в Мире Срединном шаман, седов-
ласый Одуну [ТД, 11].*

Следуя фольклорной традиции, эпитеты всех имен имеют функцию характеристики их обладателей и для большего благозвучия украшены аллитерацией. По определению якутского фольклориста Л. С. Ефимовой, эпитеты делятся на развёрнутый (тэнийбит) и наслоенный (дьапталлыбыт) и «в силу наслоения эпитетов образ эпитета получается ... очень насыщенным, раскрывающим отличительные черты, характерные особенности объекта воспевания» [19, с. 14-15]. В романе «Тыгын Дархан» подобная эпитетация имен становится средством передачи торжественного, почтительного отношения народа саха к родной природе, окружающей его действительности, людям, а также становится одним из лингвистических средств раскрытия образов произведения.

Функциональная направленность повторений ритмико-синтаксических конструкций в романе широка, как и сам эпический масштаб произведения:

1) повтор и созвучие синтаксических конструкций употребляется как средство, сообщающее тексту романа высокую, торжественную окраску, придавая произведению размеренное, неспешное повествование в духе якутского эпоса-олонхо;

2) выполняют функцию раскрытия художественных образов, связанную с созданием различных характеров и портретов романа. Так, развернутые эпитеты и народные пословицы, поговорки точно и метко передают особенности национального мышления якутов;

3) выражают восторженно-почтительное отношение к предводителю народа саха – Тыгыну и преклонение, даже страх перед великим могуществом природных сил. Так, предложения-обращения, характерные для фольклорного жанра алгыс, органично вплетаются в эпическое полотно романа;

4) в языке произведения повторение одинаковых по грамматической форме, количеству слогов, созвучных синтаксических конструкций являются также средством поэтизации речи. С их помощью создается экспрессия лиричности, утонченности, задушевности, музыкальности;

5) наравне со словами-реалиями ритмико-синтаксический параллелизм несет характерологическую функцию, связанную со свойством рассматриваемого лексического средства сообщать тексту романа исторический колорит времён предводителя Тыгына.

Заключение

Таким образом, роман «Тыгын Дархан» – это пронизанное глубоким этнографическим, культурным колоритом философское, историческое, психологическое, диалектическое произведение с невероятным накалом противостояний образов, который передается с помощью стиля эпоса-олонхо в лучших традициях якутского эпического произведения. При этом повторение ритмико-синтаксических конструкций становится главным выразителем стиля романа «Тыгын Дархан». Здесь мы наблюдаем не простое калькирование формульных слов олонхо, а их творческое использование в тексте романа, которые автор мастерски воспроизводит для раскрытия описаний природы, многочисленных портретов, повествований и размышлений о вечном и прекрасном, также формульные слова встречаются в речах персонажей. Так, отмечается полное и частичное использование членов синтаксического параллелизма, сокращение или добавление эпитетов, создание ритмики синтаксических единиц с помощью однородных членов предложения, антитезы, противопоставлений частей синтаксического параллелизма. Ритмико-синтаксический параллелизм присущ для формульных слов, пословиц, поговорок, фразеологизмов, крылатых выражений автора, предложений-обращений, развернутых эпитетов и других художественно-изобразительных средств романа.

Это произведение – дань памяти и почтения к древней истории народа, дань уважения к предводителям древних якутских родов, которое воплощается с помощью таких лексических и морфологических средств, как поэтизмы, фольклоризмы, мифологизмы, историзмы, религиозная лексика, слова-реалии, фольклорные междометия, эмоционально-экспрессивный аффикс *-кан*, повторение основы слова, которые передают торжественный слог повествованию и почтительно-торжественное отношение к предводителям древних якутских родов. Кроме этого, лингвоэтническая специфика романа, представленная обилием слов-реалий, состоящая в основном из архаического пласта лексики, наполняет историческое произведение богатым этнографизмом, бесценным культурным материалом.

Основная функция рассматриваемых лексических и грамматических средств – это придание тексту романа высокой эмоциональной окраски повествования, раскрытие различных художественных характеров и портретов романа, выражение восторженно-почтительного отношения к личности, природе и описываемому вещественному, духовному

и сакральному миру, создание экспрессии лиричности, задушевности, музыкальности эпического текста и, конечно же, сообщение тексту романа исторического колорита времён предводителя Тыгына.

Литература

1. Васильева, Д. Е. Далан олобо уонна айар үлэтэ / Д. Е. Васильева ; [ред. Н. Е. Винокуров-Урсун]; Саха Респ. наукаларын акад. Гуманит. чинчийии ин-та. – [2-е изд.]. – Дьокуускай : Изд-во СО РАН, 2003. – 218 с. На якутском языке
2. Васильева, Д. Е. Далан : олобо уонна айымньыта / Д. Е. Васильева; Саха Респ. наукаларын акад. ; Гуманитар. чинчийии ин-та ; [ред. Н. Е. Винокуров-Урсун]. – Дьокуускай : Полиграфист, 1998. – 247 с. На якутском языке
3. Васильева, Д. Е. О далеком прошлом и настоящем / Д. Е. Васильева. – Якутск : Бичик, 2008. – 176 с.
4. Мыреева-Баишева, А. Н. Человек и природа в современной якутской прозе / А. Н. Мыреева-Баишева ; Акад. наук Респ. Саха (Якутия), Ин-т гуманитарных исслед. – Якутск : Бичик, 2001. – 104 с.
5. Мыреева, А. Н. Олонхо и первый якутский исторический роман «Тыгын Дархан» В. С. Яковлева-Далана / А. Н. Мыреева // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Серия «Эпосоведение». – 2022. – № 5 (25). – С. 59-67.
6. Мыреева, А.Н. Геокультурный образ мира в якутском романе : традиция и современность // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2012. – № 152. – С. 62-70.
7. Бурцев, А. А. Художественный мир якутского романа : проблемы типологии и поэтики : [монография] / А. А. Бурцев ; М-во науки и высш. образования, Сев.-Вост. федер. ун-т им. М.К. Аммосова, Акад. наук Респ. Саха (Якутия). – Якутск : ИД СВФУ, 2018. – 231 с.
8. Бурцев, А. А. Поэтика «местного колорита» в романах В. Далана / А. А. Бурцев // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2015. – № 3 (12). – С. 95-102.
9. Ноева, С. Е. Поэтика «границы», «порога», «пути» в якутских романах // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2018. – № 7 (85), ч. 2. – С. 252-255.
10. Яковлев, В. С.-Далан «Тыгын Дархан» романа оҕо иитиитигэр / [киирбит ыстатыйалар ааптардара: Л. С. Аргунова, Т. А. Сергучева, У. И. Попова, С. Н. Игнатьева] ; Мэнэ Ханалас улууһун Бэдьимэ орто оскуолата, Бэдьимэтээби «Норуот муудараһын дьыэтэ». – Дьокуускай : Бичик, 2003. – 43 с. На якутском языке.
11. Далан : төрөөбүт сахам норуотугар... : айымньытын истиилэ уонна тыла-өһө / [Т. И. Петрова, п. н. к. (науч. салайаачы) уо. д. а.]. – Дьокуускай : Бичик, 2008. – 204 с. На якутском языке.
12. Алексеева, И. С. Введение в переводоведение : учебное пособие для студентов филол. и лингвист. фак. вузов / И. С. Алексеева. – Москва : Academia ; Санкт-Петербург : Филол. фак. СПбГУ, 2004 (ГУП Саратов. полигр. комб.). – 346 с.
13. Мыреева, А. Н. Традиции исторических преданий в якутской прозе XX в. // Вестник СВФУ. – 2021. – № 6 (86). – С. 91-99.
14. Шапошникова, А. Е. Живой отклик в переводе // Полярная звезда. 2003. – №1. – С. 76–77.
15. Борисов, Ю. П. Основные черты параллелизма в якутском олонхо и в алтайском эпосе // Филологические науки : Вопросы теории и практики. – 2013. – № 11 (29), в 2-х частях, часть 2. – С. 44-50.
16. Васильев, Г. М. Якутское стихосложение / Г. М. Васильев ; [ответственный редактор С. Р. Кулачиков-Эллий] ; Академия наук СССР, Якутский филиал Сибирского отделения, Институт языка, литературы и истории. – Якутск : Якутское книжное издательство, 1965. – 126 с.
17. Кулаковский, А. Е. Якутские пословицы и поговорки = Саха өһүн хоһооно / собр. А. Е. Кулаковским ; Науч.-исслед. ин-т яз., лит. и истории ЯАССР. – [2-е изд.]. – Якутск : Якутское государственное изд-во, 1945. – 98 с.
18. Петров, Н. Е. Синтаксические средства выражения модальности в якутском языке / Н. Е. Петров. – Новосибирск : Наука, 1999. – 288 с.
19. Ефимова, Л. С. Лексико-стилистические особенности языка хороводных песен якутов : специальность 10.02. 02 «Языки народов Российской Федерации (якут. яз.)» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Людмила Степановна Ефимова ; Ин-т гуманитар. исслед. АН РС (Я). – Якутск, 2004. – 20 с.

References

1. Vasil'eva, D. E. Dalan oloŕo uonna ajar ylete / D. E. Vasil'eva ; [red. N. E. Vinokurov-Ursun]; Saha Resp. naukalaryn akad. Gumanit. chinchijii in-ta. – [2-e izd.]. – D'okuuskaj : Izd-vo SO RAN, 2003. – 218 s. Na yakutskom yazyke
2. Vasil'eva, D. E. Dalan : oloŕo uonna ajymn'yta / D. E. Vasil'eva; Saha Resp. naukalaryn akad. ; Gumanitar. chinchijii in-ta ; [red. N. E. Vinokurov-Ursun]. – D'okuuskaj : Poligrafist, 1998. – 247 s. Na yakutskom yazyke
3. Vasil'eva, D. E. O dalekom proshlom i nastoyashchem / D. E. Vasil'eva. – YAkutsk : Bichik, 2008. – 176 s.
4. Myreeva-Baisheva, A. N. CHelovek i priroda v sovremennoj yakutskoj proze / A. N. Myreeva-Baisheva ; Akad. nauk Resp. Saha (YAkutiya), In-t gumanitarnyh issled. – YAkutsk : Bichik, 2001. – 104 s.
5. Myreeva, A. N. Olonho i pervyj yakutskij istoricheskij roman «Tygyn Darhan» V. S. YAkovleva-Dalana / A. N. Myreeva // Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M.K. Ammosova. Seriya «Eposovedenie». – 2022. – № 5 (25). – S. 59-67.
6. Myreeva, A.N. Geokul'turnyj obraz mira v yakutskom romane : tradiciya i sovremennost' // Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena. – 2012. – № 152. – S. 62-70.
7. Burcev, A. A. Hudozhestvennyj mir yakutskogo romana : problemy tipologii i poetiki : [monografiya] / A. A. Burcev ; M-vo nauki i vyssh. obrazovaniya, Sev.-Vost. feder. un-t im. M.K. Ammosova, Akad. nauk Resp. Saha (YAkutiya). – YAkutsk : ID SVFU, 2018. – 231 s.
8. Burcev, A. A. Poetika «mestnogo kolorita» v romanah V. Dalana / A. A. Burcev // Severo-Vostochnyj gumanitarnyj vestnik. – 2015. – № 3 (12). – S. 95-102.
9. Noeva, S. E. Poetika «granicy», «poroga», «puti» v yakutskih romanah // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – 2018. – № 7 (85), ch. 2. – S. 252-255.
10. YAkovlev, V. S.-Dalan «Tygyn Darhan» romana oŕo iitiitiger / [kiirbit ystatyjalar aaptardara: L. S. Argunova, T. A. Sergucheva, U. I. Popova, S. N. Ignat'eva] ; Мене Хаҥалас улууһун Бед'име орто оскуолата, Бед'иметееҥи «Nuruot muudarahyn d'iete». – D'okuuskaj : Bichik, 2003. – 43 s. Na yakutskom yazyke.
11. Dalan : terebbyt saham noruotugar... : ajymn'ytyn istiile uonna tyla-ohe / [T. I. Petrova, p. n. k. (nauch. salajaachy) uo. d. a.]. – D'okuuskaj : Bichik, 2008. – 204 s. Na yakutskom yazyke.
12. Alekseeva, I. S. Vvedenie v perevodovedenie : uchebnoe posobie dlya studentov filol. i lingvist. fak. vuzov / I. S. Alekseeva. – Moskva : Academia ; Sankt-Peterburg : Filol. fak. SPbGU, 2004 (GUP Sarat. poligr. komb.). – 346 s.
13. Myreeva, A. N. Tradicii istoricheskikh predanij v yakutskoj proze HKH v. // Vestnik SVFU. – 2021. – № 6 (86). – S. 91-99.
14. SHaposhnikova, A. E. ZHivoj otklik v perevode // Polyarnaya zvezda. 2003. – №1. – S. 76–77.
15. Borisov, YU. P. Osnovnye cherty parallelizma v yakutskom olonho i v altajskom epose // Filologicheskie nauki : Voprosy teorii i praktiki. – 2013. – № 11 (29), v 2-h chastyah, chast' 2. – S. 44-50.
16. Vasil'ev, G. M. YAkutskoe stihoslozhenie / G. M. Vasil'ev ; [otvetstvennyj redaktor S. R. Kulachikov-Ellyaj] ; Akademiya nauk SSSR, YAkutskij filial Sibirskogo otdeleniya, Institut yazyka, literatury i istorii. – YAkutsk : YAkutskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1965. – 126 s.
17. Kulakovskij, A. E. YAkutskie poslovice i pogovorki = Saha ohyŕ hohoono / sobr. A. E. Kulakovskim ; Nauch.-issled. in-t yaz., lit. i istorii YAASSR. – [2-e izd.]. – YAkutsk : YAkutskoe gosudarstvennoe izd-vo, 1945. – 98 s.
18. Petrov, N. E. Sintaksicheskie sredstva vyrazheniya modal'nosti v yakutskom yazyke / N. E. Petrov. – Novosibirsk : Nauka, 1999. – 288 s.
19. Efimova, L. S. Leksiko-stilisticheskie osobennosti yazyka horovodnyh pesen yakutov : special'nost' 10.02.02 «Yazyki narodov Rossijskoj Federacii (yakut. yaz.)» : avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskikh nauk / Lyudmila Stepanovna Efimova ; In-t gumanitar. issled. AN RS (YA). – YAkutsk, 2004. – 20 s.

Словари, источники

1. Толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарылыах тылдьыта / Акад. наук Респ. Саха (Якутия), Ин-т гumanит. issled. ; под общ. ред. акад. Акад. наук Респ. Саха (Якутия) П. А. Слепцова. – Новосибирск : Наука, 2004. Т. 1: (Буква А): – 677 с.

2. Толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах тылдьыта / Акад. наук Респ. Саха (Якутия), Ин-т гуманитар. исслед. ; под общ. ред. акад. Акад. наук Респ. Саха (Якутия) П. А. Слепцова. – Новосибирск : Наука, 2004. – Т. 3 (Буквы Г, Д, Дь, И). – 2006. – 841 с.

3. Нелунов, А. Г. Якутско-русский фразеологический словарь = Сомоҕо домох сахалыы-нууччалыы тылдьыта / А. Г. Нелунов ; отв. ред. д. филол. н., проф. П. А. Слепцов ; Ин-т гуманитар. исслед. – Новосибирск : Издательство СО РАН ; Научно-издательский центр ОИГГМ. – Т. 1: А – К. – 1998. – 286 с.

4. Тыгын Дархан : роман / Далан ; [В. С. Парников уруһуйа]. – Дьокуускай : Бичик, 1993. – 509 с.

5. Тыгын Дархан : роман / Далан ; авторизованный перевод с якутского А. Е. Шапошниковой ; [худож. В. С. Парников]. – Якутск : Бичик, 1994. – 432 с.

Dictionaries, originals

1. Tolkovyy slovar' yakutskogo yazyka = Saha tylyn byhaaryylaah tyld'yta / Akad. nauk Resp. Saha (Yakutiya), In-t humanit. issled. ; pod obshch. red. akad. Akad. nauk Resp. Saha (Yakutiya) P. A. Slepцова. – Novosibirsk : Nauka, 2004. T. 1: (Bukva A): – 677 s.

2. Tolkovyy slovar' yakutskogo yazyka = Saha tylyn byhaaryylaah tyld'yta / Akad. nauk Resp. Saha (Yakutiya), In-t humanit. issled. ; pod obshch. red. akad. Akad. nauk Resp. Saha (Yakutiya) P. A. Slepцова. – Novosibirsk : Nauka, 2004. – T. 3 (Bukvy G, D, D', I). – 2006. – 841 s.

3. Nelunov, A. G. Yakutsko-russkij frazeologicheskij slovar' = Somoҕo domoh sahalyy-nuuchchalyy tyld'yta / A. G. Nelunov ; otv. red. d. filol. n., prof. P. A. Slepcev ; In-t humanit. issled. – Novosibirsk : Izdatel'stvo SO RAN ; Nauchno-izdatel'skij centr OIGGM. – T. 1: A – K. – 1998. – 286 s.

4. Tygyn Darhan : roman / Dalan ; [V. S. Parnikov uruhuja]. – D'okuuskaj : Bichik, 1993. – 509 s.

5. Tygyn Darhan : roman / Dalan ; avtorizovannyj perevod s yakutskogo A. E. SHaposhnikovoj ; [hudozh. V. S. Parnikov]. – YAkutsk : Bichik, 1994. – 432 s.

– ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПЕРЕВОДА В АЛТАЙСКИХ ЯЗЫКАХ –

DOI: 10.25587/ALTAISTICSVFU.2022.37.21.006

УДК 811.512.157'25

А. А. Васильева

Основные периоды истории перевода школьных учебников на якутский язык

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия
E-mail: vaaperevod@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена обзору истории переводов школьных учебников на якутский язык, в которой выделяется пять периодов, связанных с языковой ситуацией региона в целом и историей развития обучения детей на родном якутском языке, в частности. Актуальность исследования заключается в том, что переводные учебники как источник не только познавательной информации, но и как образец литературной формы родного языка влияют на формирование языка подрастающего поколения, в том числе на речевые навыки. Ретроспективный взгляд на организацию переводческой деятельности в сфере школьного образования Якутии позволит определить ориентиры для будущих более детальных исследований роли перевода с русского языка в формировании естественно-научной терминологии и книжно-письменных стилей современного якутского языка. Целью исследования является обзорное описание столетней истории переводов школьных учебников на якутский язык. Для этого методом сплошной выборки из каталогов Национальной библиотеки Республики Саха (Якутия) было выписано 322 наименования учебников по истории, природоведению, арифметике, физике, химии, биологии, ботанике и т. д., переведенных на якутский язык с 1925 г. по настоящее время; проведен выборочный анализ языка переводных учебников разных лет; изучены статьи о формировании научного стиля современного якутского литературного языка, о формировании научно-технической терминологии на якутском языке и т. д. Результатами данного небольшого исследования истории перевода школьных учебников на якутский язык стали выводы: 1) динамика увеличения и сокращения количества переведенных учебников зависит от языковой ситуации и языковой политики в регионе и стране в целом; 2) перевод школьных учебников в первый свой период развития привел к разработке якутской терминологии, а в последующие периоды также является еще одной областью наиболее активной апробации новых терминов; 3) дальнейший более глубокий анализ языка переводных учебников может способствовать выявлению причин неудач при формировании научного стиля современного якутского литературного языка, выявляя более узальное употребление терминированной лексики в ранних переводах, может способствовать совершенствованию русско-якутского перевода учебно-научных текстов.

Ключевые слова: якутский язык, русский язык, перевод, функциональная стилистика, терминология, учебная литература, научный стиль, термин, клише, лексика, морфология, синтаксис, текст, школьное образование.

ВАСИЛЬЕВА Акулина Александровна – к. филол. н., доцент, Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова.

E-mail: vaaperevod@mail.ru

VASILIEVA Akulina Aleksandrovna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

A. A. Vasilieva

Main stages in the history of translating school textbooks into the Yakut language

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

E-mail: vaaperevod@mail.ru

Abstract. This article reviews the history of translating school textbooks into the Yakut language. The history is divided into five periods connected to the region's state of language, including but not limited to the history of education in the native language. This study is relevant because translated textbooks are not only a source of educational information but also an example of a literary form of the native language. Thus, textbooks form the language of the younger generation, including their verbal skills. A hindsight analysis of the organizing of translation practice in Yakutia's school education allows us to set reference points for future — more detailed — research on the importance of translation from Russian for shaping scholarly and technical terminology and literary styles of the modern Yakut language. The aim of the research is to review and describe a centennial history of translating school textbooks into the Yakut language. For this purpose, 322 titles of textbooks on history, natural history, arithmetic, physics, chemistry, biology, botany, etc. translated into Yakut from 1925 to the present day were taken via continuous sampling method. The language of translated textbooks from various dates was selectively analyzed. Articles on the development of the scientific language of the modern Yakut literary language, on the development of scientific and technical terminology of the Yakut language, etc. were examined. This small research came to the following conclusions: 1) the pattern of an increased or decreased number of translated textbooks depends on the state of the language and the language policy in the region and the country in general; 2) textbooks translation lead to the development of Yakut terminology in its first period, and became a field for testing new terminology in the later periods; 3) further — more in-depth — analysis may bring to light the reasons for failure in the development of the scientific language of the modern Yakut language. In addition, it may help to improve the Russian to Yakut translation of academic texts by uncovering more usual usage of technical vocabulary in the earlier periods.

Keywords. Yakut language, Russian language, translation, functional stylistics, terminology, educational literature, scientific language, term, stereotyped expression, vocabulary, morphology, syntax, text, formal education.

Введение

История перевода школьных учебников на якутский язык тесно связана с историей развития образования детей на родном языке в Якутии. Наиболее подробное и широкое в историческом плане описание организации народного образования в Якутии мы обнаружили в монографии д. п. н., профессора А. И. Петровой [1]. В этой работе о переводе учебников упоминается в контексте организации обучения на родном языке, однако характеристика исторических периодов становления якутской национальной школы, обсуждение организационной деятельности государственных органов ЯАССР и РС (Я) способствуют пониманию предпосылок для организации перевода школьных учебников на родной якутский язык. Другим источником, тесно связанным с историей перевода школьных учебников, является история якутской терминологии, которая в данной статье представлена информацией из работ д. филол. н., профессора П. А. Слепцова [2, 3].

Изучение истории переводческой деятельности в Якутии, являясь одним из ключевых вопросов частной теории перевода, может способствовать, во-первых, систематизации результатов переводческой деятельности различных групп поколений переводчиков; во-вторых, обобщению и теоретическому обоснованию практического опыта переводчиков; в-третьих, выработке рекомендаций по технологии перевода различных текстов; в-четвертых, раскрытию специфики формирования некоторых функциональных стилей

современного якутского литературного языка. Указанные задачи составляют цель одной из исследовательских тем кафедры стилистики якутского языка и русско-якутского перевода ИЯКН СВ РФ СВФУ им. М.К. Аммосова «Якутия переводческая». В рамках этой темы с 2017 г. заинтересованные студенты направления 45.03.01 Филология. Прикладная филология (якутский, русский языки) пишут курсовые и выпускные квалификационные работы по истории переводческой деятельности в Якутии.

Наблюдая за историей переводческой деятельности в Якутии, можно заметить, что наибольших успехов как в количественном, так и в качественном аспекте переводы достигали в те времена, когда стихийные процессы русско-якутского и якутско-русского перевода упорядочивались целенаправленной деятельностью и участием государственных и других влиятельных структур. Например, Переводческая комиссия Наркомпроса, возглавляемая П. А. Ойунским (1930-е гг.), в кратчайшие сроки перевела школьные учебники, попутно инициировав терминологическую работу, и дала начало развитию научного стиля современного якутского языка. А в 1990-х гг. внедряемая Министерством образования РС (Я) Концепция обновления и развития национальных школ привела также и к активизации терминологической работы через перевод и создание оригинальных учебников, словарей и справочников. Благодаря русско-якутскому переводу раскрылись потенциальные возможности якутского языка – кальки с русского языка расширили синонимические ряды, что позволило дифференцировать функциональные стили современного якутского языка, в том числе и научный стиль.

Периодизация истории перевода учебников на якутский язык

Школьные учебники на якутский язык переводятся вот уже почти 100 лет – в каталогах Национальной библиотеки Республики Саха (Якутия) мы обнаружили издания 1925 г. Как известно, организация переводов школьных учебников входила тогда в социальную политику молодого советского государства, согласно которой были заложены основы всеобщего бесплатного образования детей. Советскому Союзу как многонациональному государству необходимо было считаться с региональными особенностями условий внедрения своей политики. Так, в 1918 г. Наркомпрос РСФСР издал постановление «О школах национальных меньшинств», в котором рекомендовалось обучать детей на их родном языке [1, с. 45]. К тому времени лингвистом С. А. Новгородовым был создан новый алфавит и новая система якутской письменности, которая, благодаря своей простоте, в последующем была успешно применена при ликвидации всеобщей безграмотности. Языковая ситуация в молодой Якутской АССР характеризовалась преобладанием якутского языка во всех сферах общественной жизни, в те времена он все еще был языком межнационального общения всего Северо-Востока России [4]. Профессор А. И. Петрова отмечает, что в первые годы организации школьного образования в ЯАССР не хватало педагогических кадров, методистов и ученых, способных написать учебники по предметам естественно-научного цикла на родном якутском языке [1]. Таким образом, перевод школьных учебников на якутский язык был единственным реальным способом быстрого обеспечения учебной базы новой якутской школы. В дальнейшем также можно заметить, что перевод школьных учебников на родной язык тесно связан с языковой политикой государства, с организацией школьного образования как в стране в целом, так и в республике, в частности.

А. И. Петрова в своем исследовании охватывает всю обозримую историю школьного образования Якутии, начиная с 1735 г., выделяя в ней 7 периодов. Из этих семи периодов шестой – с 1917 по 1990 гг., или советский период – она рассматривает более подробно, выделяя в ней восемь этапов. Для нас был интересен именно этот период, так как перевод учебников на родной якутский язык характерен именно для этого периода. Но, конечно же,

история перевода учебников имеет свою специфику, она соприкасается с историей якутской терминологии и лексикографии. Поэтому мы составили следующую периодизацию истории перевода учебной литературы на якутский язык, основываясь на периодизации билингвального школьного образования А. И. Петровой:

1. 1925-1940 гг. Первый период перевода учебников на якутский язык. Связан с культурной революцией (всеобщий охват детей школьным образованием и ликвидация безграмотности). Организатор – П. А. Ойунский. Была разработана научная терминология на якутском языке. Переведено 62 учебника по природоведению, математике, физике, химии, биологии, географии и истории.

2. 1941-1963 гг. В данном периоде отмечается изменение языковой ситуации в республике и начало переориентации на русский язык в школьном образовании. Тем не менее, был переведен 71 учебник.

3. 1963-1990 гг. В связи с изданием приказа Министерства образования ЯАССР «О преподавании в якутских школах математики, физики, химии и черчения на русском языке, начиная с 6 класса», необходимость перевода новых учебников и переиздания старых переводов продолжала существовать только в начальном звене образования и в гуманитарном цикле школьных предметов. Переведено 73 учебника, из них 19 – по истории.

4. 1991-2011 гг. Период реализации Концепции обновления и развития национальных школ Республики Саха (Якутия). Появились лаборатории по разработке новых учебников естественно-нучного цикла на якутском языке, требовалась большая терминологическая работа, происходила переработка учебно-научного подстиля якутского литературного языка. Было переведено 45 учебников.

5. С 2012 г. по настоящее время – переход на ФГОС нового поколения. Были введены новые интегрированные предметы, появились новые учебники по основам православной культуры, окружающему миру, технологии, изобразительному искусству, музыке. Все эти учебники в количестве 71 наименования, составляющие УМК для начальной школы, были переведены на якутский язык школьными педагогами, методистами, а также преподавателями кафедры стилистики якутского языка и русско-якутского перевода СВФУ им. М.К. Аммосова.

Первый период истории перевода школьных учебников на якутский язык (1925-1940 гг.)

Начальной точкой первого периода мы отмечаем 1925 г., которым датируется первое переводное издание школьного учебника – учебник по математике для второго года обучения (Ланков А. В. Ахсаан үөрэбин кинигэтэ. Үөрэх 2-с сылыгар. – Москва: ССӨС-н кинигэ бэчээттиир киин сирэ, 1925 с.). Возможно, есть более ранние переводы, однако на сегодняшний день в наших данных эта книга является самым первым переводным учебником на якутском языке.

В 1931 г. была создана Переводческая комиссия при Народном комиссариате просвещения и здравоохранения республики под председательством П. А. Ойунского. Комиссия была создана для перевода учебников для семилетней школы и за время своей деятельности подготовила к изданию около 60 учебников по арифметике, природоведению, географии, биологии и др. Взявшись за перевод учебников, члены комиссии столкнулись с необходимостью перевода или создания терминов разных отраслей науки. Было принято решение о составлении школьных словарей терминов и размещении их в приложениях к переводным учебникам [5].

Среди членов этой переводческой комиссии были видный деятель общего образования Якутии С. Н. Донской, а также студенты московских вузов, впоследствии ставшие

известными людьми республики, внесшими большой вклад в развитие якутской советской культуры и науки – философ А. Е. Мординов, писатели А. А. Иванов, Н. Е. Мординов-Амма Аччыгыйа, библиограф и переводчик Г. С. Тарский, фольклорист И. В. Пухов, а также П. Г. Григорьев, И. К. Попов, Н. С. Андросов, И. П. Жегусов, А. И. Пинигин, М. Н. Скрябин, И. В. Урчусов, Н. Л. Неустроев, С. П. Потапов, К. А. Иннокентьев, Н. А. Алексеев, И. К. Федоров, С. И. Ковлеков, М. А. Тумарча и др. [2]. Они перевели, например, учебники по природоведению (пер. Афанасьев, 1926 г.), по географии (пер. Киреев, Торговкин, И. В. Урчусов, С. Н. Донской, 1933 г.), по физике (пер. И. В. Урчусов, Е. С. Харитонов, Е. Ф. Корнилов, 1933 г.), по истории (пер. С. П. Харитонов, А. Е. Мординов, 1934 г.), по зоологии (пер. Н. С. Андросов, 1935), по геометрии (пер. С. Н. Донской, 1936 г.), по ботанике (пер. И. К. Попов, 1938), по зоологии (пер. Г. Ф. Потапов, 1939 г.) и др.

П. А. Ойунский как руководитель языкового строительства молодой республики стремился к тому, чтобы вновь появляющаяся научная терминология на якутском языке отвечала лингвистическим законам и сохраняла баланс между прямым заимствованием лексики и сознательным словотворчеством переводчиков учебной литературы. В результате многолетней кропотливой работы по переводу учебников в 1935 г. в Москве был издан термино-орфографический словарь под авторством П. А. Ойунского, Г. С. Тарского и С. П. Харитонova [6]. Теоретическое обоснование словаря, изложенное в труде П. А. Ойунского «Якутский язык и пути его развития», заложило основы дальнейшего развития якутской терминологии и орфографии. Так, в очередной раз перевод стал стимулом для развития науки о якутском языке, так как «вопросы создания и усовершенствования терминов якутского языка непосредственным образом связаны с освоением иноязычной терминологической лексики, приходящей через русский язык. Поэтому терминологическая работа в якутском языке, прежде всего, основана на переводческой практике с русского языка на якутский язык» [7]. К. филол. н. Ю. М. Борисова также отмечает, что якутская терминология развивалась под сильным влиянием русского языка, а русские термины воспринимались как однозначные термины, тогда как их якутские соответствия «имели недостаточно точные, дифференцированные значения, были контекстуально обусловленными и полисемантичными, а русские заимствования воспринимались именно как однозначные термины» [8, с.132].

Период активности переводческой деятельности в рамках формирования литературных норм якутского языка продолжался до репрессии лидеров языкового строительства ЯАССР в 1937-1938 гг., достигнув пика в 1928-1935 гг., потом постепенно, ближе к началу Великой Отечественной войны, сошел на нет.

Второй период истории перевода школьных учебников на якутский язык (1941-1963 гг.)

Этот период характеризуется изменением языковой ситуации в регионе и возникновением тенденции к переходу от родного якутского к русскому языку. Великая Отечественная война очень сильно повлияла на демографию и миграцию внутри страны. В связи с этим возросла роль русского языка во всех общественных сферах Якутии, в том числе и в образовательной среде. Однако отказ от якутского языка как языка обучения в школе в этом периоде проф. А. И. Петрова связывает в числе прочего и с качеством переводов школьных учебников по естественно-научному циклу предметов. Описывая военный и послевоенный период истории билингвального образования в Якутии, она отмечает, что уже в конце 1940-х гг.: «Перевод учебников стали поручать опытным учителям, хорошо владеющим русским и якутским языками и специализирующимися по требуемым предметам. Продолжалась работа по совершенствованию учебных терминов, был переиздан терми-

нологический словарь, в разработке которого приняли участие и учителя. Все это способствовало значительному улучшению качества переведенных на якутский язык учебников. Однако из-за терминологических затруднений в математике, физике и химии в конце 1940-х годов Министерство просвещения ЯАССР с согласия Якутского Областного комитета КПСС разрешило ряду школ районных центров вести преподавание этих предметов на русском языке, начиная с 5 класса. Но в связи с улучшением качества перевода учебников школы этим правом не воспользовались» [1, с. 50]. В эти годы была заложена основа дальнейшей русификации школьного образования Якутии. Предпосылками послужило всеобщее слабое знание детьми русского языка и формируемая советскими идеологами престижность свободного владения русским языком как условия успеха в многонациональном советском обществе, а также несовершенство якутской научно-технической терминологии и общая языковая ситуация в регионе – увеличение числа пришлого населения в связи с промышленным освоением Якутии. Таким образом, постепенно отпадала необходимость в школьных учебниках на родном якутском языке несмотря на то, что в принятом в 1959 г. Законе Российской Федерации о перестройке школьной системы декларировалось, что «обучение в школе проводится на родном языке учащихся».

В эти годы были переведены учебники по биологии для 6-7 кл. (пер. Тимофеев П. А., 1941 г.); по истории Древнего мира (пер. Скрябин М. Н., 1942 г.); задачки по арифметике для начальных классов (пер. Дягилев Г. Т., 1948 г.); учебник по истории Средних веков для 6-7 кл. (пер. Васильев Г. М., 1949 г.); задачник по арифметике для 5-6 кл. (пер. Чарин И. И., 1949 г.); учебники по алгебре для 6-8 кл. (пер. Шарин П. И., 1950 г.), по ботанике для 5-6 кл. (пер. Сивцев Г. Ф., 1957 г.) и др.

Третий период истории перевода школьных учебников на якутский язык (1963-1990 гг.)

Следующий период развития перевода в сфере школьного образования начинается, когда Министерство образования ЯАССР издало приказ №1-128 от 30 октября 1963 г. «О преподавании в якутских школах математики, физики, химии и черчения на русском языке, начиная с 6 класса». В связи с этим необходимость перевода новых учебников и переиздания старых переводов продолжала существовать преимущественно в начальном звене образования. В своей монографии проф. А. И. Петрова приводит статистику отсева учащихся за 1962-1971 гг. и отмечает, что качество образования в школах Якутии резко ухудшилось из-за этого приказа: увеличился отсев учащихся из школы, процесс перехода на русский язык обучения шел довольно медленно, но с 1965-1966 уч. г. количество обучающихся на родном языке стало вновь расти, начался новый, более успешный этап билингвального образования, характеризующееся становлением физико-математического образования в Якутии [1]. Мы же отмечаем, что в этот период было переведено на якутский язык 73 учебника преимущественно для начальных классов, в том числе 19 – по истории, как гуманитарному предмету, не затронутому вышеуказанным приказом. Например, учебник по истории СССР для 7 кл. (пер. Кустуров В. Д., 1963 г.), по географии частей света и важнейших государств для 6-7 кл. (пер. Пермьяков К. К., 1964 г.), по географии СССР для 7-8 кл. (пер. Кустуров В. Д., 1965 г.), по арифметике для 3 кл. (пер. Егоров П. И., 1966 г.), по математике для начальных классов (пер. Васильев Н. Ф., Степанов В. Е., Чарин И. И., 1971 г. и 1980-е гг.), по ботанике для 5-6 кл. (пер. Макаров А. А., 1974 г.) и др.

Этот период в истории якутской терминологии характеризуется тем, что «в целом, в 40-80-е гг. языковая политика в нашей республике проводилась в духе реализации общеизвестных лозунгов «сближения и слияния наций» и образования новой исторической общности – «советский народ». Вся письменная литература была ориентирована на тер-

мины, заимствованные из русского языка. Оригинальные термины вытеснялись заимствованиями. Творческие усилия выдающихся национальных деятелей, занимавшихся вопросами терминовтвора, были по известным причинам преданы забвению. Обогащение якутской терминологической лексики происходило в основном путем беспрепятственных и бесконтрольных вхождений из русского языка» [9, с. 41].

Четвертый период истории перевода школьных учебников на якутский язык (1990-2012 гг.)

Новый скачок в истории создания школьных учебников на якутском языке отмечается в 1990-х годах, когда в Республике Саха (Якутия) реализовывалась Концепция обновления и развития национальных школ РС (Я), принятая 23 мая 1991 г. Этот период мы выделяем в отдельный период до 2012 г., когда был введен новый ФГОС.

Проф. А. И. Петрова называет период 1990-х гг. «периодом реконструкции всей образовательной системы в стране, временем становления и развития дву- и полиязычных образовательных учреждений разного типа в республике» [1, с. 118]. Все реформы в образовательной системе республики в этот период происходили в соответствии с реформами в политической, общественной, экономической сферах государства и, конечно же, имели свою региональную специфику. Научное обоснование права на государственный статус языка саха, доказывающее высокий уровень развития литературной формы якутского языка, хорошо продуманная программа языкового строительства, а также научно обоснованная Концепция обновления и развития национальных школ Республики Саха (Якутия) привели к небывалому расцвету национального образования в Якутии.

В рамках мероприятий по реализации этой Концепции 19 мая 1992 г. была принята Целевая программа Правительства Республики Саха (Якутия) по формированию и развитию государственной национально-региональной системы образования, которая в числе прочего ставила задачу «издания переводных учебников для 7-9 классов якутских школ по математике, физике, химии и биологии» [1, с. 122]. В эти годы над созданием авторских учебников по предметам точных наук и новыми переводами школьных учебников для всех классов трудились многие учителя и методисты. В наиболее активных педагогических коллективах школ и кафедрах методик преподавания школьных предметов создавались многочисленные авторские коллективы, которые занялись разработкой новой терминологии на якутском языке, составлением терминологических переводных и толковых словарей. Далее на втором этапе реализации Концепции (1996-2000 гг.) переводу учебной литературы также уделялось немаловажное значение: в задачи реализации госпрограммы входило издание переводных учебников для 10-11 классов, а также перевод научно-популярной литературы по математике, физике, химии и другим дисциплинам для детей школьного возраста.

Этот период истории переводов школьных учебников и истории образования на родном языке очень похож на первый период, связанный с коренными преобразованиями общественного устройства в стране и в регионе. Сходство мы усматриваем в том, что на первый план в эпоху перемен выдвигается национальное своеобразие, в первую очередь язык и все, что с ним связано. Следующее сходство – в обоих периодах русско-якутский перевод учебной литературы является не только инструментом языковой политики государства, но и искренней потребностью народа расширять сферу функционирования родного языка. Желание использовать родной язык в новых сферах жизни выражается также и в активном участии народа в терминологической работе, создании переводов и их популяризации.

Различия этих похожих друг на друга периодов развития литературного языка прежде всего состоят в разных характеристиках языковой ситуации и исходящих из нее целей

предпринимаемых переводов. Если в 1925-1940-х гг. перевод школьных учебников был необходим из-за того, что подавляющее большинство обучающихся не владело русским языком, то в 1990-х гг. полностью двуязычное общество использовало русско-якутский перевод школьных учебников и других текстов как один из механизмов сохранения родного языка путем реализации государственного статуса языка саха для расширения сферы его функционирования, повышения его престижа, что в конечном счете должно защитить родной язык от ассимиляции как миноритарного языка.

Пятый период истории перевода школьных учебников на якутский язык (2012 г. – настоящее время)

Современный этап истории перевода школьных учебников начался в 2012 г. в связи с переходом к ФГОС и, соответственно, постепенным сворачиванием двадцатилетней системы национального образования. В данное время переводчики школьных учебников располагают большим количеством русско-якутских терминологических словарей, справочников и т. п. В их распоряжении – разработки якутских ученых по терминологии, грамматике, переводоведению и т. п.

В 2011-2012 уч. г. кафедра стилистики якутского языка и русско-якутского перевода ИЯКН СВ РФ СВФУ им. М.К. Аммосова получила крупный заказ от Министерства образования Республики Саха (Якутия) на перевод комплектов учебников для начальной школы, рекомендованных Министерством образования и науки Российской Федерации. За 2011-2015 гг. коллективом кафедры были переведены комплекты учебной литературы для 1-4 классов по предметам «Математика», «Окружающий мир», «Технология», «Музыка» и «Изобразительное искусство».

Коллектив кафедры не только перевел новые учебники, но и теоретически обосновал свою практическую работу по переводу и терминотворческую деятельность. Так, в своей коллективной монографии «Русско-якутский перевод: вопросы теории и практики» кафедра посвятила три главы языку переводов школьных учебников последнего периода – учебников по предметам «Окружающий мир» (к. филол. н., доцент Л. Е. Манчурина), «Музыка» (к. филол. н., доцент Е. С. Герасимова), «Изобразительное искусство» (к. филол. н., доцент С. В. Иванова) [7]. В ходе исследования своих переводов они делают тематическую классификацию терминов, анализ способов образования составных терминов, большей частью созданных ими самими, а также статистический анализ способов перевода терминов. Выявлено следующее соотношение основных способов перевода терминов: подбор эквивалентов – 34% («Окружающий мир»), 34,4% («Изобразительное искусство»), 60 из 169 единиц («Музыка»); транскрипция – 23% («Окружающий мир»), 9,58% («Изобразительное искусство») 30 из 169 единиц («Музыка»); транслитерация – 18,3% («Окружающий мир»), 8,98% («Изобразительное искусство»), 50 из 169 единиц («Музыка»); калькирование – 14% («Окружающий мир»), 24,55 («Изобразительное искусство»); описательный перевод – 2,2% («Окружающий мир»), 22,75% («Изобразительное искусство») [7, с. 41-42; с. 63-64; с. 51]. Кроме того, отмечается «одновременное использование в одном ряду якутского и русского вариантов терминов, занимает 6,3%» [7, с. 42], позиционирующееся как специфический для читателей-билингвов способ передачи термина в переводном тексте.

В данном исследовании к. филол. н. Л. Е. Манчурина определяет специфику русско-якутского перевода научной литературы, которая учитывает: 1) несовершенство якутской терминологии; 2) расхождения грамматических структур русского и якутского языков; 3) наличие типичных переводческих ошибок, возникающих из-за недостаточной компетентности переводчика [7, с. 23-24]. Наиболее важным ее замечанием можно считать то, что «перевод терминов в зависимости от контекста отличается от терминографическо-

го, так как здесь перевод термина осуществляется, учитывая значение рядом стоящих лексических единиц, а также значение, которое приобретает слово-термин в контексте» [7, с. 42]. Ведь именно через связную речь происходит получение информации ребенком, в том числе – представление о красоте и богатстве родной речи, способной описать все явления окружающего мира, выразить все абстрактные связи научной мысли, чем и отличается научный стиль литературного языка. Об этом всегда говорила и писала к. п. н., проф. Т. И. Петрова. Так, она считала некачественный перевод учебников, которые вынужден заучивать школьник, причиной бедности языка подрастающего поколения, а также негативного отношения некоторой части общества к обучению на родном языке [11, с. 237] и призывала развивать частную теорию русско-якутского перевода как фактор сохранения родного якутского языка.

Заключение

Итак, почти столетнюю историю перевода школьных учебников мы разделили на пять периодов. Каждый период тесно связан с языковой ситуацией в регионе и языковой политикой руководства республики. Как и в других сферах общественной жизни Якутии, в образовательной среде наиболее яркими периодами были 1920-1930-е и 1990-е гг., характеризующиеся активным внедрением обучения на родном якутском языке. Эти периоды в нашей периодизации истории перевода школьных учебников на якутский язык относятся к первому периоду (1925-1940 гг.) и четвертому периоду (1990-2012 гг.).

Перевод школьных учебников на якутский язык и терминологическая работа в указанных периодах отличались, несмотря на то, что в обоих периодах отмечается расширение обучения детей на родном якутском языке. Так, в первом периоде перевод учебников был необходимостью в связи с языковой ситуацией, характеризующейся всеобщим незнанием русского языка и планом государства по ликвидации безграмотности в кратчайшие сроки, а в четвертом периоде перевод учебной литературы и создание оригинальных учебников на якутском языке были реализацией языковых прав граждан и воспитания подрастающего поколения билингвов в духе любви и уважения к родному языку и культуре.

Перевод школьных учебников с самого начала связан с терминологической работой, в переводных учебниках разных периодов отражаются типичные проблемы формирования якутского литературного языка. В качестве отличительной черты пятого, современного периода истории перевода учебной литературы можно отметить то, что переводчики-филологи начали изучать язык переводных учебников как среду функционирования научных терминов, т.е. они рассматривают термины не только как лексические единицы, но и с точки зрения сочетаемости, вариантности и т. п. в неразрывной связи с окружающим их контекстом.

Литература

1. Петрова, А. И. Становление и развитие системы двуязычного образования : история, теория, опыт, перспективы (на примере математического образования в Республике Саха (Якутия)) (на материалах Якутии XVIII-XX вв.) : монография / А. И. Петрова. – Москва : Изд-во МГОУ, 2004. – 160 с.
2. Слепцов, П. А. Сахалы тылбаас : ааспыт анаары, билиннитэ, соруктар // Ступени и проблемы якутского языкознания (сб. науч. ст.) / П. А. Слепцов. – Якутск : ИГИИПМНС СО РАН, 2008. – 544 с. – с. 480-495. (На якутском языке).
3. Слепцов, П. А. Якутская терминология : Ступени и проблемы якутского языкознания (сб. науч. ст.) / П. А. Слепцов. – Якутск : ИГИИПМНС СО РАН, 2008. – 544 с. – С. 207-225.
4. Слепцов, П. А. Традиционное русско-якутское двуязычие : условия, причины, следствия // Ступени и проблемы якутского языкознания (сб. науч. ст.) / П. А. Слепцов. – Якутск : ИГИИПМНС СО РАН, 2008. – 544 с. – С. 464-469.

5. Оконешиников, Е. И. Вклад П. А. Ойунского в якутскую терминологию / Оконешиников Е. И. // Язык саха : проблемы лексикографии и терминологии (сб. науч. статей). – Якутск : ИГиИПМНС СО РАН, 2015. – 210 с.
6. Нууччалыы-сахалыы тирминнээх-арпагыраапыа тылларын кинигэтэ. Б. Ө. Ойуунускай С. Б. Харытыанабы, К. С. Таапыскайы көмөлөһүннэрэн онорбута / Ойуунускай П. А. // Талыллыбыт айымньылар. III том : Научнай үлэлэр. – Дьокуускай : Бичик, 1993. – 477 с. – с. 123-456. (На якутском языке).
7. Акимова, А. С. Краткие словари якутского языка : терминографический анализ / А. С. Акимова // Мир науки. Социология, филология, культурология, 2019. – № 4. – URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/13FLSK419.pdf> (дата обращения: 16.12.2022).
8. Борисова, Ю. М. Формирование основ терминологической лексики языка саха (1920-1940 гг.) // Проблемы и перспективы развития национальных литературных языков в России : материалы Всероссийской научно-практической конференции : [электронный ресурс] / редакционная коллегия : Н. И. Данилова (отв. ред) [и др.]. – Якутск : ИГиИПМНС СО РАН, 2019. – 226 с. – С. 129-132.
9. Акимова, А. С. Якутская терминология : третий индустриальный (переходный) этап (1940-1980 гг. XX в.) / А. С. Акимова // Norwegian Journal of Development of the International Science. – 2020. – № 45-2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yakutskaya-terminografiya-tretiy-industrialnyy-perehodnyy-etap-1940-1980-gg-xx-v> (дата обращения: 16.12.2022).
10. Русско-якутский перевод : вопросы теории и практики : монография / А. А. Васильева, Л. Е. Манчурина, Е. С. Герасимова [и др.]. – Якутск : ИЦ НБ РС (Я), 2021. – 1 файл (228 с. ; 2 Мб). – 228 с. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=47393490> (дата обращения 15.12.2022).
11. Петрова, Т. И. Тылбаас ирдэбилэ уонна билинни нууччалыы-сахалыы тылбаас таһыма / Т. И. Петрова ; составители С. В. Неустроева [и др.]. – Якутск : Айар, 2021. – 392 с. – с. 236-240. (На якутском языке).

References

1. Petrova, A. I. Stanovlenie i razvitie sistemy dvuyazychnogo obrazovaniya : istoriya, teoriya, opyt, perspektivy (na primere matematicheskogo obrazovaniya v Respublike Saha (Yakutiya)) (na materialah Yakutii XVIII-XX vv.) : monografiya / A. I. Petrova. – Moskva : Izd-vo MGOU, 2004. – 160 s.
2. Slepcev, P. A. Sahalyy tyalbaas : aaspyty anaaryy, bilinnite, soruktar // Stupeni i problemy yakutskogo yazykoznaniya (sb. nauch. st.) / P. A. Slepcev. – Yakutsk : IGIIPMNS SO RAN, 2008. – 544 s. – s. 480-495. (Na yakutskom yazyke).
3. Slepcev, P. A. Yakutskaya terminologiya : Stupeni i problemy yakutskogo yazykoznaniya (sb. nauch. st.) / P. A. Slepcev. – Yakutsk : IGIIPMNS SO RAN, 2008. – 544 s. – S. 207-225.
4. Slepcev, P. A. Tradicionnoe russko-yakutskoe dvuyazychie : usloviya, prichiny, sledstviya // Stupeni i problemy yakutskogo yazykoznaniya (sb. nauch. st.) / P. A. Slepcev. – Yakutsk : IGIIPMNS SO RAN, 2008. – 544 s. – S. 464-469.
5. Okoneshnikov, E. I. Vklad P. A. Ojunsckogo v yakutskuyu terminografiyu / Okoneshnikov E. I. // YAzyk saha : problemy leksikografii i terminografii (sb. nauch. statej). – Yakutsk : IGIIPMNS SO RAN, 2015. – 210 s.
6. Nuuchchalyy-sahalyy tierminneekh-arpagyraapyja tyllaryn kinigete. B. Ө. Ojuunuskaj S. B. Harytyanaby, K. S. Taapyskajy көмөлөһүннөрөн онорбута / Ojuunuskaj P. A. // Talylylybyt ajymn'ylar. III tom : Nauchnaj yleler. – D'okuuskaj : Bichik, 1993. – 477 s. – s. 123-456. (Na yakutskom yazyke).
7. Akimova, A. S. Kratkie slovari yakutskogo yazyka : terminograficheskij analiz / A. S. Akimova // Mir nauki. Sociologiya, filologiya, kul'turologiya, 2019. – № 4. – URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/13FLSK419.pdf> (data obrashcheniya: 16.12.2022).
8. Borisova, YU. M. Formirovanie osnov terminologicheskoy leksiki yazyka saha (1920-1940 gg.) // Problemy i perspektivy razvitiya nacional'nyh literaturnyh yazykov v Rossii : materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii : [elektronnyj resurs] / redakcionnaya kollegiya : N. I. Danilova (otv. red) [i dr.]. – Yakutsk : IGIIPMNS SO RAN, 2019. – 226 s. – S. 129-132.
9. Akimova, A. S. Yakutskaya terminografiya : tretij industrial'nyj (perekhodnyj) etap (1940-1980 gg. XH v.) / A. S. Akimova // Norwegian Journal of Development of the International Science. – 2020. – № 45-2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yakutskaya-terminografiya-tretiy-industrialnyy-perehodnyy-etap-1940-1980-gg-xx-v> (data obrashcheniya: 16.12.2022).

10. Russko-yakutskij perevod : voprosy teorii i praktiki : monografiya / A. A. Vasil'eva, L. E. Manchurina, E. S. Gerasimova [i dr.]. – YAkutsk : IC NB RS (YA), 2021. – 1 fajl (228 s. ; 2 Mb). – 228 s. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=47393490> (data obrashcheniya 15.12.2022).

11. Petrova, T. I. Tylbaas irdebile uonna bilin̄ni nuuchchalyy-sahalyy tylbaas tahyma / T. I. Petrova ; sostaviteli S. V. Neustroeva [i dr.]. – YAkutsk : Ajar, 2021. – 392 s. – s. 236-240. (Na yakutskom yazyke).

С. В. Иванова

Народные предания о Манчары в переводе А. Е. Шапошниковой

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия
E-mail: svl.ivanova@s-vfu.ru

Аннотация. Работа И. Г. Березкина «Манчаары – норуот номоҕор» («Манчары в преданиях народа») основана на материалах, собранных фольклорными экспедициями научных организаций. Народные предания о Манчары относятся к преданиям об исторических лицах, точнее к героическим сказам. Манчары является национальным героем якутского народа, о котором еще при жизни слагалось много народных рассказов и песен о любимом герое. Позднее Манчары стал героем литературных произведений: драмы В. Никифорова – Кулүмнүүр, стихотворений Семена Данилова, С. Р. Кулачикова – Эллэя, Н. Михалевой – Сайа, рассказов Софрона Данилова и др. В настоящее время язык и стиль фольклорных текстов широко изучается, но проблемы перевода текстов народных преданий специально не исследовались. Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью разработки переводческих стратегий, которые могли бы применяться при переводе фольклорных текстов на русский язык. Цель статьи – анализ перевода народных преданий о Манчары. Задачи – выявление и анализ приемов сохранения стиля и методов передачи художественного компонента народной прозы переводчиком А. Е. Шапошниковой при переводе на русский язык книги И. Г. Березкина. Основные методы, использованные в исследовании: описательно-аналитический, сравнительно-сопоставительный и метод контекстологического анализа. В статье описаны способы передачи в переводе стилистически маркированной лексики – высокой лексики (лексические элементы «героического», устно-поэтическая лексика), разговорной и стилистически сниженной лексики (просторечные / бранные слова), использование переводчиком старославянской лексики и архаизмов; типичных для текстов русского фольклора слов и выражений. Рассмотрены способы перевода а) выразительных средств: пословиц, фразеологизмов, парных слов; б) композиционных средств: приемы достоверности рассказываемого, приемы, составляющие зачин произведения, ретардация. Доказательством достоверности событий, вошедших в сюжет народных преданий, служат песни героев сказаний. При переводе сохранена структура периодических конструкций текста песен, также для передачи темпа якутской народной музыки использованы нетипичные в русском языке парные слова в сочетании с типичной лексикой русских народных песен. При переводе народных преданий о Манчары А. Е. Шапошниковой сохранены художественно-изобразительные особенности оригинала: стилистически маркированная лексика, выразительные и композиционные средства, особенности устной речи, индивидуальные стили рассказчиков. Благодаря прекрасному знанию фольклора, истории, этнографии, лингвистики переводчик смог передать этнический колорит уникальных образцов словесного творчества о народном герое якутов Манчары.

Ключевые слова: якутский язык, язык фольклорных текстов, стиль фольклорных текстов, перевод фольклорных текстов, якутско-русский перевод, способы перевода, стилистически маркированная лексика, выразительные средства, композиционные средства, приемы сохранения стиля, методы передачи художественного компонента народной прозы.

ИВАНОВА Саргылана Владимировна – к. филол. н., доцент кафедры стилистики якутского языка и русско-якутского перевода, Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова.
E-mail: svl.ivanova@s-vfu.ru

IVANOVA Sarhyllana Vladimirovna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Stylistics of the Yakut Language and Russian-Yakut Translation, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

S. V. Ivanova

Folk legends about Manchary: the case Aelita Shaposhnikova's translation

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

E-mail: svl.ivanova@s-vfu.ru

Abstract. The work of Ivan Georgievich Berezkin «*Manchaary – Noruot Nomoor*» («Manchary in the Legends of the People») is based on materials collected by folklore expeditions of research institutions. Folk legends about Manchary refer to the legends about historical persons, more precisely to heroic tales. Manchary is a national hero of the Yakut people, about whom many folk stories and songs were composed during his lifetime. Later Manchary became the hero of literary works: dramas by Vasily Nikiforov – Kulumnuur, poems by Semyon Danilov, Serafim Kulachikov – Elley, Natalia Mikhaleva – Saya, stories by Sofron Danilov and others. Currently, the language and style of folklore texts have been widely studied, but the issues of translating the texts of folk tales have not been specifically investigated. The relevance of the research topic is due to the need to develop translation strategies that could be used in the translation of folklore texts into Russian. The article deals with the methods of preserving the style and methods of transmitting the artistic component of folk prose by Aelita Shaposhnikova when translating Berezkin's book into Russian. The methods of transmitting stylistically marked vocabulary and high vocabulary (lexical elements of the «heroic», oral-poetic vocabulary), colloquial and stylistically reduced vocabulary (colloquial / swear words) by the translator, the use of Old Church Slavonic vocabulary and archaisms by the translator are described; words and expressions typical for the texts of Russian folklore are considered. Ways of translating a) expressive means: proverbs, phraseologisms, paired words are considered; b) compositional means: the reliability of what is being told, the techniques that make up the beginning of the work, retardation. Proof of the authenticity of the events included in the plot of people's legends are the songs of the heroes of the tales. The structure of the periodic constructions of the lyrics of the songs has been preserved, as well as for the transmission of Yakut folk music and the use of paired words, atypical in the Russian language, and in combination with the typical vocabulary of Russian folk songs. When translating folk legends about Manchary, Shaposhnikova preserved the artistic and pictorial features of the original: stylistically marked vocabulary, expressive and compositional means, features of oral speech, individual styles of narrators. Thanks to the excellent knowledge of folklore, history, ethnography, linguistics, the translator was able to convey the ethnic flavor of the narrators. Thanks to the excellent knowledge of folklore, history, ethnography, linguistics, the translator was able to convey the ethnic flavor of the audience. personal examples of verbal creativity about the folk hero of the Yakuts Manchary.

Keywords: Yakut language, language of folklore texts, style of folklore texts, translation of folklore texts, Yakut-Russian translation, methods of translation, stylistically marked vocabulary, expressive means, compositional means, methods of preserving the style, methods of transmitting the artistic component of folk prose.

Введение

Известный краевед И. Г. Березкин долгие годы собирал фольклорные материалы об историческом прошлом народа саха, в том числе легенды и предания о национальном герое Василии Манчаары. Книга «Манчаары – норуот номоор» («Манчары в преданиях народа») вышла в 1972 г. [1]. Работа основана на материалах, собранных фольклорными экспедициями различных научных организаций: Якутского филиала СО РАН СССР, краеведческого музея им. Емельяна Ярославского, кафедры якутского языка и литературы Якутского государственного университета. Материалы экспедиций хранятся в научных архивах России. Книга состоит из 3-х глав: 1 глава «Манчаары тас көрүгэ уонна кини олобун киэҥник көрдөрөр сэрэннэр» – «Внешний облик Манчары и повести с подробным его жизнеописанием», 2 глава «Манчаары Мэнэ уонна Ханалас улуустарыгар сырыылара. Хаайыттан куотуулар» – «Похождения Манчары в Мегинском и Кангаласском улусах.

Побеги Манчары из тюрьмы (перевод автора статьи)», 3 глава «Манчаары Саха сирин атын улуустарыгар сырыылара. Олобун тиһэх сыллара» – «Манчары в преданиях других улусов Якутии. Последние годы жизни Манчары (перевод автора статьи)».

В книге собраны 136 повестей, историй, песен, записанных с устных рассказов 95 человек. Под каждым текстом указаны фамилия, имя, отчество и место проживания информатора. Книга состоит из вступительной статьи Н. В. Емельянова «Образ Манчары в якутском фольклоре» [4, с. 3–20], тексты преданий [4, с. 23–340], примечания [4, с. 341–380].

В репертуаре народных преданий о Манчары можно выделить ряд сюжетно-тематических групп, среди них: 1) борьба Манчары против своего родственника Чочо; 2) борьба Манчары против гнета богачей; 3) побеги Манчары из заключений; 4) мечта Манчары о создании семьи (Бэрт Маарыйа, Күөх Кэтириинэ); 5) Манчары как поэт-импровизатор; 6) друзья и помощники Манчары. Отдельную группу представляют тексты песен Манчары. В книге И. Г. Березкина «Манчары в преданиях народа» включены 26 песен Манчары.

Народные предания, по С. В. Проппу, являются определенной и легко выделяемой областью народного творчества. Как пишет С. В. Пропп, рассказы об исторических личностях лучше называть преданиями или историческими преданиями, к которым, например, можно отнести фольклорные сюжеты о Разине, Пугачеве, о Петре 1, о декабристах и т. д. Отдельным пластом преданий являются сказы – рассказы очевидцев, воспоминания современников, истории об интересных встречах или необычных событиях. «(...) такие рассказы не всегда точны; переходя из уст в уста, они обрастают интересными вымышленными деталями, но сущность их все же состоит в передаче действительных фактов. В этом – специфичность этого жанра. (...) Строго говоря, сказы не обладают некоторыми признаками фольклора: они не создают общенародных, широко распространенных вариантов. Они рассказываются очевидцами, иногда пересказываются слушателями с отступлением деталей, но широкого народного хождения не получают» [2].

Народные предания о Манчары относятся к преданиям об исторических лицах, точнее к героическим сказам. Манчары является национальным героем якутского народа, о котором еще при жизни слагались много народных рассказов и песен о любимом герое. Позднее Манчары стал героем литературных произведений: драмы В. Никифорова – Кулүмнүүр, стихотворений Семена Данилова, С. Р. Кулачикова – Эллэя, Н. Михалевой – Сайа, рассказов Софрона Данилова и др.

Отличительной особенностью языка и стиля преданий является то, что предания имеют черты разговорного стиля, иногда просторечия. Как пишет А. А. Ципинов: «в силу основной, утилитарной функции преданий – познавательной, информативной – этот жанр не эстетический, т. е. произведения не преследуют целей художественного порядка» [3, с. 109]. Исследователи народной прозы отмечают, что в произведениях несказочной прозы, в частности преданиях, доминирует информативная функция. Предания с точки зрения сказителей и их слушателей передают «действительные», «реальные факты прошлого». Отсюда – самый главный критерий, предъявляемый ими к повествованиям, – достоверность.

Перевод книги И. Г. Березкина «Манчары в преданиях народа», выполненный А. Е. Шапошниковой, был издан в 1993 г. под названием «Сказы о Манчаары» [4]. В книгу вошли тексты преданий (всего 123) [4, с. 5–313], примечания [4, с. 283].

Как отмечает Ю. В. Лиморенко в статье о художественных приемах и стилистических средствах в переводе фольклорного текста, «собственно переводной фольклорный текст, в отличие от оригинала, своей стилистики не имеет; разница чисто научного (формального) и фольклористического (имеющего художественную функцию) переводов состоит

не в их стиле как таковом, а в подходе к отображению стиля оригинала. (...) В задачи комплексного издания фольклорного текста, несомненно, входит публикация именно такого перевода, полноценного с точки зрения и русского языка, и стилистики оригинала» [5, с. 5]. Переводчик киргизской эпопеи «Манас» на русский язык Н. В. Кидайш-Покровская пишет об особенностях перевода фольклорного произведения: «...перевод, сохраняющий характерные особенности подлинника, должен выполняться в том же стилистическом ключе, что и оригинальный текст, и при этом быть явлением русского языка» [6, с. 129–130].

Переходим к рассмотрению приемов сохранения стиля и методы передачи художественного компонента народной прозы А. Е. Шапошниковой при переводе на русский язык народных преданий о Манчары.

Как пишет Ю. В. Лиморенко, основными художественными приемами, доступными переводчику фольклорного текста являются: маркированная лексика – книжные, диалектные, устаревшие слова, словотворчество, кальки; выразительные возможности синтаксиса при передаче усложненных и эллиптических конструкций, ритмизация поэтического текста [5].

Перевод стилистически маркированной лексики

а) Высокая лексика. Несмотря на то, что язык и стиль преданий имеют черты разговорного стиля, в текстах народных сказаний о Манчары много случаев использования лексики высокого стиля – экспрессивных слов, оборотов, удвоенных, парных, образных слов, синтаксических конструкций – параллелизмов, встречающихся в фольклорных текстах, в частности якутском эпосе – олонхо. А. А. Ципинов пишет о происхождении понятия «героическое» как элемента народных преданий следующее: «Понятно, что содержание этого понятия разное в ту или иную эпоху и что оно меняется наряду с изменением жизни общества, мировоззрения народа и т. д. Т. е. героическое – категория историческая. Поэтому неудивительно, что содержание этого понятия в интересующем нас жанре проистекает во многом из предшествующей эпической традиции» [3, с. 61].

Одним из особенностей жанра исторических преданий является использование повествователями «поэтических приемов из общего фольклорного арсенала», прослеживание в тексте «общих мест» фольклорных произведений [3, с. 75].

В рассматриваемых нами текстах встречаются лексические элементы «героического», принадлежащие к особому функционально-стилистическому слою – лексике высокого стиля: *албан аат, дьоһун сурах* ‘громкое имя, звонкая слава’; *уһун суол, кэтит суол* ‘долгая дорога, широкая дорога’; *сүрэҕин сүлүйдүн, быарын манньыйдын, сыалыһар быарын курдук сымнаа, үүс киис тириитин курдук мөлбөй* ‘пусть сердце твое дрогнет, нутро смягчится, как печень налимя, как шкурка соболя’; *үтүө дьүһүн, чинг-чабаан тыл, ам-таннаах ас* ‘краса писаная, речи звучные, яства вкусные’ и т. д.

При переводе высокой лексики А. Шапошниковой использованы способы дословного перевода, семантического перевода, способ замены, описательный способ и др.

Дословный перевод (калькирование) – слово переводится соответствующими элементами переводящего языка: *Кэнэбэски кэмнэргэ кэнчээри ыччаттар даҕаны кэриэстии көрүүхтэрэ, кэпсээн оностуохтара. Ол курдук икки омук ааттаахтара, аргыстаһан кэлэн баран, арахсыбыт сирдэрэ диэхтэрэ* [1, с. 70]. ‘Пусть люди грядущих поколений, увидев наши знаки, помянут словом добрым. Пусть скажут – вот оно, то место, где разошлись пути-дорожки славных сынов двух народов’ [4, с. 55-56]. Здесь переводчик, пользуясь способом калькирования *албан ааттаах, дьоһун сурахтаах* ‘знаменитый, достославный’, генерализации *кэнэбэски кэмнэргэ кэнчээри ыччаттар даҕаны кэриэстии көрүүхтэрэ, кэпсээн оностуохтара*. ‘Пусть люди грядущих поколений, увидев наши знаки, помянут

словом добрым'. Ол курдук икки омук ааттаахтара, аргыстаһан кэлэн баран, арахсыбыт сирдэрэ диэхтэрэ. 'Пусть скажут – вот оно, то место, где разошлись пути-дорожки славных сынов двух народов', а также приемом словотворчества 'пути-дорожки', передает определенную атмосферу фольклорного текста.

Другой пример использования способа калькирования: *Онуоха туран Манчаары доборуттан ыйыппыт: – Дьэ, добоор! Бу биһиги иккиэн даҕаны мунҥа буллараммыт, эрэйгэ эрчиллэммит, кыһалҕаба кыбылламмыт, бачча тухары аргыстаһан сылдьан бараммыт, арахсар күммүт дьэ тирээн, тиийэн кэллэ. Онон эн миэхэ ол албан ааккын, дьоһун сураххын этэн иһитиннэр, оннук ааттаах киһини кытары аргыстаһан сылдьыбытым диэн, кэнники кэриэстии саныы сылдьыам этэ, – диэн [1, с. 70]. 'Прощаясь, Манчары спросил: – Друг мой! Долгий, полный опасностей и трудностей путь мы с тобой прошли. Пришел срок расстаться, может, и навек. Назови же мне свое славное имя, расскажи, кто ты есть, чтобы мог я потом вспоминать тебя' [4, с. 56].*

Семантический перевод, при котором смысл понятия передается другими словами: *сүрэбин сүлүйдүн, быарын манньыйдын, сыалыһар быарын курдук сымнаа, үүс киис тириитин курдук мөлбөй 'пусть сердце твое дрогнет, нутро смягчится, как печень налимыя, как шкурка соболя'.* В этом примере глагол *сүлүй* (смягчится (досл. пер.) (диалект) переведен глаголом *дрогнет*, фразеологизм *быарын манньыйдын* (в значении 'растрогаться') переведен словосочетанием *нутро смягчится*.

Перевод способом замены, при котором используются близкие по смыслу слова: *икки атахтааҕы үрүҥ тыынын өлөрөргө үлүһүйбэт, сылаас тыынын быһарга сытыырхайбат, үрдүк танараҕа айыыны саныыр, бар дьонго аатын харыстанар, үчүгэй сүрэхтээх, ыраас санаалаах киһи диһллэр 'сказывают, что ты не убийца и не душегуб, что не хочешь быть грешным перед богом, бережешь свою честь перед людьми; говорят еще, что сердце у тебя доброе, а совесть чистая'.* Здесь синтаксический параллелизм '*икки атахтааҕы үрүҥ тыынын өлөрөргө үлүһүйбэт, сылаас тыынын быһарга сытыырхайбат*' заменен близкими по смыслу словами '*не убийца и не душегуб*'.

Наблюдается семантический перевод синтаксических параллелизмов простым предложением, но сокращенно передающим смысл высказывания: *өһүөннээх өйү өйдөнөн, хатан санааны сананан, ыар ыалдьыт, нүһэр хоноһо буола аат ааттаан кэл –* Здесь четырехчленный параллелизм переведен сокращенно, приблизительно, но с передачей содержания предложения: '*Затаил обиду и нарочно приехал, чтобы рассчитаться*'.

Или: *Баламат баай, дохсун тойон сорумматтах суола, санамматтах санаата.* В этом предложении синтаксический ряд '*сорумматтах суол, санамматтах санаа*' переведен одним предложением '*не додумывался*': *Не додумывался ни один из дерзких богатеев и могущественных тойонов.*

Синтаксический параллелизм является особенностью синтаксиса якутского эпоса – олонхо. При переводе таких конструкций переводчиком использован в основном сокращенный приблизительно перевод, соответствующий синтаксису переводящего языка.

б) *Использование переводчиком старославянской лексики и архаизмов.* В переводе сказов употреблены слова русской разговорной лексики для воссоздания национально-исторической специфики эпохи сказов о Манчары. Например: *А коль не доживу и помру без отмщения, пусть дух мой, пролетая, проплачет мой привет тебе. «Я прощаю тебя на сей раз, потому как попался ты на воровстве впервые. Но гляди, если украдешь вторично, спуску не будет. Немедля проваливай отсюда и никогда больше у нас не появляйся!»* [4, с. 53]. *Завтра, по слухам, нас закуют по рукам и ногам в железные кандалы и отпра-*

вят на морской остров, на настоящую каторгу. Потому бежать надо только сегодня [4, с. 55]. Слыхал, приятель, что Манчары снова из тюрьмы убежал? Говорят, он в этих местах? Использование типичных для текстов русского фольклора старославянской лексики и архаизмов 'коль', 'сей раз', 'отмщения', 'немедля', 'слыхал' и др., облегчает восприятие переводного текста.

в) Использование переводчиком типичных для текстов русского фольклора слов и выражений, приемов: *Жил некогда довольно бедный человек по имени Федор Быттаны (Ку-осаны) – младший брат богача Чочо. От последнего брака он имел единственного сына. Родился мальчик под осень, когда на лугах выросла отава и по берегам озер стала поспевать осока, по этим приметам его сперва назвали Кэнчэри (отава), затем Манчары, и лишь после крещения он получил имя Василий [4, с. 171]. Как-то раз пошел Манчары в тайгу пострелять зайцев и нечаянно наткнулся на седовласого старца по имени Топ Сутурук, известного в Догдого вора, который жарил на рожне мясо забитой им трех-травой нетели из стада Чочо... Сидит старик и кромсает тушу ножом с длинным, в пядь и два пальца, лезвием, выкованным из стали и снабженным желобком для стока крови, крепко держа его за ручку из кости, богато украшенной резьбой [4, с. 172]. И пошла тогда гулять его разбойничья слава: начал он скрываться, жить в бедняцких хлевах, строить в тайге убежища, попадать в остроги, убежать, грабить, насиловать, избивать богачей-мироедов, находить себе друзей и сообщников, увозить байское добро выюками, одаривая и порой обогащая бедняков [4, с. 173]. Трижды его ссылали на каторгу, и трижды он сбежал, и лишь потом, под старость, он попросился на поселение в Вилуйский округ, стал наследным князем [4, с. 173] Сбежал как-то Манчары с каторги. Нелегкий путь через чуждаемые леса и доли проделал он, чтобы вернуться на родину и убить во что бы то ни стало своего богатого родственника Чочо, тяжело оскорбившего и унижившего его [4, с. 175]. Здесь также использованы типичные для текстов фольклора приемы, составляющие зачин произведения (жил некогда, как-то раз и т.д.), инверсия (сидит старик, родился мальчик и т. д.).*

В переводе сниженной лексики отмечаем следующее:

а) *Разговорная и стилистически сниженная лексика (просторечные / бранные слова)*

В текстах фольклорных произведений отдельным пластом выделяется эмоционально-экспрессивная, эмоционально-оценочная, окказиональная лексика. В книге «Манчаары норуот номоһор» лексика сниженного стиля используется для передачи социальной и психологической характеристики персонажей, эмоционального состояния, отношения к адресату. Как отмечается, перевод стилистически маркированной лексики вызывает некоторые трудности, так как имеет свою национальную специфичность, эмоциональную насыщенность и семантическое богатство.

Для передачи значений слов сниженной лексики в рассматриваемых текстах используются следующие способы:

1) Значение эмоционально-оценочной лексики передается словом с соответствующим значением, способом семантического калькирования: *Бу оттоку оронно ханнык уол киһи рэн дьохтонон олороруй? ... Эккэй, хара ыт! (С. 20) 'Это что за мальчишка развалился на среднем ороне?! Вот черный пес!' [4, с. 10].* Глагол *дьохтон* со значением усаживаться основательно, облюбовав удобное место в Большом толковом словаре якутского языка (далее – БТСЯЯ) имеет помету «разговорное», выражение *хара ыт* (досл. черная собака) дается с пометкой «бранное» [7, с. 591].

Также в Большом толковом словаре русского языка (далее – БТС РЯ) глагол *развалился* имеет помету «разговорное», существительное *пес* – «разговорное, бранное» [8].

Как видим, перевод на русский язык передает стилистические характеристики выражений *дьохтон*, *хара ыт*, сохраняется эмотивный смысл (сема «презирание»).

Далее приведем примеры перевода эмоционально-оценочной лексики словами с соответствующими значениями, способом передачи слов их прямыми лексическими значениями: *Эн, түөкүн! Уора, ыалы халыы бараргар син хаамарын буолуо, сылкаттан күрүүргэр маннааҕар буолуох сүүһүнэн көс сири син хааман кэлбитин буолуо. 'Варнак! Небось, когда воровал и грабил, ноги держали тебя, а когда со ссылки убежал – небось, не одну сотню кес пешком отмахал'* [4, с. 43]. *Көр, бу ыт үрдэбин истинг эрэ, от бу баар!* [1, с. 28]. *'Слышали, как лает этот щенок? Сейчас ты у меня получишь сена'* [4, с. 10]. *Эн туох маннык, туох да сыаната суох дьүлэй кун, аар акаары буолан барангын, тоҕо чаччыына буолан тарайа сылдьар эрэйдээххиний?* [1, с. 59]. *'Как это тебя, такого бестолкового и безжалостного дурака, могли назначить старшиной?'* [4, с. 43].

2) Значение эмоционально-оценочной, экспрессивной лексики передается описательным способом: *Ону кулуба эмээхсинэ хоннобун анныгар кириэх курдук өрө-сала көтөн кэпсэтэ сылдьан (...)* [1, с. 262]. *'Старуха, увидев его кисет, обомлела и, расточая ласковые речи, чуть за пазуху к нему не залезла (...)* [4, с. 257]. *Манчаары Өлтөк баайа сэттэ уоллаах Тангараһыт Мэхээлэ Куобарапка, Үрэх тамаҕа диэн сиргэ күннээн-тиргийтээн олордобуна, «ыалдьыт» буолан сылдьаары, ыадастан тийибит* [1, с. 263]. *'Однажды Манчары нагрязнул «в гости» к ольтекскому богатею Михаилу Говорову – Тангарасыту, что жил в свое удовольствие в урочище Юрях Тамага'* [4, с. 258]. *Биир сайын, күндүл күн күрүлэс куйааһы түһэрэ турдаҕына, Манчаары Баһылай собурууттан күрээн кэлбит үһү диэн дьон-сэргэ ортотугар сурах тарбаммыт* [1, с. 266]. *'В одно знойное лето, когда стояли ясные, погожие дни, прошел слух, что Манчары снова сбежал из далекой южной тюрьмы'* [4, с. 262].

Как видно из примеров в произведении для архаизмов, диалектизмов, эмоционально-окрашенной лексики, изобразительных слов, лексики сниженного стиля переводчик А. Е. Шапошникова сумела подобрать эквивалентные способы передачи их семантики.

Перевод выразительных средств

а) *Фразеологизмы.* А. В. Кунин выделяет два способа перевода фразеологизмов:

1) фразеологический перевод, когда применяются устойчивые единицы различной степени близости между соответствующими единицами (...) языков (метод фразеологического эквивалента и метод фразеологического аналога); 2) нефразеологический перевод (свободный, описательный): лексический перевод и дословный перевод (калькирование) [9, с. 183].

Перевод фразеологизмов в рассматриваемом материале выполнен методом фразеологического эквивалента, в котором применяются устойчивые единицы различной степени близости между соответствующими единицами двух языков (от абсолютного эквивалента до приблизительного соответствия) [10, с. 10]: *Уонна хайдах эрэ, икки атахтаах эндиэтэ суох буолбатын быһыытынан, сыһа-халты сылдьан кэбиһэнгин, бу маннык эрэйгэ сырыттабын буолуо* [1, с. 65]. *'Людей без недостатков не бывает. Так и ты терпишь муки и лишения из-за того, что нечаянно сбился с верного пути'* [4, с. 50]. *Хата, онтукам баара сымыыттааҕар бүтэй, балыктааҕар кэлэҕэй, оттооҕор намыһах киһи эбиккин дуу?!'* [1, с. 69]. *'Неужели ты немее рыбы, тише воды да ниже травы?!'* [4, с. 55]. *Хайа, бу кимнээх кэлэннит, бачча уолуккутунан тыынан, киһи тахсыар тийбэккэ ааны хайыта сыстыгыт?* [1, с. 283]. *'Кто ломится в дверь, кому там неймется – разве нельзя подождать, пока я выйду?'* [4, с. 281]. *Биир эмит ырыаны ылаан бизэрэммин көхсүбүн*

быарбын дьэнкэрдиэх этим [1, с. 212]. ‘Возможно спел бы песню умилил бы свое сердце и утешил душу’ [4, с. 257].

б) *Пословицы*: при переводе пословиц из текстов народных преданий о Манчары используются следующие способы:

1) Описательный способ перевода. Значение пословицы передается описательным способом: *Биэрэрин бэскэ ыйаабыт кэччэгэй баай* [1, с. 231]. ‘Скупой богач, который напрочь забыл, что значит помогать ближнему’ [4, с. 252]. *Ол омук аналлара биһиэхэ олоруохтара дуо!* [1, с. 262]. ‘Разве останутся они с нами?! Девичья доля на чужбине жить!’ [4, с. 258]. *Сүһүөхтээх бүдүрүйбэт, тыллаах кэлэбүйдээбэт буолбат* [1, с. 260]. ‘Нету существа, которое бы не спотыкалось, нет и человека, который ни разу б не заикнулся’ [4, с. 255].

2) Семантический способ перевода. Использование слов с соответствующими значениями: *Өс хоһооно кизгэллээх, саҥа дорбоонноох диһлэринии* [1, с. 260]. ‘Пословица не без присказки, язык не без прикрас’ [4, с. 255]. *Оҕом Манчаары Баһылай, суохтаабы халаабыт, аттаахтан кымньытын, сатыыттан тайабын былдыабыт сурабын суоҕа* [1, с. 291]. ‘Манчары, дитя мое, отродясь не слыхал я раньше, что ты обираешь нищих, отнимаешь у конного плетку, забираешь у пешего посох’ [4, с. 289–290]. *Мин төһө да Манчаары түөкүн диэн аатырбытым иһин, изгэйэр икки атахтаабы, иннинэн сирэйдээби өлөрбөккө, кыа хаанын тохпокко, чэгиэн этин сэймэктээбэккэ сылдьан бу күн сириттэн арахсар санаалаах сылдыабын* [1, с. 292]. ‘Хоть и слышу я отпетым злодеем, а всю жизнь пекся только об одном – как бы не убить ненароком хоть одного двуногого, не пролить невинную кровь, не изувечить человека’ [4, с. 291].

в) Парные слова: Перевод парных слов словами с соответствующими значениями: *Манчаары, эмиэ дойдутугар кэлэн, аан маннай бэйэтин төрөөбүт-үөскээбит алааһыгар Арыылаахха кэлэн, сытан-олорон, ытаан-сонгоон баран, эмиэ, куолутунан, бэйэтин доҕотторугар-атастарыгар саһан, хорҕойон олорбут* [1, с. 71]. ‘Вернувшись на родину, Манчары опять пришел на алас Арылах и, проведя там в тоске и печали не один день, по заведенному обычаю укрывался у многочисленных приятелей’ [4, с. 56]. *Уна оронно олорон Манчаары сизбиттэн араас кизгэллээх, көмүстээх-дьэрэкээннээх саппыйаны таһааран табаах таппыт* [1, с. 262]. ‘Манчары вынул расшитый серебром кисет и закурил’ [4, с. 257]. *Дьэ, бу тиийэн кэлибит көстөр дьүһүнэ үчүгэйинэн күөх окко, күөх мутукчаа холоммут, өйдөөх-санаалаах үтүөтэ Күөх Кэтиринэ сүүрбүт-көппүт, оонньообут-көрүлээбит кэрэ хонуутугар* [1, с. 276]. ‘Видишь какое чудное поле? На нем когда-то девочкой резвилась славная Катерина Кюех, которую народ сравнивал за красоту и обаяние с молодой хвоей’ [4, с. 274].

г) *Композиционные средства*

В народных преданиях широко используются приемы достоверности рассказываемого следующими клише: «диһлэр» ‘говорят’, «кэпсиһлэр» – ‘рассказывают’, сочетанием глагола и частицы *үһү / эбит*. Такие приемы предваряют повествование, составляя зачин произведения, или встречаются в виде вставок, отступлений в ходе повествования (прием ретардации) [3, с. 112].

Примеры приемов, составляющих зачин произведения и их перевод: *Манчаары Ханалас улуһугар Көлөт Нөөрүктээйитигэр дьадаҥы кэргэннэ төрөөбүтэ үһү* [1, с. 197]. ‘Утверждают, что Манчары родился в Келете Нерюктяйского наслега Кангаласского улуса, в семье бедняка’ [4, с. 189]. *Уруккута Догдоҥо нэһилиэгин баайа Дьүккүйэр Баана диэн киһи Бээдэ Кыһа диэн сиргэ олорбут эбит* [1, с. 190]. ‘Рассказывают, что некогда в местности Бээдэ Кыса жил догдогинский богач Джюккюер’ [4, с. 181]. *Бу Чоочо баай былыр чугастаабы нэһилиэгин сирин-дойдун олоччу бэйэтэ күүһүнэн, сэн-сэбиргэл*

туттан, бас билэн олоорто үһү [1, с. 183]. ‘Про богача Чочо говорят, что он единовластно правил землями окружающих наслегов, не стесняясь применять силу и даже оружие’ [4, с. 174].

Примеры приема ретардации – вставки, отступления в ходе повествования и их перевод: *Ол күрүүлэр остуолбаларын уот сизн кэриэппит төрдө уонна отун күлэ тордобурбуттара билингэ диэри сытар дишлэр ээ* [1, с. 183]. ‘Говорят, обугленные столбы городьбы, некогда окружавшей те сенные зароды, до сих пор валяются на земле, а рядом можно найти окаменевшие куски’ [4, с. 172].

Чем ближе во времени и пространстве окажется к самому событию сообщивший о нем, тем достовернее считается рассказ [3, с. 113]. В частности, для подтверждения достоверности повествования в рассказ включаются топонимы, гидронимы, антропонимы, имена собственные: *Былыр, уон ахсыс үйэбэ, Илин Ханалас улууһугар Нөөрүктээйи нэһилиэгэр үөскээн-төрөөн олорбуттар ини-бии дьон: Суо Бытык диэн киһи уонна Киһилээн Куохаан диэн* [1, с. 23]. ‘В старину, в восемнадцатом веке, в Нерюктяйском наслеге Восточно-Кангаласского улуса родились два брата: Суо Бытык и Кисилэн Куохан. Если б им пришлось жить в одном месте, то звались бы они родовичами Матарского рода’ [4, с. 5]. *Ол курдук, Дмитриев уонна Степанов сэхэннэринэн, Догдонго нэһилиэгэр Паана Захаров (Дьүккүйэр) диэн баай киһи олорбут* [1, с. 31]. ‘По свидетельству Г. Дмитриева и Н. Степанова, в те годы в наслеге Догдого жил богачей Захаров Пана /Джюккюер/’ [4, с. 14].

При переводе топонимов, гидронимов, антропонимов наблюдается использование переводчиком способа транскрипции: Чүүйэ ‘Чюя’, Күтэр Саахтаах ‘Кютэр Сахта’, Далла Күрүү ‘Далла Керюе’, Үс Көлүэ ‘Юс Келюйэ’, Моҕотой Аартыга ‘Моготой Артыга’, Ураанайдаах ‘Уранайдах’, Хатыннаах ‘Хатыннах’, Арыылаах алаас ‘алас Арылах’, Хара Сыһыы ‘Хара Сысы’, Ат Хаайбыт ‘Ат Хайбыт’, Хоһуун ‘Хосун’, Мэлдьэхси ‘Мельжэхси’, Аранастаах сайылык ‘сайылык Арангастах’, Хатыннаах Халдьаайы ‘холм Хатыннах Халджайы’, Ат Хаайбыт ‘урочище Ат Хайбыт’, Бэдэ кыһа алаас ‘алас Бэдэ Кыса’ и т. д.

Перевод имен собственных также произведен способом транскрипции: Дьүккүөр Баана баай ‘богач Джюккюер Баана’, Чоочо ‘Чочо’, Киһилээн Куохан ‘Кисилэн Куохан’, Быттаны ‘Быттаны’, Кэнчээри ‘Кэнчэри’, Дьөгүүр Оҕо ‘Егор Ого’, Кыыс Маайа ‘Кыс Майя’, Кыһыл Кыыс ‘Кысыл Кыс’, Чэнкэ Настаа ‘Настасья Ченке’, Моонньоҕон ‘Моннегон’ и т. д. Имена собственные божеств, духов переведены также способом транскрипции: ‘богиня-хозяйка земли Ниджир Бай Хотун’, ‘дух-покровитель пастбищ Толон Бай Тойон’, ‘Юрюнг Кюскэс – владелец пугливых белых коров’, ‘госпожа узорчато-пестрых коров Сабыйа Бай Хозяйка’, ‘госпожа Эбириэччин Бай – покровительница бахромчато-пестрых коров’, ‘госпожа Керюе Бай – хранительница рыжеполосатых коров’, ‘господин Анды Кунай Повелитель белобоких коров’, ‘Покровитель пастбищ господин Толон Бай’.

Некоторые собственные имена переведены способом транслитерации, то есть использован прием воссоздания исходной лексической единицы с помощью фонем переводящего языка. Например, Суо Бытык, Мария Бэрт, Баххах, Додор, Боллос и т. д.

Перевод песен Манчары

Доказательством достоверности событий вошедших в сюжет народных преданий служат песни героев сказаний. Если о событии или герое существует не только предание, но и песня – это лишнее доказательство подлинности рассказываемого [3, с. 114]. Как мы отметили ранее, в книге И. Г. Березкина «Манчары в преданиях народа» включены 26 песен Манчары, которые бережно сохранены народными певцами. Исследователями отмечено,

что Манчары являлся талантливым поэтом-импровизатором и олонхосутом. Основными темами его песен, включенных в данную книгу, являются – любовь к Родине, ненависть к богачам, в частности к своему родственнику Чочо, тяжелая судьба.

Как пишет А. М. Готов: «...песенный текст нередко представляет собой выражение эмоционально-экспрессивной реакции на событие. (...) Данное обстоятельство, как можно бы полагать, должно было благоприятствовать появлению в песне общих мест, формул, характерных для героико-эпических произведений многих народов» [11, с. 64]. Так, песни, по преданиям, были спеты Манчары в основном как прощальные песни перед заключением в тюрьму или как приветственные при возвращении в родные места: «Манчаары Охотскайтан кэлиитэ» – «Возвращение Манчары из Охотска», «Манчаары бырастылаһар ырыата» – «Прощальная песня Манчары», «Манчаары тутуллаһ баран иһэн Бүөгүр дьаа-мыгар ыллаабыт ырыата» – «Песня, спетая Манчары на станке Бюегюр по дороге в тюрьму», «Манчаары ырыата (Бэрт Маарыйаҕа тутуллаһ баран ыллаабыт)» – «Песня Манчары (спетая после поимки в доме Марии Бэрт)», «Манчаары ырыата (хаайыттан күрээн кэлэн баран Арыылаах диэн төрөөбүт алааһыгар олорон ыллаабыт ырыата)» – «Песнь Манчары (спетая после побега из тюрьмы, сидя в аласе Арылах)», «Манчаары хаайыга олорон ыллаабыт ырыата» – «Песня, которую сложил Манчары, сидя в тюрьме» – «Песня, которую Манчары сложил, плывя на плоту по реке Лена».

Любовь Манчары к родному краю, природе сложена в песнях, созданных в форме традиционной народной поэзии якутов. Например:

*Көтөбөлөрдөөх тыалардаах,
Көмнөхтөөх тииттэрдээх,
Күөх унаар хонуулаах,
Көлүкэчээн күөллэрдээх
Көлөттүүр эбэкэм!*

*Как в Келете-бабушке моей
Леса устланы ковром-хвоей,
Да в снега укутаны зимой;
Нет лугов просторней наших,
И озер прекрасней нет!*

[1, с. 121] [4, с. 107]

В этом отрывке использованы повторы слов, образованных добавлением аффиксов множественного числа *-лөр, -лар, -тэр*, аффиксов имени прилагательного *-дөөх, -даах, -төөх, -дээх, -лаах, -дээх*, вставление лишних слогов *-чээн, -түүрэ (көлүкэчээн, Көлөттүүрэ)*, тем самым достигается особенный ритм якутской песни – тойук.

В переводе использован способ словотворчества: имя собственное *Көлөттүүрэ* + эффемизм *эбэкэм* (досл. бабушка Келет) переведен образованием нетипичных в русском языке парными словами *Келет-бабушка*, а параллелизм *Көтөбөлөрдөөх тыалардаах, Көмнөхтөөх тииттэрдээх* переведен также парными словами «*ковер-хвоя*». Использование при переводе таких парных слов в сочетании с типичной лексикой русских народных песен: местоимением «*как*», частицей «*да*», повтором слов «*нет*» передает темп якутской народной музыки.

В народных преданиях рассказывается о неисполненной мечте Манчары о создании семьи с любимой женщиной. Об этом отметил в предисловии книги И. Березкина Н. В. Емельянов [1, с. 13]. Распространенными в народе и художественно оформленными преданиями являются сказы о встрече Манчары с красавицей Марии Бэрт. Во всех вариантах этих сказов кульминационным моментом является песня Манчары, посвященная Марии Бэрт. Песни различаются по содержанию, так в некоторых песнях Манчары сетует о своей тяжелой судьбе, а в некоторых песнях упрекает женщину за донос, но как отмечает Н. В. Емельянов, он надеется на лучшее будущее [1, с. 14]. Рассмотрим перевод одного варианта песни Манчары, посвященной Марии Бэрт:

Дьэ-буо!
 Син мин даҕаны
 Сир-ийэ симэһинэ этим,
 Күн-хаан кинитэ этим,
 Иэйэхсит хотун оҕото этим,
 Айыыһыт хотун аймаҕа этим!
 Дьэ миигиттэн,
 Сидьинг өлүү курдук, сиргэнимэн,
 Сотуун өлүү курдук куттаныман!
 Бэрт Маарыйа барахсан,
 Бэрт аатын
 Биэс улууска тэнийдэ,
 Албан аатын
 Аҕыс улууска тарбанна.
 Ону көрөөрү, оҕо киһи
 Обуннаахтык сананан
 Ойон тиийэн кэлбитим –
 Ыалдьартан илии арахпат,
 Кэрэттэн харах арахпат.
 Өлөрө-өһөрө кэлбэтэҕим –
 Өтүүгүн өһүлтэрэн өрүүһү,
 Былдыы-халыы кэлбэтэҕим –
 Быаҕын сүөрдэрэн быһаа!

Джэ-буо!
 Доводилось и мне
 Быть соком земли-матушки,
 Быть сыном солнца-батушки,
 Быть чадом почтенной госпожи Иэйэхсит,
 Приходиться родней дорогой госпоже Айысыт!
 Не чурайтесь меня
 Нет у меня заразы скверной,
 Нет у меня и язвы сибирской!
 Славная Мария Бэрт,
 Равной тебе
 Нет в пяти улусах,
 Другой достойной такой
 Нет в восьми улусах
 Есть присказка одна
 Рук от раны не отнять,
 Глаз от красоты не оторвать.
 Как узнал я о тебе, тотчас,
 Голову сломя, побежал поглядеть.
 Не хотел я тебя убивать
 Прикажи веревки развязать,
 Не желал я тебя обобрать
 Повели от пут освободить!

[1, с. 177–188] [4, с. 178-179]

Как видно, здесь приведен яркий пример традиционной поэзии якутов, где использованы анафора, аллитерация, устойчивые эпитеты, синтаксический параллелизм. Устойчивые эпитеты переведены способом семантического перевода: *сидьинг өлүү* ‘зараза скверная’, *сотуун өлүү* ‘язва сибирская’, *биэс улуус* ‘яты улусов’, *аҕыс улуус* ‘восемь улусов’. Парные слова переведены также парными словами с соответствующими значениями: *сир-ийэ* ‘земля-матушка’, *күн-хаан* ‘солнце-батушка’. Добавление украшающих эпитетов переводчиком в именах собственных божеств «почтенная» («почтенная госпожа Иэйэхсит (Иэйэхсит хотун)»), «дорогая» («дорогая госпожа Айысыт (Айыыһыт хотун)») украшает текст песни. Якутская поговорка «Рук от раны не отнять, Глаз от красоты не оторвать» отмечена предложением в виде примечания переводчика: «Есть присказка одна».

В тексте песни использованы сложные синтаксические конструкции (период, параллелизм синтаксических конструкций), представляющие собой семантико-структурное единство, образованные простым или сложным предложением, характерные для синтаксиса фольклорных поэтических текстов [12]. Периодичные предложения состоят из интонационно противопоставленных частей, так разделяются – *протазис*, характеризующийся повышением, восходящим движением тона, и *аподозис*, характеризующийся понижением, нисходящим движением тона, и, с точки зрения содержания, представляющий вывод или следствие из того, о чем говорилось в протазисе [13].

Перевод предикативного периода простого предложения можно увидеть в следующем отрывке: *Син мин даҕаны Сир-ийэ симэһинэ этим, Күн-хаан кинитэ этим, Иэйэхсит хотун оҕото этим, Айыыһыт хотун аймаҕа этим! Доводилось и мне Быть соком земли-матушки, Быть сыном солнца-батушки, Быть чадом почтенной госпожи Иэйэхсит, Приходиться родней дорогой госпоже Айысыт!*. При переводе сохранена структура данной

периодичной конструкции, которая представляет собой простое предложение, разделенное на две части: протазис – подлежащее, выраженное местоимением 1 лица, ед. числа *мин* с частицей *даваны* переведено сочетанием аналогичного местоимения 1 л., ед.ч. с частицей *и* и глагола *доводилось*, аподозис – четырехчленный параллелизм именных сказуемых, выраженных изафетными сочетаниями с частицей *этим* переведены аналогичными частями речи (*Сир-ийэ симэһинэ* ‘сок земли-матушки’, *Күн-хаан кунитэ* ‘сын солнца-бабушки’, *Иэйиэхсит хотун оҕото* *этим* ‘чадо почтенной госпожи Иэйиэхсит’, *Айыһыт хотун аймаҕа* *этим* ‘родня дорогой госпоже Айыһыт’). В данном примере стремление Манчары к счастливой жизни представлено параллелизмом именных сказуемых, имеющих общую семантику ‘я тоже достоин любви красивой женщины’.

Повторение сказуемых в аподозисе следующей периодической конструкции *сиргэнимэн, куттаныман* усиливает просьбу героя относиться к нему без страха и презрения: *Дьэ мигиттэн, Сидьинг өлүү курдук, сиргэнимэн, Сотуун өлүү курдук куттаныман! ‘Не чурай-теся меня Нет у меня заразы скверной, Нет у меня и язвы сибирской!’*

Так, при переводе на русский язык песен Манчары, включенных в книгу И. Березкина, переводчиком сохранена форма традиционной якутской поэзии с устойчивыми эпитетами, синтаксическими параллелизмами.

Заключение

При переводе стилистически маркированной лексики, использованной в текстах народных преданий о Манчары, можно отметить следующее:

- лексика высокого стиля переведена способами дословного перевода (калькирование), семантического перевода, замены, описания, генерализации, приемом словотворчества, что помогает передать атмосферу фольклорного текста;
- использованы старославянская лексика и архаизмы, типичные для текстов русского фольклора слова, выражения и некоторые приемы для облегчения восприятия переводного текста русскими читателями;
- значение эмоционально-оценочной, экспрессивной лексики передается семантическим и описательным способами перевода;
- при переводе выразительных средств: фразеологизмов, пословиц, парных слов применяются устойчивые единицы различной степени близости между соответствующими единицами двух языков (от абсолютного эквивалента до приблизительного соответствия), использованы описательный, семантический способы;
- композиционные средства: приемы, составляющие зачин произведения – вставки, отступления в ходе повествования (прием ретардации) сохранены максимально;
- при переводе песен Манчары сохранена структура периодических конструкций текста песен, также для передачи темпа якутской народной музыки использованы нетипичные в русском языке парные слова в сочетании с типичной лексикой русских народных песен.

Таким образом, мы приходим к выводу, что народным преданиям о Манчары в основном присущ разговорный стиль повествования с преобладанием простых предложений, но с использованием фольклорных формул, что сближает их с жанрами традиционной якутской эпической культуры.

При переводе народных преданий о Манчары А. Е. Шапошниковой сохранены художественно-изобразительные особенности оригинала: стилистически маркированная лексика (лексики высокого и разговорного стилей), выразительные и композиционные средства, особенности устной речи, индивидуальные стили рассказчиков. Благодаря прекрасному знанию фольклора, истории, этнографии, лингвистики переводчик смог передать этнический колорит уникальных образцов словесного творчества о народном герое якутов Манчары.

Литература

1. Манчаары норуот номоҕор / составитель И. Г. Березкин. – Дьокуускай : Саха сиринээҕи кинигэ изд.-та, 1972. – 382 с.
2. Пропп, С. В. Жанровый состав русского фольклора / С. В. Пропп. – URL: <https://drevne-rus-lit.niv.ru/drevne-rus-lit/propp-folklor-idejstvitelnost/zhanrovij-sostav-russkogo-folklor.htm> (дата обращения 12.12.2022).
3. Ципинов, А. А. Народная историческая проза адыгов / А. А. Ципинов. – Нальчик : Эльпа, 2000. – 155 с.
4. Сказы о Манчары : Предания якутского народа о знаменитом бунтаре и благородном «разбойнике» Манчары, жившем в начале XIX века / составитель И. Г. Березкин ; перевод А. Е. Шапошниковой. – Якутск : Якутское книжное издательство, 1993. – 350 с.
5. Лиморенко, Ю. В. Художественные приемы и стилистические средства в переводе фольклорного текста : к вопросу об эстетической функции перевода / Ю. В. Лиморенко // Сибирский филологический журнал. – 2017. – № 2. – С. 5 – 13.
6. Кидайш-Покровская, Н. В. Перевод тюркоязычных памятников в Академической серии : Фольклор. Издание эпоса / Н. В. Кидайш-Покровская. – Москва : Наука, 1977. – С. 129 – 130.
7. Большой толковый словарь якутского языка. – Новосибирск : Наука, 2017. – 591 с.
8. Кузнецов, С. А. Большой толковый словарь русского языка / С. А. Кузнецов. – Санкт-Петербург, 2006.
9. Кунин, А. В. Фразеология современного английского языка / А. В. Кузина. – Москва : Международные отношения, 1996. – С. 183.
10. Логан, П. Смит. Фразеология английского языка / Логан. П. Смит. – Москва : Просвещение, 1959.
11. Гутов, А. М. Историко-сравнительная поэтика / А. М. Гутов // Героико-исторический эпос народов Северного Кавказа. – Грозный, 1988. – С. 6.
12. Убрятова, Е. И. Исследования по синтаксису якутского языка. II. Сложное предложение. – [Книга 2-я] / Е. И. Убрятова. – Новосибирск : Наука. Сибирское отделение, 1976. – 379 с.
13. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под редакцией М. Н. Кожинной. – Москва : Флинта : Наука, 2003 – 696 с.

References

1. Manchaary noruot nomoҕor / sostavitel' I. G. Berezkin. – D'okuuskaj : Saha sirineeҕi kinige izd.-ta, 1972. – 382 s.
2. Propp, S. V. Zhanrovij sostav russkogo fol'klora / S. V. Propp. – URL: <https://drevne-rus-lit.niv.ru/drevne-rus-lit/propp-folklor-idejstvitelnost/zhanrovij-sostav-russkogo-folklor.htm> (data obrashcheniya 12.12.2022).
3. Cipinov, A. A. Narodnaya istoricheskaya proza adygov / A. A. Cipinov. – Nal'chik : El'pa, 2000. – 155 s.
4. Skazy o Manchary : Predaniya yakutskogo naroda o znamenitom buntare i blagorodnom «razbojnikе» Manchary, zhivshem v nachale XIX veka / sostavitel' I. G. Berezkin ; perevod A. E. SHaposhnikovoj. – YAkutsk : YAkutskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1993. – 350 s.
5. Limorenko, YU. V. Hudozhestvennye priemy i stilisticheskie sredstva v perevode fol'klornogo teksta : k voprosu ob esteticheskoi funkcii perevoda / YU. V. Limorenko // Sibirskii filologicheskii zhurnal. – 2017. – № 2. – S. 5 – 13.
6. Kidaish-Pokrovskaya, N. V. Perevod tyurkoyazychnyh pamyatnikov v Akademicheskoi serii : Fol'klor. Izdanie epasa / N. V. Kidajsh-Pokrovskaya. – Moskva : Nauka, 1977. – S. 129 – 130.
7. Bol'shoi tolkovyi slovar' yakutskogo yazyka. – Novosibirsk : Nauka, 2017. – 591 s.
8. Kuznecov, S. A. Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka / S. A. Kuznecov. – Sankt-Peterburg, 2006.
9. Kunin, A. V. Frazheologiya sovremennogo angliiskogo yazyka / A. VU. Kuzina. – Moskva : Mezhdunarodnye otnosheniya, 1996. – S. 183.
10. Logan, P. Smit. Frazheologiya angliiskogo yazyka / Logan. P. Smit. – Moskva : Prosveshchenie, 1959.

11. Gutov, A. M. Istoriko-sravnitel'naya poetika / A. M. Gutov // Geroiko-istoricheskiĭ epos narodov Severnogo Kavkaza. – Groznyj, 1988. – S. 6.
12. Ubryatova, E. I. Issledovaniya po sintaksisu yakutskogo yazyka. II. Slozhnoe predlozhenie. – [Kniga 2-ya] / E. I. Ubryatova. – Novosibirsk : Nauka. Sibirskoe otделение, 1976. – 379 s.
13. Stilisticheskiĭ enciklopedicheskiĭ slovar' russkogo yazyka / Pod redakciej M. N. Kozhinoĭ. – Moskva : Flinta : Nauka, 2003 – 696 s.

– ЯЗЫКИ И КУЛЬТУРА НАРОДОВ АЛТАЙСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ СЕМЬИ –

DOI: 10.25587/ALTAISTICSVFU.2022.59.24.008

УДК 821.512.157 Венера.09

М. П. Попова

Поэтическая фонетика В. Петровой–Венеры (на материале сборников «Освобождение» и «Робкое дыхание»)

Северо-Восточный федеральный университет им.М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия
E-mail: pmatrena75@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена выявлению фонетических особенностей стиха якутской поэтессы Венеры Николаевны Петровой–Венеры. Цель работы – доказать, что аллитерация и рифма поэтессы, представленные в двух ее основных сборниках, оригинальны и способствуют более глубокому раскрытию чувственного мира лирической героини, помогают раскрыть художественный замысел автора. Для достижения данной цели нами использован методологический аппарат лингвопоэтики: комплексный подход к изучению поэтического материала и описательный, структурный приемы исследования. Творчество талантливой современной поэтессы Венеры, к сожалению, полностью не изучено. Поэтические сборники, книга рассказов автора до настоящего времени не удостоились должного внимания со стороны специалистов. Ее произведения рассмотрены литературоведами в контексте развития современного литературного процесса. Между тем Венера Петрова–Венера – обладатель нескольких призовых мест литературных конкурсов регионального уровня. Ее поэтическая фонетика – демонстрация достижения современной якутской поэзии в области звуковой организации стиха, а содержание стихотворений представляет расширение тематического диапазона женской поэзии в целом. В данной работе поэтическая фонетика рассматривается как часть лингвопоэтики, которая развивается как наука на стыке литературоведения и лингвистики. Нами исследовано всего 3092 поэтические строки поэтессы и выявлено следующее: всего аллитерировано 2145 строк, что составляет 69% от общего процента количества всех строк и рифмовано 2046 строк, что составляет 66%. Нами обнаружено 8 типов начальных рифм с вариациями и 15 типов рифмы (по классификации Н. Н. Тобурокова и М. Н. Дьячковой), что свидетельствует о высоком мастерстве В. Петровой–Венеры. В течение развития всей якутской поэзии только у таких известных якутских поэтов, как Иван Арбита и Рафаэль Багатайский, мы наблюдали разнообразие аллитераций и рифм. В ходе исследования мы пришли к выводу, что поэтическая фонетика В. Петровой–Венеры – это не только демонстрация ее возможностей в области звуковой организации стиха, но и возможность передачи внутренних переживаний лирической героини.

Ключевые слова: поэтическая фонетика, звуковая организация стиха, аллитерация, рифма, повторы, тавтология.

ПОПОВА Матрена Петровна – к. филол. н., доцент кафедры якутской литературы, Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова.

E-mail: pmatrena75@mail.ru

POPOVA Matrena Petrovna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of the Yakut Literature, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University

M. P. Popova

Poetic phonetics of Venera Petrova – Venus: the case of the poetry collections “Liberation” and “Timid Breath”

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

Abstract. The article is devoted to revealing phonetic features of the verse of a Yakut poetess Venera Nikolaevna Petrova – Venus. The aim of the research work is to prove that alliteration and rhyme represented in her two main books are original and contribute to a deeper disclosure of the lyrical main character’s inner world, help to reveal the author’s main idea. To achieve this aim, we use methodology of linguopoetics: the complex approach to the studying of poetic material and descriptive, structural methods of research.

Unfortunately, the works of the talented modern poetess Venera Petrova have not fully been studied. Her poetry collections and book of stories have not yet received specialists’ due attention. Her works have been considered by literary critics in the context of the development of the modern literary process. Meanwhile, Venera Petrova – Venus is the owner of several prizes at regional literary contests. Her poetic phonetics is a demonstration of the achievements of modern Yakut poetry in the field of sound organization of the verse, while the content of the poems represents an extension of the thematic range of women’s poetry in general.

In this article we consider poetic phonetics as a part of linguopoetics, which develops as a science at the intersection of literary criticism and linguistics. We studied 3,092 poetic lines of the poetess and revealed the following: 2,145 lines are alliterated, making 69 % of the total percentage of all lines, and 2,046 lines are rhymed, making 66%. We found 8 types of initial rhyme with variations and 15 types of rhyme (according to the classification of N.N. Toburokov and M.N. Dyachkovskaya), which indicate the high skills of Venera Petrova – Venus. In the development of all Yakut poetry, we can observe a variety of alliterations and rhymes only among such famous poets as Ivan Arbita and Rafael Bagataisky.

In the course of our research, we came to the conclusion that the poetic phonetics of Petrova-Venus is not only a demonstration of her abilities in the field of the sound organization of the verse, but also the ability to convey the inner experiences of the lyrical main character.

Keywords: poetic phonetics, sound organization of the verse, alliteration, rhyme, repetitions, tautology.

Введение

Лингвопоэтика как филологическая дисциплина исследует язык художественных текстов, в том числе и звуковую организацию стиха.

В отечественной филологии о создании отдельной филологической дисциплины впервые написал в своих работах В. В. Виноградов [1]. По его мнению, результаты лингвопоэтических исследований должны показать особенности эстетических функций языковых единиц художественных произведений.

В отечественной науке исследования особенностей звуковой организации стиха опираются на работы таких известных ученых, как Р. Якобсон, Л. Якубинский, М. Кушнер, Е. Поливанов др. Анализ звуковой стороны художественных текстов проводился В. Жирмунским, Г. Тимофеевым, Н. Томашевским, И. Журавлевым, Е. Гончаровым, М. Кожевниковым, Г. Ворониным, Л.Г. Зубковой, В. Векшиным др.

Как отмечает В. Я. Задорнова, лингвопоэтика возникла в результате сближения лингвистики и литературоведения, предметом которой является «совокупность использованных в художественном произведении языковых средств, при помощи которых писатель обеспечивает эстетическое воздействие, необходимое ему для воплощения его идейно-художественного замысла» [2, с. 19].

Лингвопоэтика как междисциплинарная дисциплина, изучает такие понятия, как поэтический язык, поэтическая речь, идиолект, стихотворная речь, поэтический прием и т. п.

Фонетические средства языка, используемые в поэтической речи, представляют большой интерес, так как наглядно показывают особенности взаимодействия формы и содер-

жания в стихе. Но с течением времени некоторые особенности использования авторами фонетических средств могут меняться [3]. Поэтому изучение поэтической фонетики современных авторов требует особого внимания со стороны специалистов.

Венера Николаевна Петрова–Венера – поэтесса, прозаик, журналист, член Союза писателей РС (Я) с 1995 года, лауреат республиканской премии в области поэзии «Золотой олень-98».

Поэзия Венеры представлена в основном в двух ее поэтических сборниках «Босхолонуу» («Освобождение») (1993) [4], «Сипсиэрдэр» («Робкое дыхание») (1996) [5], благодаря которым мы склонны утверждать, что поэтическая фонетика поэтессы – не только яркое явление в современной якутской поэзии, но и образцовый показатель поэтического мастерства современных якутских авторов в плане звуковой организации стиха.

Существование примеров начальных рифм в стихотворениях якутских поэтов С. Данилова, К. Урастырова, Р. Багатайского, П. Тобурокова и С. Тарасова впервые отметила литературовед М. Н. Дьячковская. При начальных рифмах создается впечатление, что слова рифмуются полностью, и это приводит к их сближению, устанавливающему смысловую связь между созвучными словами и строками [6]. Подобное явление в организации якутского стиха было также отмечено в работе Е. А. Архиповой, посвященной творчеству И. Е. Слепцова–Арбиты [7].

Фонетические особенности стиха В. Петровой–Венеры

Аллитерация поэтессы В. Петровой–Венеры богата и разнообразна. Нами исследовано 3092 поэтические строки поэтессы в сборниках «Босхолонуу» («Освобождение»), «Сипсиэрдэр» («Робкое дыхание»). Аллитерировано 2145 строк, что составляет 69% от общего количества всех строк. В 1145 строках наблюдаем внутреннюю аллитерацию, что равняется 53% от общего количества аллитерированных строк. Приведем пример:

Атыҥна алдьархай дэтиэҕи
Сороххо сор буолан сордуоҕу
Аахсыбакка аһаран иһэрэ,
Кыһаллыбакка кыһытара

(«Тимирии» – «Погружение»).

Аллитерация В. Петровой–Венеры передается одним-двумя-тремя слогами и частыми (в 479 поэтических строках) повторами целых слов. Также наблюдаем глубокую аллитерацию, построенную по принципу построения рифмы в начале слова.

Наши материалы по анализу начальных рифм В. Петровой–Венеры показывают, что она внесла значимую лепту в обогащение их разнообразия (нами обнаружено 8 типов начальных рифм с вариациями). Ниже мы приводим основные типы таких начальных рифм, сохранив при этом их традиционное обозначение как аллитерации.

1. Аллитерация с усечением:

– конечного согласного одного из слов пары. Встречаем 4 раза.

Бэйэҥ бааргына – эн баар буолуон,
Бэйэ баарына – барыта баар

(«Эн уонна эн тулан» – «Ты и твоё окружающее»).

2. Аллитерация с наращением (встречаем 15 раз):

Ол эрэ, ол эрэ
Олохпор кэрэ баар

(«Ол эрэ» – «Только другое»).

3. Аллитерация с замещением:

– в середине слова (11 раз):

Имэ суохха
Илэ суохха

(«Сүтүмээри» – «Чтобы не исчезнуть»);

– в конце слова (4 раза):

Уол илдьиттээх этэ
Уон хонуктаах ол Дьол

(«Уон сылтан...» – «Из десяти лет...»);

– двойное замещение (18 раз):

Уһугун, уйулҕам сүр күүһэ!
Умулун, тас өтгүм сырдыга!

(«Мин быһаныым» – «Мое спасение»).

4. Аллитерация с выпадением (6 раз):

Түүннү илэ чуумпутугар
Умнуллаллар бары тыллар,
Түүннү эйгэ уоскуланар
Умнуллаллар бары уоттар

(«Түннүк нөҥүө көстөр тулам» – «Через окно видно все»).

5. Аллитерация сложная:

– замещением и выпадением (3 раза):

Көнүллүк тыыныхпын
Көнүлүм – иһирдьэ

(«Таһыттан санаа» – «Раздвоение»).

Далее приведем примеры чистых начальных рифм, которые встречаются редко в якутской поэзии:

1. Начальная рифма – «эхо»:

Кулук харанаттан
Харана,
Барык баартан атын
Ангара

(«Илэ этэ дуу» – «Было ли все наяву»).

2. Замещение в начале слова (5 раз):

Чабыл күнүм кириитэ,
Набыл киэһэ үүнүүтэ

(«Албас этэ барыта» – «Мы сделали ошибку»).

3. Сложная начальная рифма:

– с усечением и замещением (5 раз):

Уоту кытары уот буолан
Суоҕу кытары суос буолан

(«Оонньуота суох олох хобдох...» – «Жизнь без игры скучна...»);

– замещением и прибавлением встречается 3 раза:

Этиллибити сэрэйэ,
Бэриллибити эрэйэ

(«...күлүүнэн көөчүктүүр көнүлбэр...» – «Ты пришел вовремя»).

Таким образом, в стихотворениях Венеры мы нашли глубокую аллитерацию, построенную по принципу организации рифмующихся слов в конце строки, которую иногда называют начальной рифмой. Наши материалы по анализу фонетики Венеры показывают, что такая аллитерация – начальная рифма – в истории якутской версификации стала заметным явлением именно в ее творчестве.

Из исследованных 3092 поэтических строк рифмовано 2046 строк, что составляет 66%. Если распределим все рифмы Венеры по их типам (по классификации М. Н. Дьячковой, Н. Н. Тобурокова), то получим следующую картину [6, 8]:

Классификация якутской рифмы:

1. Фономорфологическая рифма (грамматически однородная).

– рифмы, имеющие точное совпадение звуков, созданные путем подбора пар одних и тех же частей речи: тыыныхпын – ааттыыхпын, тулабар – аттыбар, элэктээри – сүрэхтээри (18,2%);

– рифмы, в которых при совпадении согласных, различаются гласные звуки: көрүүбүнэн – санаабынан, таһымнарыгар – өттүлэригэр, сангарбат – истибэт (15,5%);

– рифмы, в которых при совпадении гласных, различаются согласные звуки: бүппэт – биэрбэт, хаһаннар – боруоктар (1,5%);

– Рифмы, в которых наблюдается не только точное звуковое совпадение аффиксов, но и захватываются корневые звуки: симиккэ – күлүккэ, саралаат – салжаат, тыынынан – салгынынан (2,8%).

2. Точная рифма, состоящая из слов разных форм одной части речи: аатыраары – хаалымаары, арыяаачыгын – хардылааччыбын (0,5%).

3. Точная рифма, состоящая из слов разных частей речи: үлтүркэйдэр – күлүмүрдэр, көстүүлэр – күөйэллэр, харахтар – курдуктар (1,5%).

4. Рифма с поглощением, или так называемая рифма – «эхо»: ааспыт – аспыт, тэрийэммин – мин, кээмэйинэн – эн (2,0%).

5. Тавтологическая рифма: түмүк күнэ – бэһис күнэ – атаары күнэ – хотторуу күнэ, төрүөхпүт эргииргэ – олохпүт эргииргэ, тупсар курдук – атын курдук (4,6%):

– тавтологическая рифма – «суох»: саҥата суох – түмүгэ суох – аанньала суох – таптала суох (3,1%);

– тавтологическая рифма – «буолуу», передающаяся разными частями речи и формы: биир буолуу – тэн буолуу (существ.), иччитэ буолуоҕа – тыына буолуоҕа, уот буолан – суос буолан (дееприч.) (1,0%);

– тавтологическая рифма – «эбит»: айыы эбит – ааттанар эбит, кута эбит – кутталлаах эбит (0,8%);

– тавтологическая рифма – «эрэ»: ханна эрэ – хаһан эрэ, өйдөөмүнэ эрэ – эрдэтинэ эрэ (0,5%);

– тавтологическая рифма – «дуу»: аабыым дуу – таайыым дуу – кыайыым дуу – сатыым дуу, түргэним дуу – эрэ дуу, уоскуйуохпут дуо – тиллиэхпит дуо (1,6%);

– тавтологическая составная рифма: мин бүгүн – мин бүгүн, күһүнү таптыбын – күһүнү таптыбын, аны суох – аны суох (3,2%).

6. Рифма с усечением конечного согласного звука: уйан – долгуйа, харанаттан – хараҥа (0,2%).

7. Рифма с наращением: буолуо – буолуом (0,3%).

8. Рифма с замещением:

– согласных внутри слова: эрэйэр – дэнэр, эргэ – эрдэ, ырааба – ырааһа (3,8%);

– в начале слова: баартан – наартан, сүтүмээри – бүтүмээри, балай – далай (0,9%).

9. Рифма с выпадением согласного звука в середине слова: таптатаары – таптаары, аналланаммын – санааланаммын (0,5%).

10. Рифма с перемещением: сүтүүтэ – түһүүтэ, тугун – угутун, мунабын (0,3%).

11. Неравносложная рифма (в этом случае происходит утрата ощущения слогового объема рифмы): булан – буолан (0,2%).

12. Составная рифма: суох ааста – сураста, сипсийэ – сир ийэ (0,1%).

13. Смешанная, или сложная рифма встречается в единичных случаях:

– с усечением и замещением: сааһыланнын – арыяннын;

– с замещением и выпадением: эгэлгэ – эйэ, ордорон – онорон, байбалыгар – бабатыгар (0,2%);

– с выпадением и перемещением: араарар – быһаарар, суолга – суоҕа;

– с замещением и прибавлением: хомуһуна – хомулунна, үөмүөбэ – үөскүөбэ;

– с замещением и наращением: тала – сылаа.

14. Акустическая рифма, основанная на подобии звучания при отклонении в написании рифмующихся слов: көстүбэт – дьэ бу бэрт, биллэрбэт – олус бэрт, бабарбытын – баҕа айы (0,1%).

Из приведенных выше примеров видно, что у В. Петровой–Венеры богатством вариаций выделяются тавтологические рифмы (всего составляет 15% от общего количества строк): составная тавтологическая рифма, рифмы – пары – «суох – суох», «буолуо – буолуо», «дуу – дуу», «эрэ – эрэ», «эбиттэр– эбиттэр» и т. д. Чаще всего встречаем рифменную пару «суох – суох»: «кыабым суох – көнүлүм суох» (у меня прав нет – свободы нет), «баҕа суох – санаа суох», (у меня желания нет – мечты нет). В некоторых стихотворениях «суох» – «нет» передается через перекрестную рифмовку:

Саната суох
Салгынна дайыахпыт,
Түмүгэ суох
Түгэннэ көтүтүөхпүт.

Аанньала суох
Алынна түһүөхпүт,
Таптала суох
Туманна мунуохпүт.

Үктэлэ суох
Үрдүктэн сүтүөхпүт,
Эрэлэ суох
Эргинтэн итиэхпит.

(«...Саната суох» – «...Если будем молчать»).

(Если будем молчать / То будем висеть на волоске / И пропадем / С концами. / Без Ангела / Попадем в Ад, / Без любви / Забудемся в тумане. / Без поддержки / Упадем в пропасть / Без надежды / Исчезнем навсегда).

Кроме этого, нередко встречаются рифмы, переданные аффиксами глаголов в отрицательной форме. Например:

Дорҕоон долгуна сэрэппэккэ
Ис тэним чуумпугун толордо,
Дорҕоон омуна ыйыппакка
Биир кэмник устуубун тохтоотто.

Бу дорҕоон тыас эрэ буолбатах –
Добун күүс үөһүттэн төрүөттэх.
Бу дорҕоон күүс эрэ буолбатах –
Модун тыын кэриэтэ сүр иэннэх.

(«... Дорҕоон долгуна сэрэппэккэ» – «... Не предупреждая меня»).

(... Не предупреждая / волны звука наполнили меня, / Не спрашивая у меня / Изменили мою жизнь. / Эти звуки – не просты – / Предназначены сверху / Эти звуки – не просто сила, / Они могущественны словно Святой дух).

В стихотворении «Хал буолбут санаа» – «Надоедливая мысль» автором представлен сформированный стереотип о предназначении женщины в нашем патриархальном обществе, с которым лирическая героиня не согласна:

Дьахтар мэйиитин ыйааһына
Эр киһи кизиннээбэр кыра дииллэр,
Өйүн-санаатын далааһына
Ыраабы кыайан хаппат дэһэллэр.

Эр киһини эрэйдээмээри
Быстах дьарыктан босхолоотохпут,
Эр киһибитин эһимээри
Соло туһалаабын умуннахпыт.

Саха дьахтара аатыраары
Сэмэй сурахпынан биллиэм үһү,
Үтүө үгэстэн хаалымаары
Көрсүө бэйэбинэн көстүөм үһү.

Кини үрдүк аналламмытын
Өрөгөйүттэн өрөбөтүгэр
Тиксизбим. Күнүн күлүк өттүн
Көстүүтүн аныа этэ дуу, бабар.

Ордорбуттарын үллэстэрбин
Арай мин киһи астыныа суохпун,
Бүгүн санабыттан маппыппын.
Сарсынны турукпунан аахпаппын.

Говорят, мозг женщины / Уступает мозгу мужчины, / Она не может мыслить / Масштабно, как мужчина / Чтобы угождать мужчине / Во многом ему уступаем, / Чтобы его возвысить / Сами не добиваемся высот. / Чтобы считаться якутской женщиной / Должна быть очень скромной, / Чтобы почтить традиции / Должна быть очень скромной. / От его Славы мне / Достанется только немножко. / Может, если он захочет / Буду его тенью. / Но такая участь / Мне не по душе, / Сегодня мне не суждено говорить. / Но завтра будет иначе.

Заключение

Мы склонны утверждать, что звуковая организация стиха современной поэтессы В. Петровой–Венеры помогает раскрыть художественный замысел двух ее основных сборников «Босхолонуу» («Освобождение») (1993) и «Сипсиэрдэр» («Робкое дыхание») (1996). Лирическая героиня сборников желает самоутвердиться как личность в этом мире, где живут два противоположных пола: мужчина и женщина. Наличие заметного количества тавтологии целых слов в строке в виде аллитерации и рифмы в этом ей «помогают».

Поэтесса через контексты своих стихотворений и звуковую организацию стиха раскрывает тему женского протеста против ритуализации поведения пола в обществе. Ее лирическая героиня утверждает, что в нашем обществе у женщины больше запретов, чем свободы. В женщине из-за ее внешней красоты не хотят видеть женщину-человека, умеющего

самостоятельно мыслить, по-своему любить и оценивать красоту. Потому ее лирическая героиня желает освободиться от данной реальности, пространственной и временной ограниченности, для чего прибегает к звуковой организации стиха, богатой повтором целых слов в начале и конце строк и рифмой, переданной в отрицательной форме.

Также нужно отметить, что присутствие синонимов (36 случаев пар), антонимов (12 случаев пар) в конце строки, аффиксы которых рифмуются, говорит не только об умении Венеры строить звуковое подобие стиха, но и об умении сочетать, «рифмовать» логически родственные по содержанию или, наоборот, отличные друг от друга слова, и это помогает наиболее полно воспринимать чувственный мир лирической героини.

Разделение творчества на мужское и женское иногда объясняется как ненаучный подход к предмету исследования, однако творчество человека в большей степени является продуктом его социального пола (гендер). Поэтому использованная в стихах В. Петровой–Венеры поэтическая фонетика демонстрирует не только мастерство автора, но и раскрывает внутренние переживания лирической героини.

Литература

1. Виноградов, В. В. Язык художественного произведения / В. В. Виноградов // Вопросы языкознания. – 1954. – № 5. – С. 29.
2. Задорнова, В. Я. Словесно-художественное произведение на разных языках как предмет лингвопоэтического исследования / В. Я. Задорнова : Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. – Москва, 1992.
3. Гаспаров, М. Л. Метр и смысл / М. Л. Гаспаров. – Москва : Фортуна ЭЛ, 2012. – 416 с.
4. Венера. Босхолонуу / Венера. – Сунтаар, 1993. – 62 с.
5. Венера. Сипсиэрдэр / Венера. – Дьокуускай : Бичик, 1996. – 101 с.
6. Дьячковская, М. Н. Аллитерация и рифма в якутской поэзии : проблемы эволюции классификации / М. Н. Дьячковская. – Новосибирск : СО РАН НИЦ ОИГГМ, 1998. – 152 с.
7. Архипова, Е. А. Поэзия Ивана Арбиты : творческий путь и поэтика : Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Е. А. Архипова. – Якутск, 2001. – 21 с.
8. Тобуроков, Н. Н. Труды по тюркскому стихосложению / Н. Н. Тобуроков. – Якутск : Изд-во СВФУ, 2018. – 503 с.

References

1. Vinogradov, V. V. YAzyk hudozhestvennogo proizvedeniya / V. V. Vinogradov // Voprosy yazykoznaneya. – 1954. – № 5. – S. 29.
2. Zadornova, V. YA. Slovesno-hudozhestvennoe proizvedenie na raznyh yazykakh kak predmet lingvopoeticheskogo issledovaniya / V. YA. Zadornova : Dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni doktora filologicheskikh nauk. – Moskva, 1992.
3. Gasparov, M. L. Metr i smysl / M. L. Gasparov. – Moskva : Fortuna EL, 2012. – 416 s.
4. Venera. Bosholonuu / Venera. – Suntaar, 1993. – 62 s.
5. Venera. Sipsierder / Venera. – D'okuuskaj : Bichik, 1996. – 101 s.
6. D'yachkovskaya, M. N. Alliteraciya i rifma v yakutskoj poezii : problemy evolyucii klassifikacii / M. N. D'yachkovskaya. – Novosibirsk : SO RAN NIC OIGGM, 1998. – 152 s.
7. Arhipova, E. A. Poeziya Ivana Arbity : tvorcheskij put' i poetika : Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskikh nauk / E. A. Arhipova. – YAkutsk, 2001. – 21 s.
8. Toburokov, N. N. Trudy po tyurkskomu stihoslozheniyu / N. N. Toburokov. – YAkutsk : Izd-vo SVFU, 2018. – 503 s.

– ЮБИЛЕИ, ДАТЫ, СОБЫТИЯ –

DOI: 10.25587/ALTAISTICSVFU.2022.51.88.009

УДК 929Дьаргыстай

Г. Г. Филиппов, Л. Е. Манчурина

**Васильев Юрий Иванович-Дьаргыстай – учёный-тюрколог,
преподаватель, журналист и общественный деятель**

**Yuri Vasiliev-Dyargystai – Turkologist, lecturer, journalist
and public figure**

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия

E-mail: filippovgg@mail.ru

E-mail: manchurinale@mail.ru

Кандидат филологических наук, доцент СВФУ, академик Международной тюркской академии, отличник образования РС (Я), член Союза журналистов РФ, Союза писателей РС (Я), Союза писателей Турции Юрий Иванович Васильев родился 27 августа 1952 г. в с. Верхневилуйск Якутской АССР. В 1969 г. окончил Верхневилуйскую среднюю школу имени И. Барахова. В 1970–1974 гг. учился на историко-филологическом факультете Горно-Алтайского государственного педагогического института, по окончании которого получил специальность преподавателя русского языка и литературы. В 1974–1976 гг. работал учителем русского языка и литературы Тобелерской средней школы Кош-Агачского района Горно-Алтайской автономной области.

ФИЛИППОВ Гаврил Гаврильевич – профессор, д. филол. н., почётный директор Института языков и культуры Северо-Востока Российской Федерации, Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова.

E-mail: filippovgg@mail.ru

FILIPPOV Gavril Gavril'evich – Doctor of Philological Sciences, Professor, Honorary Director, Institute of Languages and Culture of the Peoples of the Northeast of Russia, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

МАНЧУРИНА Лидия Егоровна – к. филол. н., доцент кафедры стилистики якутского языка и русско-якутского перевода, Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова.

E-mail: manchurinale@mail.ru

MANCHURINA Lidiya Egorovna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Yakut Stylistics and Russian-Yakut Translation Department, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

В 1976-1979 гг. Юрий Иванович учился в аспирантуре Института истории, филологии и философии СО АН СССР в г. Новосибирске. В 1981 г. в Институте языкознания АН КазССР (г. Алма-Ата) защитил кандидатскую диссертацию на тему «Способы выражения сравнения в якутском языке».

В 1979-1989 гг. работал научным сотрудником в ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР, принял участие в составлении академической «Грамматики современного якутского литературного языка» и дополнительного тома «Диалектологического словаря языка саха».

Во время работы в 1989-1991 гг. заведующим Якутским филиалом НИИ национальных школ МНО РСФСР Ю. И. Васильев много внимания уделял повышению роли родного языка в процессе обучения и воспитания, преподаванию школьных предметов на родных языках в национальных школах республики, развитию якутско-русского двуязычия, расширению связей с якутоязычным населением Красноярского и Хабаровского краев.

При активной поддержке Ю. И. Васильева в 1990 г. в Неранской школе Тугуро-Чумиканского района Хабаровского края, где проживает этническая группа якутов, говорящая на особом диалекте якутского языка (удские якуты), было начато факультативное изучение якутского языка.

С 1991 г. Юрий Иванович работает старшим преподавателем, затем доцентом кафедры якутского языка Якутского государственного университета. Он читал основные курсы по современным якутскому, турецкому, алтайскому языкам, спецкурсы по лексике, диалектологии, терминологии якутского языка на высоком научно-теоретическом уровне, был единственным специалистом-филологом ЯГУ по современным тюркским языкам.

За высокие показатели в работе ему присуждены звания «Лучший преподаватель ЯГУ» (1994 г.), «Автор лучшего учебного пособия ЯГУ» (1995 г.).

В 1992-1994 гг. Ю.И. Васильев прошел стажировку в Турецкой Республике, где на факультете языка, истории и географии Анкарского университета работал преподавателем якутского языка, литературы и фольклора.

В 1999 г. преподавал якутский язык и литературу в Текосской школе академика М. П. Щетинина (Краснодарский край).

Ю. И. Васильев – известный в республике и за её пределами учёный-тюрколог и общественный деятель. Он автор около 30 книг и брошюр, включая программы, учебники, учебно-методические пособия и словари, в том числе трех книг, изданных за рубежом (Турция), автор более 130 научных статей, включая всероссийские, всесоюзные и зарубежные издания. Так, только в Турции им издано 14 статей по проблемам якутского языка, литературы и культуры.

Юрий Иванович – единственный преподаватель якутского языка и литературы, работавший за рубежом по своей специальности (Турция). Его книги «Турецко-якутский словарь», «Образцы якутского фольклора», «Поговорим по-турецки и по-якутски», изданные в Турции, являются основными пособиями для студентов турецких высших учебных заведений, изучающих тюркские языки.

Ю. И. Васильев имел тесные связи со школами республики. Он был активным участником и инициатором работы по развитию якутского и русского языков как государственных языков в РС (Я), преподаванию якутского языка и национальной культуры в русскоязычных школах.

По инициативе и активной поддержке Ю. И. Васильева в Верхневилуйской республиканской гимназии им. М. А. Алексеева проведены 7 региональных научно-практических конференций старшеклассников Вилюйского региона по тюркологии, в 2004 г. состоялась первая республиканская конференция, в 2005 г. – международная конференция с привлечением специалистов из Франции, Польши, Венгрии, Японии, Кореи, Турции, Австралии.

Ю. И. Васильев был научным консультантом Тулунинской средней школы Усть-Алданского улуса, поддерживал тесные связи с Якутской городской национальной гимназией, его имя вошло в Книгу почета Усть-Таттинской средней школы Таттинского района.

Благодаря исследованиям Юрия Ивановича в школьные программы по литературе вошли произведения А. Я. Уваровского – автора первого литературного произведения на якутском языке и А. Д. Неустроевой – первой якутской женщины – члена Союза писателей СССР.

Ю. И. Васильев – известный в республике журналист. В республиканской периодической печати Ю. И. Васильевым опубликовано более 500 статей и материалов. Он автор многих теле- и радиопередач, в том числе по проблемам науки и образования. Большое практическое значение для уроков якутского языка и литературы имеют научные видеофильмы Ю. И. Васильева «Письмена Эллэй Боотура» (о древних письменах предков якутов в Прибайкалье) и документальный видеофильм «Якутская делегация в работе I Всесоюзного тюркологического съезда в Баку (1926 г.)» (об участии якутских писателей А. И. Софронова и Кюндэ, выдающегося государственного деятеля И. Н. Барахова).

Юрий Иванович был награжден почетными грамотами Министерства образования и Министерства культуры РС (Я), Департамента по высшей школе и науке при Правительстве РС (Я), Правления Союза журналистов РФ, Президиума ЯФ СО АН СССР.

Ю. И. Васильев ушел из жизни в рассвете творческих сил. Его жизнь оборвалась как бы на лету. Впереди были командировка в Турцию, поездки в Новосибирск, Алтай со студентами, завершение монографии, защита докторской диссертации и многое другое.

Его дело продолжает сын Иван Юрьевич Васильев – старший преподаватель кафедры якутского языка, который исследует раннюю историю изучения якутского языка.

Юрий Иванович был открытым, доброжелательным и приветливым человеком. У него было много друзей и единомышленников, его любили студенты, потому что он был требовательным, но вникающим в жизнь и интересы молодежи, очень внимательным учителем.

Свет души Юрия Ивановича обязательно будет продолжен его учениками и друзьями-единомышленниками.

АЛТАИСТИКА

Электронное научное периодическое издание

№ 4 (07) 2022

Технический редактор *Н. В. Дмитриева*

Компьютерная верстка *А. М. Соловьева*

Оформление обложки *П. И. Антипин*

Подписано в печать 29.12.2022. Формат 70x108/16.

Дата выхода в свет 30.12.2022.